

ПОСТФОРДИЗМ

концепции, институты, практики

МБОУ ВПО «Екатеринбургская академия современного искусства (институт)»
Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук

ПОСТФОРДИЗМ

КОНЦЕПЦИИ, ИНСТИТУТЫ, ПРАКТИКИ

Под редакцией
М. С. Ильченко, В. С. Мартянова

РОССПЭН
Москва
2015

УДК 330
ББК 65.02
П63

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
МБОУ ВПО «Екатеринбургская академия современного искусства
(институт)» (протокол № 1 от 9 октября 2014 г.)*

*Рекомендовано к изданию ученым советом Института философии
и права УрО РАН (протокол № 10 от 10 ноября 2014 г.)*

Рецензенты:

С. Е. Вершинин, доктор философских наук, профессор,
Л. Г. Фишман, доктор политических наук

П63 **Постфордизм: концепции, институты, практики** / под ред.
М. С. Ильченко, В. С. Мартьянова. – М. : Политическая энци-
клопедия, 2015. – 279 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1995-8

Коллективная монография посвящена рассмотрению постфордизма как комплексного социального феномена и осмыслению его многообразных проявлений в современном мире. Авторы книги, известные российские и зарубежные специалисты в области социальной философии, политической теории, социологии, экономики, урбанистики, современного искусства и архитектуры, пытаются понять, какие постфордистские практики утвердились в сегодняшних условиях, насколько постфордизм оказывается релевантным как самостоятельная социальная концепция и устойчивым в виде различных социальных взаимодействий.

Явление постфордизма помещено в книге в разные контексты: от развития глобальной экономической системы до трансформации городских пространств и структур повседневности. Особое внимание уделяется специфике постфордистских тенденций в современной России.

Книга предназначена для специалистов в области философии, социально-политических, экономических и исторических наук, а также для всех интересующихся вопросами современного глобального развития.

УДК 330
ББК 65.02

ISBN 978-5-8243-1995-8

© Екатеринбургская академия современного искусства (институт), 2015
© Политическая энциклопедия, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I. Постфордистское общество:

теория, культура, практики

- Глава 1. Постфордизм в современном мире: новые вызовы и способы осмысления. Вместо вступления (*М. С. Ильченко*) ... 4
- Глава 2. Постмодернизм или логика культуры постфордизма? (*Д. Гартман*) 18
- Глава 3. Постфордизм: научная теория или новейшая социальная утопия? (*В. С. Мартьянов*) 52
- Глава 4. Две остановки в новой современной глобальной географии: формирование новой рабочей силы и режимов занятости (*С. Сассен*) 79
- Глава 5. Кризис планирования и постфордистский город (*Т. Каминер*) 137
- Глава 6. Проекты и музеи: постфордистские технологии организации современного искусства (*П. Гилен*) 156

ЧАСТЬ II. Российские импликации постфордизма и социальные изменения: революция или инволюция?

- Глава 7. Фордизм и постфордизм. Альберт Кан и Эрнст Май: США и Германия в борьбе за советскую индустриализацию (*М. Г. Меерович*) 171
- Глава 8. Гиперрегуляция как российский путь к постфордистской модели образования (*С. Л. Кропотов*) ... 223
- Глава 9. Индустрия детства и постфордизация родительства и семейной сферы в России (*Н. А. Черняева*) 238
- Глава 10. Поздний капитализм и феномен консервативной реакции в российском искусстве (*Т. А. Круглова*) 259
- Сведения об авторах 276

Часть I

ПОСТФОРДИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО: ТЕОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПРАКТИКИ

Глава 1. ПОСТФОРДИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СПОСОБЫ ОСМЫСЛЕНИЯ. ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Из всего ряда объемных и нагруженных смыслами понятий, описывающих масштабные культурные и социально-экономические изменения конца XX века, понятие «постфордизм» получило среди отечественных исследователей наименьшее распространение. Это кажется тем удивительнее, что в большинстве случаев в фокусе анализа исследователей оказывались процессы и тенденции, отчетливо подпадающие под категорию «постфордистские» – начиная от влияния рыночных механизмов на воспроизводство общественных отношений и заканчивая утверждением новых практик социальной мобильности и коммуникаций. Однако чаще всего для их описания использовались понятия «постмодернизма» и «постиндустриализма», родственные и во многом созвучные, но стремительно утрачивающие наряду со своим концептуальным содержанием свойства научных категорий.

Было бы преувеличением считать, что понятие постфордизма отличается излишней четкостью и само по себе дает действенный инструмент для анализа. Однако в общем ряду других громоздких понятий с приставкой «пост» оно все же выглядит методологически более определенным и ясным. Подтверждением тому служит сама история его происхождения. Экономисты и, в частности, сторонники теории регуляции, пытавшиеся понять природу кризиса капитализма в конце 1970-х годов, старались быть предельно аккуратными с новой терминологией. Так, Мишель Аглиетта в своей классической работе «Теория капиталистического регулирования» предпочитал использовать термин «Neo-Fordism», тем самым, с одной стороны, говоря

о возникновении принципиально нового типа трудовых отношений, а с другой, подчеркивая его неразрывную связь с прежней, фордистской системой¹. Некоторые авторы оказывались еще более осторожными и оперировали термином «After-Fordism», рассматривая новые явления через призму кризиса фордизма и как бы намекая на то, что говорить о наступлении нового этапа развития еще рано².

Однако вне зависимости от используемой приставки перед словом «фордизм» исследователи пытались подчеркнуть лишь одну принципиально важную вещь: привычная система функционирования капитализма претерпела изменения и демонстрирует новые черты развития. Как отмечал Дэвид Харви, главным общим знаменателем всех многочисленных теорий, пытавшихся объяснить природу кризиса фордистской системы, стало утверждение о том, что «начиная примерно с 1970 года в характере функционирования капитализма изменилось что-то очень важное»³. Такая, казалось бы, излишняя осторожность имела под собой прочные методологические основания. Участники «постфордистских дебатов» не стремились возвестить начало новой эпохи, очертить контуры будущего и объявить о разрыве с прошлым. Они, напротив, старались сосредоточиться на текущем моменте и понять глубину изменений, происходящих «здесь и сейчас», через их непосредственное наблюдение в социальной, экономической и культурной жизни. Именно в этом стоит видеть серьезное отличие концепций постфордизма от большинства других масштабных социальных теорий, описывавших глобальные трансформации последних десятилетий. Понятие постфордизма не содержало в себе той проективной составляющей, которая была заложена в идею постиндустриального общества, и не претендовало на всеохватность постмодернистских теорий. В общих рассуждениях и дискуссиях о переходе общества и экономики в новую эпоху сторонников постфордистских концепций интересовали не столько ее образ и очертания, сколько сам переход. Какими бы кардинальными ни были происходившие изменения, они еще не означали наступления новой эры, но зато серьезно меняли текущие условия жизни общества. Стюарт Холл писал по этому поводу: «Масштабные перемены напоминают нам, что “новые времена” наступают как где-то там “вовне”, меняя условия нашей жизни,

---

¹ Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation: The US Experience. Verso, 2001.

² Peck J., Tickell A. Searching for a New Institutional Fix: the After-Fordist Crisis and the Global-Local Disorder // Post-Fordism: A Reader. Ed. By A. Amin. Blackwell, 1994. P. 280–315.

³ Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge & Oxford: Blackwell, 1990. P. 173.

так и “здесь”, оказывая непосредственное воздействие на нас. Таким образом, можно сказать, что “перестраиваемся” именно мы»¹.

Конечно, использованию понятия «постфордизм» всегда сопутствовали разногласия, многие его изначальные смыслы затирались в общей риторике глобальных перемен, в результате чего оно оказывалось синонимичным другим созвучным понятиям. Но все же общее направление рассуждений о постфордизме задавалось логикой «дебатов» экономических школ конца 1970-х – начала 1980-х годов, в которых ключевым вопросом выступал кризис существующей, фордистской, системы отношений и поиск способов выхода из него. С анализа экономических взаимодействий эта логика переносилась на другие сферы развития общества.

В ракурсе постфордистских концепций прежний мир не разрушался, бесследно уходя в прошлое, а скорее перестраивался и переструктурировался. Само это «прошлое» как бы продолжало присутствовать в настоящем, приобретая новые формы и характер существования. Перестраивалась система рыночных взаимодействий, трудовых отношений, видоизменялись городская среда и механизмы коммуникации в ней, менялись жизненные ритмы человека, его привычки, модели поведения, способы восприятия окружающего пространства. Кто-то усматривал в этом контуры того самого нового мира и формирующегося «постфордистского общества», кто-то просто говорил о временном кризисе и переходном периоде. Но в любом случае в центре исследовательского внимания оказывалась реальная институциональная среда взаимодействий, определявшая течение процессов в социальной, экономической, культурной сферах, а вместе с этим и нормы поведения человека в конкретный период времени, «здесь и сейчас». Не случайно, по мнению Дэвида Харви, ключевой проблемой, связанной с экономическими трансформациями конца XX века, являлся вопрос о том, «каким образом капитализм приобретает черты все более жестко организованной системы благодаря пространственному рассредоточению, географической мобильности, гибким реакциям на изменения в рынках труда, трудовом процессе, потреблении, которые при этом сопровождаются серьезными институциональными, производственными и технологическими инновациями»².

Трудно понять, насколько эта система была зависима от новых тенденций, а насколько – от предшествующего опыта развития и каким образом эти новые и старые элементы в ней переплетались, где капитализм уже успел обрести свои новые гибкие формы, а где еще

---

¹ Hall S. Brave New World // Marxism today. 1988. October. P. 24.

² Harvey D. The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge & Oxford: Blackwell, 1990. P. 159.

следовал логике «тяжелого» фордистского прошлого. Именно это вызывало закономерный скепсис большинства сторонников постфордистских концепций в использовании дихотомических подходов и проведении жестких временных разделительных линий, и именно поэтому приставка «пост» перед словом «фордизм» всегда казалась им излишней, громоздкой и во многом противоречивой.

Методологическую оправданность такого взгляда мы можем оценить сегодня, через три десятилетия после наиболее интенсивной фазы дискуссий вокруг постфордизма. Большинство вопросов, поставленных ее участниками, по-прежнему остается открытыми. Очевидно, что мы живем в мире, резко отличающемся от реалий конца 1970-х – начала 1980-х годов. Но соответствует ли сегодняшняя социальная, экономическая, культурная, политическая действительность смелым прогнозам тридцатилетней давности? Настолько ли резко произошел тот самый переход к новой фазе развития, о котором говорили социальные теоретики? И завершился ли он в принципе? Ушли ли в прошлое стандартизированное массовое производство и массовое потребление? Изжиты ли централизм, иерархичность и бюрократизм в управлении, традиционные механизмы мобилизации и ценности коллективизма? Все ли стало настолько гибким и «текучим», как ожидалось?

Можно по-разному оценивать современное состояние капиталистической системы – как преодолевшей кризис, вступившей в новую фазу своего развития, продолжающей претерпевать трансформацию или идущей к упадку, но совершенно очевидно, что сегодня она представляет собой гораздо более сложную структуру, чем можно было предположить еще совсем недавно. Современный капитализм включает в себя самые разнообразные элементы, типы взаимосвязей и организационные структуры и при этом демонстрирует способность вполне устойчиво воспроизводить собственные противоречия. В его границах оказывается возможным сосуществование не только противоположных по своей природе режимов функционирования, но и самих способов организации экономического взаимодействия. Различить в этом многообразии элементы прежней системы массового производства и новые постфордистские тенденции подчас оказывается еще сложнее, чем три десятилетия назад, поскольку и те, и другие тесно переплетаются в системе единых механизмов и практик. По замечанию Жан-Пьера Дюрана, сегодня все чаще создается впечатление, что постфордизм является «не более чем перевоплощением фордизма или, точнее, его зрелым состоянием, которого он достиг, пройдя через болезнь роста, так и не победив ее до конца»¹.

---

¹ Дюран Ж.-П. Фордистская сущность постфордизма // Рубеж: альманах социальных исследований. 1998. № 12. С. 50.

Означает ли такая ситуация, что переход к новому социально-экономическому состоянию все еще продолжается, либо, наоборот, она свидетельствует о том, что он уже завершился и, говоря словами Шанталь Муфф, стал возможен как раз благодаря «реартикуляции уже существующих элементов»?¹ По сути сегодня это не имеет принципиального значения. Гораздо важнее изменить сам ракурс восприятия того, что стало принято называть «переходным состоянием» и к чему было приковано столь пристальное внимание участников «постфордистских дебатов». «Переходное состояние» оказалось вполне устойчивым, превратившись в естественную форму существования социальных институтов, режимов рыночных взаимодействий и практик повседневной жизни. И объяснялось это не столько «затянутостью и трудностью» процесса перехода, сколько тем, что сама цель этого процесса становилась все более расплывчатой и туманной.

Та самая неопределенность, снижение которой специалисты считали основным условием преодоления кризиса фордистского капитализма², не только никуда не исчезла, но со временем лишь усилилась. Сегодня ее с полным правом можно считать одним из ключевых условий и факторов воспроизводства всей системы глобальных социально-экономических взаимодействий. В современных условиях эта неопределенность оказывает гораздо большее влияние на действия и стратегии крупных экономических акторов, международных организаций, правительств и обычных граждан, нежели любые ценностные установки и идеологические приоритеты. Сокращение горизонта проективного мышления, погружение «утопии в реальность»³ и необходимость существования в краткосрочной перспективе делают процесс институциональных изменений крайне интенсивным, а саму структуру взаимодействий сложной и многосоставной – теперь в ней вынуждены сочетаться разнородные элементы, принципы, нормы и правила игры. В таких условиях наиболее устойчивой и воспроизводимой формой становится, как ни парадоксально, все временное и «промежуточное».

Сегодняшняя глобальная система социально-экономических отношений продолжает претерпевать процесс переструктурирования, который затрагивает самые различные сферы, от форм организации территориально-политического пространства до повседневной жизни отдельного человека. Это процесс, в ходе которого возникновение

---

¹ Муфф Ш. Демократическая политика в эпоху постфордизма // Художественный журнал. 2011. № 8. С. 100.

² См., напр.: Elam M. Puzzling out the Post-Fordist Debate: Technology, Markets and Institutions // Post-Fordism: A Reader. Ed. By A. Amin. Blackwell, 1994. P. 43–70.

³ Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 297–302.

принципиально новых элементов в экономике, политике, социальных отношениях совершенно не означает исчезновения прошлого, а, напротив, предполагает сложные формы взаимодействия с ним. Появление новых акторов и способов коммуникации вовсе не ведет к тому, что прежние уходят в небытие, а мир в одночасье становится другим. Мир действительно меняется, но меняется постепенно. И самое главное – мир значительно усложняется, дифференцируется, сегментируется. Понять логику этих изменений сегодня можно, лишь разобравшись в логике возникновения и развития отдельных «деталей» и элементов глобальной системы, рассматривая их в самых различных проявлениях – например, через анализ новых рыночных ниш, практик трудовых отношений, форм образовательной мобильности, принципов застройки городского пространства или организации работы художников и новых арт-институций. Именно это позволяет более отчетливо разглядеть контуры и очертания сложившейся сегодня глобальной системы социально-экономических взаимодействий.

Представляется, что логика постфордистских дискуссий в этом смысле способна предложить удачный ракурс для анализа. При этом в ходе изучения современных российских реалий категориальный аппарат, введенный в научный оборот исследователями постфордизма около трех десятилетий назад, в состоянии приобрести и качественно новое концептуальное наполнение.

Отечественными исследователями термин «постфордизм» использовался в основном либо в узкоспециализированных экономических текстах, либо в ходе обзора актуальных за рубежом направлений социально-политической мысли, либо в качестве синонима уже упомянутых понятий или просто модного словечка. Лишь в редких случаях авторы пытались придать ему статус полноценной научной категории, которую можно было бы оперативно использовать в исследовательской практике¹.

С одной стороны, такая ситуация вполне понятна. Сама проблематика постфордистских концепций с их изначальным акцентом на разборе причин переустройства системы капиталистического произ-

---

¹ Шевчук А. В. Постфордистские концепции (критический анализ). Казань: КГУ, 2000; Шевчук А. В., Попов Ю. Н. Современная экономика и социология труда. Учебное пособие. М.: Экон-Информ, 2003; Радаев В. В. Экономическая социология. М.: ГУ ВШЭ, 2008; Радаев В., Добрякова М. Анализ рынков в современной экономической социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2008; Иноземцев В. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia; Наука, 1998; Федорченко А. В. Современные тенденции территориальной организации промышленного производства. М.: Пресс-Соло, 2003.

водства оставалась по большей части чуждой для отечественного исследователя. Теория регуляции, концепции гибкой специализации, новые подходы к изучению организации труда – все эти новые исследовательские традиции, получившие популярность среди западных специалистов в 1970–1980-е годы на фоне очередного кризиса капитализма, в России воспринимались скорее как еще одно теоретическое новшество, приобретенное в результате «импорта» западного знания. При этом и общий контекст возникновения проблемы, и используемые зарубежными коллегами инструменты ее решения оставались неизвестными и не до конца ясными. Да и значимость этих вопросов не казалась первостепенной. Для России, которая в результате крупномасштабной перестройки социально-политической системы получала «все и сразу», утверждение новых практик социально-экономического взаимодействия оказывалось всего лишь одним из аспектов масштабной трансформации общества в целом. В центре исследовательского внимания находились, как представлялось, более глобальные изменения – формирование новых политических институтов, смена идеологического курса, структурные преобразования в экономике. Все остальные проблемы отходили на второй план, а их решение словно бы откладывалось на потом.

Между тем наиболее основательные и глубокие изменения, как правило, были малоприметны, слабо различимы внешне и осуществлялись именно на этом «заднем плане». Постсоветский человек обнаруживал себя в условиях качественно новой среды, где вместе с системой экономики менялись привычные социальные связи, формы коммуникации, трудовые практики и весь повседневный жизненный ритм. Эти изменения не отличались стремительностью, но именно они определяли фундаментальные сдвиги в характере общественных отношений. Дискуссии о «ценностной революции», импорте политических институтов, столкновении «старого» и «нового» постепенно затихали, и за ними проступал скепсис, оборачивавшийся противоположной реакцией: перемены иллюзорны, а страна идет по инерционному пути развития. Но, несмотря на резкую смену оценок, по истечении времени эффекты произошедших изменений давали о себе знать лишь сильнее. На фоне разговоров о ренессансе советского и «возвращении прошлого» Россия в действительности оказалась куда более зависимой от включенности в глобальные процессы и мировые тенденции развития. И даже не столько в плане существования прямых экономических взаимосвязей с другими странами, сколько в плане проникновения этих новых глобальных тенденций в повседневную жизнь людей, в самую ткань социальной жизни. Безусловно,

и разочарование в переменах, и социальная ностальгия, и ценностная неопределенность – все это существенно определяет модели поведения и образ жизни постсоветского человека. Но не в меньшей степени его поведение оказывается зависимым от появления новых форм занятости, изменения ритма рабочего дня, новых практик потребления, способов социальной коммуникации, механизмов идентификации – тех явлений, которые стали естественным следствием вхождения России в глобальное социально-экономическое пространство. Представляется, что категория постфордизма, в этом смысле, способна стать прочной концептуальной рамкой и в состоянии предложить удачный ракурс рассмотрения этих процессов в современном российском контексте.

Многие высказанные в книге идеи, а также предложенные в ней аналитические подходы обсуждались на серии научных семинаров и конференций, инициированных Екатеринбургской академией современного искусства в 2012 году. Ключевые вопросы развития тенденций постфордизма оказались, в частности, предметом дискуссий на междисциплинарной научно-практической конференции «Контуры постфордизма в современной России: между неопределенностью и устойчивыми институтами», организованной Екатеринбургской академией современного искусства, Институтом философии и права УрО РАН и Уральским федеральным университетом в Екатеринбурге в мае–июне 2012 года, а также на семинарах, проведенных в рамках 2-й Уральской индустриальной биеннале современного искусства в сентябре–октябре 2012 года.

Основной целью этих обсуждений стали попытка рассмотрения постфордизма в качестве комплексного социального феномена и поиск новых способов осмысления его многообразных проявлений в современном мире, поэтому к участию в семинарах были привлечены представители различных социально-гуманитарных дисциплин. Как следствие, авторами монографии стали известные российские и зарубежные специалисты в области социальной философии, политической теории, социологии, экономики, антропологии, урбанистики, истории архитектуры.

Стоит сказать, что междисциплинарность книги стала тем естественным условием рассмотрения постфордизма, которое позволило показать его многомерность, разноплановость и широту проявлений. Авторы не ставили цели собрать мозаику различных дисциплин и исследовательских традиций в изучении постфордистских тенденций, а скорее пытались поместить этот феномен в различные контексты рассмотрения. В итоге многообразие использованных в работе подходов лишь подчеркнуло, что насколько бы они ни были отличны между

собой, авторский стиль их применения объединяют определенное методологическое созвучие, общая логика в попытке нащупать и очертить формы существования, способы действия и воспроизводства постфордистских механизмов. Именно это «созвучие» и направление логики анализа можно считать тем общим теоретическим знаменателем, который связывает между собой авторов издания. В книге совершенно осознанно не предпринимается попытка дать четкое определение постфордизму и поместить его в жесткие концептуальные рамки. По мнению авторов, «открытость» и гибкость понятия постфордизма являются принципиальным условием его жизнеспособности и востребованности в качестве действенного аналитического инструментария, которое при этом может дать ему весомое преимущество перед другими предельно обобщенными категориями социальных наук.

Ряд материалов книги имеет преимущественно теоретическую направленность, ряд – ориентирован на анализ постфордистских тенденций в конкретных сферах: в городском пространстве, образовании, современном искусстве и др. Однако, по сути, каждый автор в своем тексте невольно решает двойную задачу. С одной стороны, анализирует современное состояние и текущие процессы через призму постфордистских концепций, а с другой, подспудно осуществляет их ревизию, придавая самому понятию постфордизма новые смыслы, формируемые соответствующим контекстом. В связи с этим представляется важным еще раз обратиться к наиболее авторитетным концепциям постфордистского развития, чтобы подвергнуть их критическому взгляду в ракурсе сегодняшнего дня и в то же время посмотреть через оптику этих концепций на те сферы социального, экономического и культурного взаимодействия, которые до сих пор оставались вне фокуса подобного исследования.

Несмотря на то что предметом книги являются глобальные процессы и тенденции, охватывающие мировое пространство в целом, особый акцент в монографии сделан на рассмотрении современных российских реалий. Именно этим обуславливается ее структура. Если в первой части книги основное внимание уделяется разбору наиболее значимых подходов и концепций, позволяющих анализировать постфордистские тенденции в общемировом глобальном масштабе, то во второй части авторы предпринимают попытку рассмотреть различные формы российских импликаций постфордизма. Как представляется, погружение исследовательского инструментария в анализ современной российской действительности дает наглядный пример того, каким образом постфордистские концепции могут приобретать новое методологическое звучание. При этом даже те тексты зарубежных авторов, в которых российская тематика не затрагивает-

ся напрямую, под таким углом зрения прочитываются в качественно новом ключе.

Первая часть монографии «Постфордистское общество: теория, культура, практики» посвящена общим концептуальным вопросам изучения постфордизма. Своеобразным введением в теоретическую проблематику книги выступает перевод известной работы американского исследователя Дэвида Гартмана «Постмодернизм или логика культуры постфордизма?». В ней автор подвергает обстоятельному критическому анализу влиятельные концепции Дэвида Харви и Фредрика Джеймисона, объясняющие природу постфордистского общества. Согласно автору, эти концепции не только упускают из внимания несинхронный характер изменений в экономике и культуре, но и недооценивают потенциал диалектического соотношения между этими сферами. Гартман утверждает, что характер экономических отношений постфордизма был во многом предопределен именно культурными трансформациями. Опираясь на обширный эмпирический материал, посвященный изменениям в автомобилестроении и архитектуре, он показывает, что первые проявления постмодернизма отчетливо обнаруживают себя в американской массовой культуре, стимулированной фордистскими реформами. Гартман приходит к выводу, что в американских условиях именно культурные изменения привели к экономическим переменам, характерным для эпохи постфордизма, а подрыв самой системы массового фордистского производства оказался связан с внутренними противоречиями потребительской культуры американского общества.

Анализ проблемы в широком теоретическом фокусе в следующей главе продолжает политолог Виктор Мартьянов, который рассматривает особенности состояния постфордизма сквозь призму идеи постиндустриального общества, акцентируя внимание на его идеологическом потенциале и ценностном содержании. По мнению исследователя, постиндустриализм и постфордизм не создают принципиально новых ценностей, институтов и идеологических ориентиров, оказываясь серьезно зависимыми от прошлого и индустриальных форм развития. Постиндустриализм и постфордизм оборачиваются не новым типом экономики, а лишь созданием высокоприбыльных глобальных монополий в узких сегментах капиталистической мир-системы. Мартьянов приходит к выводу, что легитимирующий потенциал постиндустриальных, постмодернистских и постфордистских идей, связанных с утопией освобождения от индустриального Модерна и построением нового, более справедливого «общества больших возможностей для всех», следует признать переоцененным и опровергнутым развитием глобального мира последних десятиле-

тий: второстепенные и частные тенденции не приобрели характера всеобщих закономерностей.

В главе 4 американский социолог и экономист Саския Сассен анализирует изменения, происходящие в структуре глобального рынка труда. Согласно автору, эта структура сегодня отличается особой сложностью и включает в себя как транснациональный рынок высококлассных специалистов ведущих мировых компаний, так и многочисленные неконтролируемые потоки рабочей силы в неформальных секторах экономики. Возникновение многообразных форм пересечения этих двух рынков превращается, по мнению Сассен, в одну из характерных особенностей современного глобального состояния. Появление новых рынков труда и режимов занятости существенно перекраивает социально-экономическую и политическую карту мира, способствуя появлению качественно новых условий воспроизводства национальных экономик, а также постепенному утверждению на мировой арене новых политических акторов.

Глава 5 посвящена различным аспектам влияния принципов фордизма и постфордизма на развитие городского пространства и градостроения. В ней голландский социолог и специалист по архитектурному проектированию Тал Каминер пытается понять, каким образом существующая экономическая формация находит свое воплощение в проектировании и облике современных городов и можно ли вообще говорить о такой взаимосвязи. Идеи фордизма нашли прямое отражение в организации городского пространства и прилегающей к городу территории: само развитие города оказалось подчинено четкому плану и жесткой структуре. Произошедшая впоследствии переориентация крупных городов с производства на финансовый капитал имела для архитектурной политики не менее серьезные последствия. Наиболее важными из них, по мнению Каминера, стали развитие новых деловых центров, строительство зданий-символов и освоение маргинальных городских территорий. На примере анализа реконструкции старых жилых кварталов крупных европейских городов Каминер показывает, как процесс перестройки муниципального жилья в элитные комплексы демонстрирует одновременно символическое и материальное исчезновение пространства фордистского города.

В завершающей главе первой части монографии предметом рассмотрения оказываются постфордистские тенденции в сфере современного искусства и культурной политики. Голландский социолог Паскаль Гилен в своем материале показывает, каким образом постфордистские практики нашли отражение в системе современных арт-институций. Согласно автору, мир современного искусства

оказался особенно уязвим для воздействия рыночных механизмов. Объяснением этому служит глубокая взаимосвязь, существующая между современными социальными практиками, утвердившейся в сфере искусства трудовой этикой и идеологией неолиберализма. Обратной стороной автономии и творческой свободы современного художника становится его зависимость от сетевых отношений и горизонтальных коммуникаций. На примере анализа проектной составляющей в современной творческой индустрии Гилен демонстрирует, как проект не просто превращается в форму организации труда современного художника, но и начинает определять его стратегии, модели поведения, ценности и жизненные установки. В результате мир мобильности и гибкого прогнозирования обнаруживает в себе отчетливые следы жестких правил, норм контроля и идеологического регулирования.

Вторую часть книги «Российские импликации постфордизма и социальные изменения: революция или инволюция?», посвященную рассмотрению постфордистских тенденций в условиях отечественных реалий, открывает материал историка и архитектора Марка Мееровича, в котором исследователь обращается к проблеме использования принципов фордизма в советском опыте промышленного строительства и проектирования городов. Автор показывает, что именно фордовский конвейер оказался той формой рационализации производства, которая позволяла с максимальной эффективностью использовать широкие слои низкоквалифицированной рабочей силы, давая возможность обеспечить в СССР производство массовой «среднекачественной» продукции. Опираясь на обширные архивные материалы, исследователь раскрывает причины приглашения в СССР одного из идеологов фордизма Альберта Кана, а также анализирует опыт работы в советских условиях Эрнста Мая – архитектора, который в соответствии с принципами фордизма самостоятельно разработал технологию ускоренного поточно-конвейерного проектирования генеральных планов рабочих поселков и массового строительства типовых стандартизированных жилых домов.

Предметом анализа урбаниста и философа Сергея Кропотова в главе 8 становится процесс адаптации российской системы образования к принципам постфордистской модели. Автор показывает, что, несмотря на формальное усвоение реформаторами языка постфордизма (артикуляция требований гибкости, ориентированность на студента, компетентностный подход, реализация положений Болонской декларации и др.) сама реформа образования приводится в действие фордистскими по своей природе механизмами – через бюрократизацию и гиперрегуляцию традиционных образовательных

институтов, а также давление на вузы, целью которого объявляется «повышение эффективности», понятое как избавление от маленьких вузов, поглощение их большими, слияние вузов средней величины. В результате, по мнению ученого, в российских условиях утверждается сложная конфигурация постфордистской и фордистской моделей образования: обе модели сосуществуют друг с другом, часто в рамках одной институции, причудливо переплетаясь и создавая гибриды.

Анализ современных российских реалий через призму постфордистских принципов в следующей главе продолжает антрополог Наталья Черняева. Исследователь пытается понять, каким образом частичный переход к паттернам постфордистской экономики в России в 1990-е и 2000-е годы оказался соотносим с трансформацией нуклеарной семьи и родительских практик в направлении консюмеристски-ориентированной и базирующейся на сетевых взаимодействиях экономики «нового родительства». Обращаясь к анализу советской политики в сфере родительства и материнства, автор показывает, что до самого конца СССР родительство оставалось сферой государственного контроля и регулирования. В современной России, согласно исследователю, экономика родительства является неоднородной. Наряду с семьями, по-прежнему ориентированными на социальные инфраструктуры и государственные выплаты, возникает культура «нового родительства», вписанная в глобальную индустрию детства, предполагающую сегментацию и гибкую специализацию рынка товаров и услуг, и ориентированная на горизонтальные сетевые взаимодействия участников.

Наконец, в заключительной главе 10 монографии культуролог Татьяна Круглова пытается проследить через призму перехода от фордизма к постфордизму логику трансформации советского художественного поля. Автор показывает, что основой сталинской «консервативной модернизации» стал художественный проект «соцреализм», который опирался на реставрацию домодернистской картины мира, заключенной при этом в рамку технологических достижений фордистской культуры. В свою очередь, постфордизм в его постсоветском воплощении, неизбежно опирающийся на следы соцреалистического дискурса, поведения и художественной практики, наследовал циклическую логику новации/реставрации, порождая компромиссные формы постмодерна. Для доказательства своей гипотезы исследователь обращается к анализу современного российского кинематографа, имеющего государственную поддержку, в котором обнаруживаются типологически сходные с соцреализмом черты: новая «эпичность» в содержании, эстетический фундаментализм, разномобразии конформистских практик.

Безусловно, настоящая книга лишь обозначает общие контуры проблем постфордистского общества и старается наметить примерные пути их решения. В этом смысле ее можно рассматривать как своего рода введение в общую теорию постфордизма. Представляется, что как рассматриваемые концепции постфордизма, так и анализ современных постфордистских практик обнаруживают свою действенность и релевантность при анализе сложных и подчас неочевидных процессов институциональной трансформации современного социума и самого жизненного мира людей. В условиях дефицита в отечественных социальных науках «теорий среднего уровня» развитие идей и концепций, представленных в книге, могло бы внести вклад в восполнение этого пробела.

* * *

Редакторы книги выражают благодарность за организационную поддержку в ходе реализации проекта Константину Викторовичу Киселеву, Константину Павловичу Кокареву, Татьяне Львовне Ярошевской, Михаилу Витальевичу Занину и Инне Анатольевне Ахьямовой.

Глава 2. ПОСТМОДЕРНИЗМ ИЛИ ЛОГИКА КУЛЬТУРЫ ПОСТФОРДИЗМА?¹

Можно утверждать, что создание и существование архитектурной теории, популяризирующей термин «постмодернизм», отмечает начало и конец эпохи, в которой целый ряд архитектурных открытий несет на себе отражение более широких социально-экономических перемен. Рождением современного направления в искусстве принято считать книгу Ле Корбюзье «К архитектуре» (*Le Corbusier, Vers une architecture*), опубликованную в 1923 году. Архитектор швейцарского происхождения предложил межвоенной Европе два альтернативных варианта будущего: «Архитектура или революция»². Он утверждал, что единственным способом избежать революционных волнений, потрясавших восточные окраины Европы, была переориентация промышленности и культуры с целью наиболее полного удовлетворения потребности масс, особенно в области жилищного строительства. А единственным способом получения достаточно большого количества товаров являлась революционная система массового производства, предложенная Генри Фордом. По мнению Корбюзье, дом – это просто «машина для жилья», и поэтому дома должны проектироваться и производиться «на тех же принципах, что и автомобиль Форда, который я купил»³: то есть все должно подчиняться идее стандартизации, простоты и механизации. Таким образом, архитектура неизбежно должна быть связана с внедрением технологий массового производства и верой в их способность принести экономический прогресс в массы⁴.

---

¹ Статья впервые опубликована в журнале «The Sociological Quarterly». 1998. Vol. 39. № 1. P. 119–137.

² Le Corbusier. *Towards a New Architecture*. New York: Dover, 1986. P. 289.

³ *Ibid.* P. 4, 264.

⁴ Frampton K. *Industrialization and the Crisis in Architecture*. *Oppositions*. 1973. № 1. P. 57–82; Frampton K. *Modern Architecture: A Critical History*. London: Thames and Hudson, 1992.

По мнению теоретика архитектуры Чарльза Дженкса, концом современного движения в искусстве и архитектуре и началом эпохи постмодернизма можно считать 15 июля 1972 года, когда был взорван печально известный Приюитт-Игоу, жилищный комплекс в Сент-Луисе¹. Снос этого государственного жилья, построенного в строгом соответствии с принципами Корбюзье, а также организационное воплощение этих принципов – Международный конгресс современной архитектуры (Congrès International d'Architecture Moderne – CIAM) – символизирует для Дженкса и его единомышленников разрушение веры в прогресс для масс на основе промышленной стандартизации и регламентации. Чарльз Мур пишет, что в настоящее время индустрия значительно изменилась по сравнению с 1920-ми годами, «когда механизация означала повторение», а корпорации, как и сами города, строились на основе централизованной иерархии². Электронные средства коммуникации создали возможность для появления новых более сбалансированных и менее централизованных производств и городов в целом. Паоло Портогези утверждает, что революция в области информационно-коммуникационных технологий привела к появлению постиндустриального общества³. А такое общество, в свою очередь, создает постмодернистскую культуру, которой чужда идея стандартизации и однообразия и которая, наоборот, стремится к многоплановости, образности и даже некоторой иллюзорности.

Эти довольно пространственные и достаточно свободные рассуждения на тему архитектуры, связывающие изменения в культуре с экономическими переменами, нашли дальнейшее обоснование в работах таких серьезных ученых, как Дэвид Харви, Лоуренс Гроссберг, Стюарт Холл, Эдвард Сойя и Фредрик Джеймисон. Соблюдая марксистскую традицию, в широком смысле этого понятия они стремятся объяснить недавнее появление постмодернистской культуры, характеризуемой разнообразием, многоплановостью и бездонностью концепций, новым этапом развития капиталистической экономики, которая вышла за рамки массового производства и которую теперь принято называть «постфордизмом». Хотя их аргументы и дают пищу для размышлений, глубоко проникая в суть вещей, тем не менее эти умозаключения имеют целый ряд недостатков. В частности, они основываются

---

¹ Jencks C. *The Language of Post-Modern Architecture*. New York: Rizzoli, 1991. P. 23.

² Moore C. *Plug It In*, *Ramses. Perspecta*. 1967. № 11. P. 35–37.

³ Portoghesi P. *Postmodern: The Architecture of the Postindustrial Society*. New York: Rizzoli, 1983. P. 10–13.

на идее синхронного развития экономики и культуры, что в действительности искажает реальную картину различий и несоответствий, существующих внутри каждой из этих сфер. Причем игнорирование неравномерности и несогласованности происходящих в них процессов объясняется главным образом тем, что в большинстве общепринятых моделей именно развитие экономики считается основной причиной всех изменений. При этом абсолютно исключается влияние культуры на диалектику развития экономики.

Некоторые современные исследователи утверждают, что эти и другие проблемы, ставшие очевидными в ходе глубокомысленных споров о роли и месте постмодернизма, привели к тому, что сам термин уже стал настолько логически непоследовательным и эмпирически несогласованным, что практически превратился в нечто бесполезное и бессмысленное. Так, Джон Фроу ставит вопрос о том, чтобы вообще «отказаться от этого термина как неточного, непоследовательного, противоречивого и не имеющего реальной исторической основы»¹. Однако, несмотря на серьезную критику, термин по-прежнему остается в употреблении. Я должен согласиться с Норманом Дензином, что понятие «постмодернизм», даже будучи неточным и поливалентным, все-таки отражает нечто вполне реальное². Это признак, которым мы можем объединить многочисленные кризисы социальных институтов, созданных ранее в этом веке, а также соответствующую реакцию на эти кризисы. Мы сможем достичь понимания процессов, идущих в современном мире, не путем отбрасывания понятия «постмодернизм» и родственного ему «постфордизм», но путем раскрытия и разъяснения их неоднозначных и диалектических связей. Ниже дана попытка приступить к такому исследованию на основе внимательного изучения работ Дэвида Харви и Фредрика Джеймисона. Для подведения эмпирического фундамента под критику я остановлюсь на двух моментах, соотношении которые трудно понять в их рассуждениях, посвященных постмодернизму и постфордизму, а именно: на архитектуре и автомобилях.

Хронология и модель культурно-экономической взаимосвязи

И Джеймисон, и Харви стремятся объяснить недавнее появление постмодернистской культуры результатом нового этапа развития капиталистической экономики, так называемого постфордизма.

---

¹ Frow J. What Was Postmodernism? Sydney: Local Consumption Publications, 1991. P. 8.

² Denzin N. Where Has Postmodernism Gone? Cultural Studies. 1993. № 7. P. 507–514.

В своих ранних работах, посвященных постмодернизму, Джеймисон в основном полагался на теорию позднего капитализма Эрнеста Мандела¹, стараясь дать экономическое обоснование происходящим культурным изменениям. Однако, как правильно замечает Майк Дэвис, описанный Джеймисоном культурный этап постмодернизма, начало которого пришлось на 1973 год, не соответствует экономическому этапу позднего капитализма, который, по мнению Мандела, начался еще в 1945 году². Возможно, по этой причине в своих более поздних высказываниях по этим вопросам для характеристики современного экономического этапа Джеймисон вместо постмодернизма использует термин «постфордизм»³. Это дает ему возможность не только упорядочить хронологию событий, поскольку отправной точкой постфордистской экономики принято считать начало 1970-х годов, но позволяет соотносить свою работу с работами других исследователей, в том числе Дэвида Харви⁴, Эдварда Сойи⁵, Лоуренса Гроссберга⁶ и Стюарта Холла⁷, которые выявляют связи между постмодернизмом и постфордизмом. В последнее время Джеймисон и Харви обычно сходятся во взглядах на хронологию событий, выделяя следующие периоды. Первый этап – это свободное, практически ничем не регулируемое развитие рыночного капитализма или конкурентная стадия, длившаяся до 1890-х годов. Такое экономическое устройство общества привело к развитию реализма в культуре, яркими представителями которого стали, например, Оноре де Бальзак, Чарльз Диккенс и Стендаль. Однако на рубеже веков капитализм свободной конкуренции уступил место монополистическому или фордистскому этапу. Этот период характеризуется появлением крупных монополий и массовым производством стандартных товаров. Шок от быстрых экономических и политических изменений в эпоху фордизма привел к возникновению модер-

---

¹ Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. *New Left Review*. 1984. № 146. P. 53–92; Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. London: Verso, 1991.

² Davis M. Urban Renaissance and the Spirit of Postmodernism. *New Left Review*. 1985. № 151. P. 106–113.

³ См.: Jameson F. *The Seeds of Time*. New York: Columbia University Press, 1994. P. 14, 40–42, 204–205.

⁴ Harvey D. *The Condition of Postmodernity*. Oxford: Basil Blackwell, 1989.

⁵ Soja E. *Postmodern Geographies*. London: Verso, 1989.

⁶ Grossberg L. *We Gotta Get Out of This Place: Popular Conservatism and Postmodern Culture*. New York: Routledge, 1992.

⁷ Hall S. *The Meaning of New Times*. P. 116–134 in *New Times: The Changing Face of Politics in the 1990-s*, edited by Stuart Hall and Martin Jacques. London: Lawrence and Wishart, 1989.

низма и отождествляется с искусством таких его представителей, как Джеймс Джойс, Пабло Пикассо и Ле Корбюзье. Кульминацией фордизма и модернизма стал период после Второй мировой войны, когда наблюдалось бурное развитие экономики с одновременным появлением большого количества новаторских идей в искусстве. Однако в конце 1960-х годов начали проявляться недостатки фордистской экономики, кризис и последующая рецессия которой начались с 1973 года. Попытки выйти из этого кризиса привели к возникновению так называемой постфордистской экономики, которая характеризуется гибким производством разнообразных товаров в глобальном масштабе. Эта экономика породила новую культуру: культуру постмодернизма, ставящую превыше всего разнообразие, многоплановость и эфемерность концепций.

Хотя Джеймисон и Харви и причисляют себя к приверженцам марксистской теории, тем не менее они не склонны объяснять влияние экономики на культуру с помощью упрощенной модели базиса и надстройки. Оба под влиянием гегелевских марксистов, таких как Георг Лукач, Теодор Адорно и Вальтер Беньямин, выводят более сложные формальные модели. Эти модели предусматривают, что основное влияние экономики можно найти не в содержании культуры, но в ее формах, то есть не столько в том, что изображается, сколько в том, как это изображается. Таким образом, они вовсе не исследуют содержание культуры с целью неприкрытой легитимации экономической системы и ее правящего класса. Вместо этого они изучают формы выражения, считая, что в них неосознанно отражаются проблемы экономики. Каждый способ производства порождает множество социальных противоречий или дилемм, которые формируют опыт всех живущих в этот период. Особенное значение имеет восприятие пространства и времени. Производители культуры обязательно касаются социальных противоречий, а также переживаний, свойственных людям их эпохи, и стремятся разрешать эти конфликты в художественной форме. Таким образом, социальные противоречия, порожденные экономическим развитием, неизбежно отражаются в формах культурного производства. И если такие произведения оказываются предвзятыми или политизированными, то только потому, что их формы, предложенные художниками и писателями, ограничены социальными рамками классовых позиций их создателей¹.

---

¹ Jameson F. *Marxism and Form*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971; Jameson F. *The Political Unconscious*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1981.

Взаимосвязь между фордизмом и модернизмом

В этой главе мы приступаем к обсуждению постулируемой связи между экономикой и фордистской модернистской культурой, с одной стороны, и постфордистской экономикой и постмодернизмом, с другой. Характеризуя возникшую на рубеже веков такую экономическую фазу развития, как фордизм, Харви и Джеймисон опирались главным образом на работы марксистских экономистов, принадлежавших к так называемой регуляционной школе. Эти экономисты, возглавляемые Мишелем Аглиеттой¹ и Аленом Лилицем², утверждали, что развитие капитализма не может объясняться исключительно общими законами накопления, являющимися его неотъемлемой характеристикой. Необходимо также изучать конкретные социальные институты, которые организуют, регулируют и стимулируют производство и потребление. Устойчивая система производства и потребления называется режимом накопления, а стабильность каждого режима обеспечивается множеством институтов, деятельность которых именуется «способ социальной регуляции».

Рассматривая ход американской истории, регуляционисты утверждают, что на рубеже веков возник новый режим накопления – фордизм. Причиной его появления стали инициированные Фредериком Тейлором и Генри Фордом революционные изменения, которые в конечном итоге привели к созданию массового производства. Предложенная Тейлором программа научного управления предусматривала, что контроль над производственным процессом, ранее осуществлявшийся квалифицированными рабочими, переходил к администрации, представители которой имели соответствующие знания, навыки и опыт. При этом все операции делились на отдельные однотипные манипуляции, производимые в точно определенные временные рамки, что позволяло устранить любые лишние движения и обеспечить максимальную скорость производства. Внедрив свои инновационные технологии, Генри Форд завершил передачу функции управления производством от рабочих руководителям. Он интегрировал раздробленные производственные операции в совершенно рациональную механизированную систему. То, что ранее делали люди, начали выполнять специальные механизмы. При этом конвейерные ленты связали всех работников в единое целое, контролируя каждое их действие путем точного расчета вре-

---

¹ Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation: The U. S. Experience. London: New Left Books, 1979.

² Lipietz A. Mirages and Miracles: The Crisis of Global Fordism. London: Verso, 1987.

мени, отводимого на каждую манипуляцию. Однако ценой, которую Форд вынужден был заплатить за такое громадное повышение производительности труда, стали массовость производства и стандартизация продукции. Чтобы обеспечить окупаемость своих дорогостоящих нововведений, он должен был производить только одну модель автомобиля, а именно «Модель Т», и из года в год сохранять ее дизайн неизменным¹.

Понятие «фордизм» относится не только к новой системе производства, но и новому типу потребления. Для того чтобы поглотить все товары, массово хлынувшие на рынки, необходимо было искать новых потребителей. Только рабочий класс имел достаточно большую численность, необходимую для этого. Но превращение работников в потребителей неизбежно влекло за собой повышение их заработной платы. При этом требовалось убедить рабочих покупать нужные товары, а не производить их в домашних условиях. По мнению Антонио Грамши, высказанному им достаточно давно, именно такие преобразования были начаты Фордом и другими состоятельными капиталистами². После того, как в 1913 году Форд представил свою новую технологию, он столкнулся с волной сопротивления в форме прогулов, текучести кадров и угроз профсоюзов. Чтобы сдержать этот бунт, в 1914 году он объявил о внедрении программы «Пять долларов за рабочий день», благодаря которой заработная плата большинства работников удвоилась. Выплачивая новую зарплату в качестве поощрения труда дисциплинированных рабочих, Форд одновременно искал пути, которые позволили бы ему контролировать расходы своих служащих. Так, Форд исследовал условия их жизни, на основании чего начал внедрять идею стабильного потребления товаров длительного пользования, что гарантировало дальнейшую зависимость работников от высоких зарплат³.

Несмотря на ведущую роль компаний Форда и других состоятельных капиталистов в создании нового типа потребления на основе высокой заработной платы, все эти отдельные усилия не могли

---

¹ Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation... P. 111–122; Palloix C. The Labour Process: From Fordism to Neo-Fordism. P. 46–67 in *The Labour Process and Class Strategies*, edited by the Conference of Socialist Economists. London: Stage 1, 1976; Braverman H. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth*, 1974; Gartman D. *Auto Slavery: The Labor Process in the American Automobile Industry, 1897–1950*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1986.

² Gramsci A. *Americanism and Fordism*. In *Selections from the Prison Notebooks*. New York: International Publishers, 1971. P. 277–318.

³ Gartman D. *Auto Slavery...; Mayer A. 1981. The Persistence of the Old Regime*. New York: Pantheon, 1981.

обеспечить массовость потребления на фоне рыночной конкуренции, обусловленной наличием множества мелких производств. Однако после Великой депрессии появились особые институты, которые гарантировали стабильность, позволяли преодолеть конкуренцию в сфере заработной платы и давали возможность поддерживать высокий уровень спроса. Под защитой нового трудового законодательства профсоюзы разработали коллективный договор, в котором была прописана заработная плата всех категорий работников. Правительство перешло к кейнсианской интервенционистской политике, позволявшей реализовать программу социальных расходов, а также применить фискальную и монетарную политику, способствующую поддержанию высокого совокупного спроса¹.

Джеймисон и Харви утверждают, что культура модернизма появилась одновременно с фордизмом и была ответом на вызванные им социальные противоречия и смену ценностей. Бесчисленные проблемы этого периода должны рассматриваться с точки зрения рационализации по Веберу², или отчуждения по Марксу³. Основной целью фордистского массового производства было превращение человека из субъекта в абстрактный, легко просчитываемый объект (винтик), существующий в полностью рационализированной системе, контролируемой другими людьми в своих собственных интересах. В результате рабочие рассматривали свою трудовую деятельность, в том числе регламентирование по времени и по расположению в отношении друг друга, как нечто чужое, навязываемое им со стороны. А так как в то время работа в целом воспринималась как свидетельство способностей и ценности личности, то рабочие, вовлеченные в рационализированные системы, постепенно начинали воспринимать самих себя как нечто чужеродное, фрагментарное, регулируемое такими же чужеродными элементами. Следовательно, основным противоречием, порождаемым такой системой организации производства, было противоречие между субъектом и объектом. Таким образом, фордизм поставил два вопроса: «Можно ли рассматривать человека не как субъект, а как объект, то есть нечто абстрактное и чуждое самому себе; и можно ли реинтегрировать или примирить между собой объективные и субъективные стороны лич-

---

¹ Aglietta M. A Theory of Capitalist Regulation...; Piore M. J. and Sabel C. F. The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity. New York: Basic Books, 1984; Harvey D. The Urbanization of Capital. Oxford: Basil Blackwell, 1985. P. 205–209.

² Weber M. Economy and Society. New York: Bedminster Press, 1968.

³ Marx K. Economic and Philosophical Manuscripts of 1844. In Collected Works, Vol. 3, by Karl Marx and Frederick Engels. New York: International Publishers, 1975. P. 229–346.

ности, если это противоречие уже возникло на современном этапе развития промышленности?»¹.

Модернистская культура была направлена на решение основного противоречия фордизма и старалась искать ответ по трем основным направлениям: временному, пространственному и самоидентификации личности. Если брать аспект времени или истории, то это противоречие принимало форму взаимоотношения между изменениями и постоянством. Все модернисты отмечали в своих работах тот шок, который они испытывали в новом мире в связи с его радикальным разрывом со старым. Непрерывный ход времен в досовременных обществах, охраняемый природой и религией, был разорван на тысячи фрагментов появлением новых технологий производства и потребления, приведших к тому, что последовательность событий стала хаотичной и зависящей от обстоятельств. Время больше не регулировалось ритмами человеческой жизни: оно сократилось до рационализированной объективной реальности, находящейся под постоянным контролем хронометров и зависящей от процессов, идущих на сборочной линии. Некоторые консервативные модернисты, такие как Уильям Батлер Йейтс и Т. С. Элиот, пытались разрешить эту проблему путем возрождения утраченных традиций. Другие, особенно авангардисты, стремились гуманизировать новое время путем выделения технического прогресса в качестве еще одной мощной силы, способной противостоять хаосу. Такие деятели культуры, как Ле Корбюзье, Фернан Леже, Пит Мондриан, создали так называемую машинную эстетику, или новую объективную реальность, которая подчинялась абстрактным рационализированным формам фордистского массового производства как результату неизбежного материального прогресса человечества².

Если рассматривать аспект пространства, то фордистское субъект-объектное противоречие проявляется как контраст между поверхностностью и глубиной. Ускорение времени, вызванное появлением таких новых технологий, как железнодорожный и автомобильный транспорт, телеграф и конвейер, привело к сокращению или сжатию пространства. Пространства, которые ранее были разделены многими часами труда или переездов, сблизились настолько, что стали существовать почти одновременно, акцентируя при этом быстроту и поверхностность восприятия. То есть пространство теперь больш-

---

¹ Lukacs G. *History and Class Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press, 1971.

² Harvey D. *The Condition of Postmodernity...* P. 10–12, 31–35; Jameson F. *Postmodernism, or, the Cultural Logic of...* P. 302–313; Jameson F. *The Seeds of Time...* P. 8–21, 84–86.

ше походило на внешний объект, воспринимаемый пассивно, чем на субъективно осознаваемое место, которым следует активно завладеть. Еще одной причиной объективизации пространства стал подъем на рынке недвижимости, что позволило уменьшить степень разнородности ландшафтов, предназначенных для работы и отдыха, и свести все к стандартизированным абстрактным единицам единой по своей сущности недвижимости, способной обмениваться в соответствии с объективными законами рынка. В ответ на такое преобразование пространства многие модернисты стремились найти какие-либо основные истины или универсалии, которые помогли бы объединить разрозненные поверхности. Фрейдистская психология считает, что проявление разнообразных неврозов объясняется глубоко подавляемыми инстинктивными потребностями. Кубизм, новая объективность и другие модернистские движения стремились объединить фрагментированный внешний вид объективных пространств, создав тем самым новый техногенный стиль или язык¹.

И, наконец, при рассмотрении аспекта самоидентификации становится очевидным, что субъект-объектное противоречие, порожденное фордизмом, проявлялось как контраст между самостоятельностью личности и фрагментацией. С одной стороны, люди, зажатые рамками рационализованного фордистского производства, ощущали себя как объективные фрагменты системы, регулируемой чужеродной логикой капиталистической рациональности. С другой стороны, система массового потребления давала людям иллюзию неприкосновенности частной жизни, сосредоточенности на самом себе и изолированности от внешнего мира в окружении своей семьи и имущества. Такая иллюзия возникала в результате того, что фрагментарность, присущая рабочему месту, была отделена во времени и пространстве от целостности, свойственной домашней обстановке. Этот парадокс нашел свое отражение в модернистском искусстве, например, в романе Франца Кафки «Процесс» и в картине Эдварда Мунка «Крик». Оба эти произведения предполагают, что в центре всего должна находиться независимая самодостаточная личность, которая постоянно сталкивается с реалиями странного, бессмысленного, непроницаемого мира и которая лишь изредка способна противостоять им². Пожалуй, ни один из видов модернистского искусства не выразил противоречия фордизма столь явно, как архитектура. В 1920-х годах европейские архитекторы,

---

¹ Harvey D. The Condition of Postmodernity... P. 20–23; Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of... P. 6–16; Jameson F. The Seeds of Time... P. 21–32.

² Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of... P. 14–16, 311–313.

такие как Ле Корбюзье, Мис ван дер Роэ и Вальтер Гропиус, стали основателями модернистского движения, провозгласив радикальный разрыв с историческими стилями. В тайне соглашаясь с печально известным заявлением Форда о том, что история – в той или иной мере чужья, они заявили, что эпоха машин требует создания новой архитектуры, которая позволит упорядочить хаос путем отказа от всяких украшений и утверждения рационализированных и стандартизированных форм, свойственных массовому производству, примером которого можно считать фордовский автомобиль «Модель Т». Для архитекторов-модернистов прогресс заключался в удовлетворении материальных нужд рабочих, а именно их потребности в доступном, производимом в массовых масштабах жилье, в котором рабочие могли бы отдохнуть от тягот своей трудовой жизни. Модернисты также активно продвигали идею диалектического единства поверхности и глубины, заявляя, что поверхность здания должна быть свободна от каких-либо украшений, а внутреннее и внешнее пространство должны быть взаимопроникаемы. И, наконец, в своих проектах целых городов они предусматривали возможность одновременного существования фрагментированного производства и централизованного потребления. Заводы, построенные на принципах фордизма, территориально отделялись от спальных районов, чтобы поддерживать иллюзию автономности и самостоятельности личности¹.

Взаимосвязь между постфордизмом и постмодернизмом

Постфордизм – это режим накопления, выходящий за рамки фордистской системы производства и потребления с целью преодоления ее кризиса. Приверженцы регуляционной школы утверждают, что фордизм вступил в стадию кризиса в конце 1960-х годов, но радикально новые экономические тенденции, способные разрешить эту проблему, появились лишь около 1973 года. Все, однако, сходятся во мнении, что по своей природе кризис фордизма был в основном экономическим и ни в коей мере не коснулся культуры. Аглиетта и Липиц утверждали, что к концу 1960-х годов дальнейшее разделение труда по Форду стало уже невозможным, равно как и дальнейшая специализация станков, поэтому рост производительности труда, а значит, и прибылей замедлился. Кроме того, поскольку фордовские методы распространились на страны Европы, Азии и Латинской Америки, международная конкуренция на рынке массовых товаров значитель-

---

¹ Le Corbusier. Towards a New Architecture...; Le Corbusier. The City of Tomorrow and Its Planning. New York: Dover, 1987.

но усилилась, что могло потеснить американские монополии. Кризис фордизма подтолкнул американских производителей искать новые методы производства и новые рынки сбыта своей продукции.

Стремясь избежать сильной конкуренции на рынках массовых товаров, многие производители начали предлагать разнообразную уникальную продукцию, ассортимент которой постоянно обновлялся на основе технологических усовершенствований. В то время как массовые производители стремились захватить рынки путем масштабного производства нескольких стандартизированных продуктов, постфордистские производители старались достичь той же цели, сосредоточившись на разнообразии постоянно меняющихся товаров. Это привело к появлению новой системы потребления, ориентированной не на массовый рынок, а на небольшие специализированные рыночные ниши. Однако выяснилось, что для захвата таких ниш производители должны были изменить жестко специализированную и не требующую высокой квалификации фордистскую систему производства. Новые методы должны были быть более гибкими, позволять быстро адаптировать оборудование и трудовые ресурсы к решению широкого спектра задач, которые возникали в результате постоянной смены ассортимента выпускаемой продукции. Узкоспециализированные фордовские станки были заменены устройствами, работающими на основе микроэлектронных технологий, такими как робототехника или станки с программным управлением, которые можно было легко перенастроить. Неквалифицированные рабочие заменялись высококвалифицированными кадрами, которые участвовали в принятии разнообразных решений, ранее отдававшихся на рассмотрение руководству¹.

Чтобы повысить свою конкурентоспособность, производители не только стремились к разнообразию ассортимента продукции, но старались гибко подходить к решению вопросов, связанных с заработной платой и трудовыми отношениями. Около 1973 года корпорации отказались от выплаты высокой заработной платы и контактов с сильными профсоюзами, традиционно существовавшими в крупных промышленных центрах. Вместо этого они перевели производство на территории, где не было профсоюзов и где можно было платить низкую заработную плату, то есть в слаборазвитые районы и страны. Кроме того, многие корпорации сократили свое производство и передали его сторонним организациям, опираясь при этом на разветвленную сеть низкооплачиваемых подрядчиков, что позволило значительно снизить расходы и повысить прибыль. В эпоху постфордизма

---

¹ Piore M. J., and Sabel C. F. *The Second Industrial Divide...*; Amin A., *Post-Fordism: A Reader*. Oxford: Basil Blackwell, 1994; Aglietta M. *A Theory of Capitalist Regulation...*

капитализм превратился в огромную, децентрализованную глобальную сеть, где по-прежнему доминируют крупные корпорации, подчинившие себе все, что можно эксплуатировать. При этом границы корпоративной власти являются довольно размытыми и, следовательно, трудно идентифицируемыми¹.

Эта новая, более глобальная и диверсифицированная система производства привела к созданию новой системы потребления. В отличие от относительно эгалитарного фордистского рынка, ориентированного на широкие массы населения со средним уровнем доходов, постфордистский рынок неоднороден и разбит на сектора. Группы с высоким доходом покупают эксклюзивные, выполненные «по заказу» товары, производимые в небольшом количестве, в то время как малообеспеченные классы продолжают покупать дешевые массовые товары, часто произведенные за рубежом. Такое углубление неравенства возникло не только в результате сокращения заработной платы и перевода производств на менее развитые территории, но и стало следствием отказа от кейнсианской политики, проводившейся государством. В эпоху постфордизма правительство прекратило осуществление контроля над спросом и перестало поддерживать переговоры между предпринимателями и профсоюзами. Фискальная и монетарная политика была перенаправлена на стимулирование предложения на рынке, поддержку корпоративной конкурентоспособности и наращивание военной мощи. Фордистское государство всеобщего благосостояния было заменено постфордистским неолиберальным государством всеобщей занятости².

Джеймисон, Харви и другие авторы утверждают, что постфордистская экономика создала новое чувственное восприятие, которое закодировано в культуре постмодернизма. Основные дилеммы и противоречия постфордизма аналогичны фордистским, но в постмодернистском производстве они рассматриваются и решаются иным способом. Если взять аспект времени, то сохраняется противоречие между изменениями и постоянством, то есть люди снова обречены на еще один раунд хаотичных и резких перемен, которые, как им ка-

---

¹ Harvey D. *The Condition of Postmodernity...*; Soja E. *Postmodern Geographies...*; Amin A., and Malmborg A. *Competing Structural and Institutional Influences on the Geography of Production in Europe*. In *Post-Fordism*, edited by Amin. Anderson, Perry, 1994. P. 227–248.

² Harvey D. *The Condition of Postmodernity...* P. 166–172; Jessop B. *Post-Fordism and the State*. In *Post-Fordism*, ed. by Amin, 1994. P. 251–279; Esser J. and Hirsch J. *The Crisis of Fordism and the Dimensions of a «Post-Fordist» Regional and Urban Structure*. In *Post-Fordism*, ed. by Amin, 1994. P. 71–97; Lipietz A. *Mirages and Miracles...*

жется, выходят из-под их контроля. И хотя в свое время модернисты смогли за этими изменениями найти какую-то объединяющую идею или цель, постмодернисты отказались от любых попыток унифицировать историю и вместо этого всемерно превозносят хаотичный поток вечного настоящего. Модернистское понимание времени как объективной реальности, имеющей свою направленность и развитие, заменяется внеисторической концепцией бессмысленного потока перемен.

Джеймисон и Харви полагают, что в постфордистской экономике такая потеря историчности имеет две причины. Во-первых, с точки зрения модернистов прогресс представляет собой результат противопоставления обновленных социумов и старых сообществ, находящихся за пределами процесса модернизации. Однако в связи с проникновением капиталистической модернизации во все области земного шара этот контраст исчез. Когда весь мир становится современным, ничто больше не выглядит новым или прогрессивным. Во-вторых, пристальное внимание постфордизма, уделяемое постоянно меняющейся моде и представлениям о прекрасном (с целью продать товар), также подрывает историчность. Когда материальный мир постоянно и произвольно меняется просто ради продажи чего-либо, ценность всего нового и оригинального теряется в этом непрерывном потоке перемен, которые ведут в никуда¹.

С точки зрения пространства постмодернизм отказывается от идеи диалектического единства глубины и поверхности и концентрируется только на одномоментности и поверхностности. В современных условиях разнообразие синхронно существующих областей еще можно унифицировать в ходе глубинных процессов, обусловленных техническим прогрессом. Различные географические пространства можно рассматривать как различные хронологические стадии экономического развития. Но с проникновением капитализма во все сферы историческая глубина пространства испаряется, и люди остаются с ощущением одномоментности, иррациональности и несоразмерности пространства. По мере того как глобальное пространство становится все более однородным и тотализированным, мы начинаем осознавать, что различия между пространствами и народами мира всего лишь поверхностные. По мнению Джеймисона, это объясняется тем, что постфордистская экономическая система слишком велика и децентрализована, чтобы ее можно было охватить человеческим

---

¹ Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of... P. 16–25, 309–311; Jameson F. The Seeds of Time... P. 11–17; Harvey D. The Condition of Postmodernity... P. 54–58, 85–87.

сознанием. Более того, постфордизм поддерживает такое понимание дифференцированности пространства путем создания товаров, предназначенных исключительно для отдельных стран, регионов, рас и этнических групп¹.

Наконец, если брать аспект самоидентификации, то можно смело утверждать, что постфордистская экономика создает ощущение неуверенности в себе и даже психического расстройства. И если в эпоху модернизма эгоцентричность обуславливалась наличием психологического/географического пространства, в котором гетерономный принцип, главенствующий на работе, уравновешивался изолированностью дома и семьи, то в постфордистской экономике потребление пронизывает все области человеческой психики. Эгоцентрическая личность раздроблена на огромное количество сегментов и потребностей, и поэтому более не существует никакого эго, которое могло бы ощущать чужеродность посторонних манипуляций в отношении самого себя. Психической моделью этого периода является уже не модернистский невротик, а постмодернистский шизофреник, для которого опыт представляется в виде потока несвязанных символов в вечном настоящем².

Все эти изменения культурных форм особенно видны на примере архитектуры, ярком образце искусства постмодернизма. Такие архитекторы, как Роберт Вентури, Майкл Грейвс и Чарльз Мур, отказались от идеи исторического прогресса или новизны. Для них машины и технологический прогресс – это дело прошлого. Они обращаются к историческим символам и стилям, чтобы вернуть строительству его гуманитарный смысл. Однако в действительности используемые ими символы не являются результатом глубоких исторических изысканий. На самом деле они не имеют никакого исторического подтекста и просто используются для чисто поверхностного украшения фасадов и интерьеров с целью более эффективного продвижения их на переполненный рынок. Отказавшись от модернистской идеи диалектического единства поверхности и глубины, постмодернисты стремятся подчеркнуть радикальную разобщенность и изоляцию внутренних пространств здания от его открытых для обозрения фасадов. В то время как модернисты иска-

---

¹ Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of... P. 37–38, 341–343, 356–376; Jameson F. The Seeds of Time... P. 40–43, 204–205.

² Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of... P. 14–16, 25–31; Jameson F. The Seeds of Time... P. 31–32; Harvey D. The Condition of Postmodernity... P. 53–54; Grossberg L. We Gotta Get Out of This Place... P. 351–353.

ли универсальный язык для того, чтобы унифицировать все здания, постмодернисты стараются подчеркнуть уникальность каждого из них, тщательно дифференцируя их в контексте различных культур и рынков. Кроме того, подчинившись требованиям постфордистского рынка, постмодернисты отказались от любых попыток рационального планирования и поклоняются рынку как верховному бо-жеству в области составления планов¹.

Сомнительная хронология

В своих попытках объяснить культурные изменения экономическими переменами Харви и Джеймисон предлагают четкую хронологию синхронного развития фордизма/модернизма и постфордизма/постмодернизма. При этом экономика неизменно лидирует, создавая различные противоречия, которые культура пытается разрешить с помощью доступных ей художественных средств. У меня имеются два возражения против такого рода подхода. Во-первых, развитие экономики и культуры является гораздо более сложным и неравномерным процессом, чем это представляется на основе указанной здесь модели. По мнению Гроссберга², необходимо отказаться от предположения, «что существует однозначная взаимосвязь между капитализмом и культурой (например, в период позднего капитализма и постмодернизма), и признать возможность существования различных противоречий и форм артикуляции в рамках разнообразных пространственных и временных логик». Фроу³ также отмечал, что в большинстве постмодернистских хронологий имеется постулат о «синхронной необходимости», которая навязывает некую «универсальную историчность различным неравномерно развитым сферам деятельности социума». Капитализм и культура не развиваются одновременно и синхронно в зависимости от диктата экономики. Несмотря на то что в конечном итоге культура и экономика связаны друг с другом в социальной совокупности, они могут развиваться относительно автономно, следуя своей собственной динамике. Такая неоднородность может проявляться не только между этими двумя сферами, но и вну-

---

¹ Jencks C. The Language of Post-Modern Architecture...; Venturi R. Complexity and Contradiction in Architecture. New York: Museum of Modern Art, 1966; Venturi R., Scott Brown D., and Izenour S. Learning from Las Vegas: The Forgotten Symbolism of Architectural Form. Cambridge, MA: MIT Press, 1972.

² Grossberg L. We Gotta Get Out of This Place... P. 325–326.

³ Frow J. What Was Postmodernism?.. P. 11, 23.

три них, когда, например, разные типы культуры развиваются в различном ритме и с различной скоростью¹.

Во-вторых, в отношениях между экономикой и культурой первая не может считаться причиной второй. Харви и Джеймисон остаются верными марксистской модели базиса и надстройки, считая, что экономический базис влияет на культурную надстройку. По мнению Фроу², оба стремятся найти зависимость культуры от логики эпохальной социально-экономической системы, установив «чисто механическую зависимость между первичной и эпифеноменальной сферами». Они в недостаточной мере признают потенциал диалектического соотношения между культурой и экономикой. Экономика может определять появление различных свойственных обществу противоречий, на которые культура должна найти ответ. Но в самих этих ответах уже содержится потенциал, способный противоречить самим институтам производства и потребления и даже подрывать их. Я надеюсь показать, что именно такое диалектическое противоречие имело место в процессе перехода от фордизма к постфордизму.

В дальнейшем я эмпирическим путем докажу существование этих недостатков и представлю модель взаимоотношений между фордизмом и модернизмом, а также между постфордизмом и постмодернизмом. При этом моя модель будет более сложной, диалектической и реагирующей на неравномерность развития. Моя идея заключается в том, что существует определенное соотношение между типичным продуктом массового производства, например, автомобилем, и архитектурной эстетикой. Чтобы придать моим аргументам больший вес, я буду дополнять их примерами из мира моды.

Как уже говорилось ранее, Джеймисон и Харви защищают постулат о синхронном, одностороннем отношении между массовым производством, свойственным фордистской экономике, и эстетикой модернизма. Массовое производство дешевых стандартных автомобилей (подобных фордовской «Модели Т») и простой функциональной одежды означало не только новый этап в производстве и потреблении, но и появление новой эстетической модели, характеризующейся геометрической простотой, абстрактностью и рационализмом и получившей развитие в модернистской «машинной» эстетике и новой объективности. И только когда экономика начала отходить от массового производства стандартных товаров и все в большей мере производить широкий ассортимент различной продукции, тогда стала проявляться эстетика постмодернизма. Такая хронология, конечно,

---

¹ Frow J. What Was Postmodernism?.. P. 21–23.

² Ibid. P. 14.

кажется вполне правдоподобной. По крайней мере в Соединенных Штатах в таком высоком искусстве, как архитектура, модернизм достиг своего расцвета где-то в 1950–1960-х, и только в 1970-х годах столкнулся с серьезными проблемами. Однако если рассматривать массовую потребительскую культуру, такой способ хронологизации кажется просто смешным. Любой американец, имеющий хоть капелюку знаний в области производства автомобилей или индустрии моды, может сказать, что впервые стиль, разнообразие и эфемерность стали коммерческими аргументами еще в середине 1920-х, а вовсе не в 1970-х годах.

В индустрии моды массовое производство одежды первоначально привело к стандартизации и уничтожению различий. Стиль, свойственный элите, был скопирован и распространен среди широких масс и стал признаком респектабельности и социальной мобильности. По воскресеньям в городе стало практически невозможно без пристального взгляда отличить наемных работников от их хозяев, так как каждый из них в часы досуга носил темный костюм примерно одного и того же стиля. К 1920-м годам даже женская одежда, которая в целом характеризовалась ббольшим разнообразием, становится более стандартной. Широкое вовлечение женщин в общественное производство породило новый стиль, отличающийся простотой и функциональностью и напоминающий модернистские композиции в архитектуре. Таким образом одежда способствовала появлению массового общества, отличающегося внешней бесклассовостью и функциональной однородностью. Однако эпоха простоты была недолгой, поскольку на рубеже 1920-х и 1930-х годов массовое единообразие уступило место индивидуализму.

Чтобы стимулировать спрос, продавцы модных товаров начали дифференцировать и индивидуализировать рынок, организуя опросы потребителей с целью выявления интересующих их стилей, таких как «повседневный», «романтический», «современный» и «артистичный». В отличие от предыдущих периодов, когда мода носила явные классовые различия, против которых выступал Торстейн Веблен в своей работе «Теория праздного класса»¹, все эти разнообразные стили преподносились как личный выбор каждого, свидетельствующий о его индивидуальном вкусе, а не о социальном положении².

---

¹ Veblen T. The Theory of the Leisure Class. New York: Modern Library, 1934.

² Ewen S. and Ewen E. Channels of Desire: Mass Images and the Shaping of American Consciousness. New York: McGraw-Hill, 1982. P. 169–232; Wilson E. These New Components of the Spectacle: Fashion and Postmodernism. In Postmodernism and Society, edited by Roy Boyne and Ali Rattansi. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 210–224.

Аналогичный процесс происходил в имеющей особое значение автомобильной промышленности, которая находится в самом центре дискурса о постмодернизме/постфордизме. К 1927 году, когда в Европе архитекторы-модернисты еще только начинали возводить свои первые объекты, отличающиеся машинной эстетикой, стандартная и функциональная «Модель Т» уже успела безнадежно устареть. Автопроизводители стали предлагать потребителям стилистически разнообразные, постоянно меняющиеся модели, в том числе отличающиеся друг от друга отделкой поверхностей, то есть налицо были все определяющие характеристики постмодернистской культуры. Впервые в этом направлении начала работать компания «Дженерал Моторс» под руководством Альфреда Слоуна, который понял, что поскольку фордистское массовое производство позволило удовлетворить основной спрос на перевозки, то необходимо дать потребителю что-то более качественное, то есть автомобиль, который позволит ему выделиться из толпы. Поэтому, вместо того чтобы предлагать массам один стандартный автомобиль, как это делал Форд, Слоун создал целую иерархию автомобилей, начиная от недорогих «шевроле» и заканчивая роскошными «кадиллаками». Потребители могли выбрать автомобиль, который соответствует их доходам и образу жизни, не теряя при этом своей индивидуальности. Различия между марками GM во многом обуславливались чисто внешними декоративными безделушками, прикрепленными к поверхности автомобилей для придания им определенных визуальных черт. Стилисты, работавшие над дифференцирующей отделкой, старались изолировать ее от любых механических деталей. Таким образом, в середине 1920-х годов автомобили стали первыми образцами эстетики поверхностности, характеризующейся радикальным разрывом между внутренним и наружным.

Слоун не только предложил потребителям различные автомобили, но и модели, которые менялись каждые двенадцать месяцев и которые он назвал «ежегодная модель». Автомобили постоянно совершенствовались, но это были всего лишь поверхностные усовершенствования. Мода и эфемерность являлись неперенными условиями создания ежегодной модели. Это было вечное движение, которое в действительности никуда не вело. Наряду с другими аспектами автомобильного маркетинга все это способствовало исчезновению исторического смысла, то есть означало привилегированность пространства и поверхности по сравнению с историей и временем. С самого начала автомобиль позиционировался как средство ускользания из пут истории путем перемещения в пространстве. Покупателям внушали мысль о том, что любое недовольство следует разрешать путем изме-

нения своего положения в пространстве, а не путем замены исторического общества. В поисках лучших экономических возможностей рекомендовалось переехать в другой город или регион. Это по крайней мере позволяло избежать монотонности и гетерономии фордистского производства, особенно если вы беззаботно катили по нетронутой сельской местности. Огромное количество различных ослепительных поверхностей, существовавших в то время, затмило собой историческое время путем перемещения образов в пространстве¹.

Новые более дифференцированные модные тенденции и автомобили были на переднем крае радикального изменения массовой потребительской культуры в Америке в 1920–1930-х годах. Поскольку в середине 1920-х годов рынок потребительских товаров стал перенасыщенным, фордистские производители все чаще обращались к разнообразию стилей, чтобы успешно конкурировать на рынке и стимулировать спрос на свою продукцию. Великая депрессия и катастрофический спад совокупного спроса лишь усугубили эти тенденции. Промышленные дизайнеры старались добавить стильные, привлекающие внимание поверхности ко всему, над чем работали, начиная от локомотивов и заканчивая точилками для карандашей². До середины 1960-х годов такая потребительская культура казалась абсолютно совместимой с фордистскими методами массового производства.

Разнообразие, различие и модификация потребительских товаров не требовали никаких постфордистских компьютеров или роботов, а также постфордистского улучшения организации труда и участия работников. Все это создавалось усилиями талантливых промышленных дизайнеров, таких, например, как Харли Эрл («Дженерал Моторс»), с использованием типичных для фордистского периода станков и сборочных линий и с привлечением низкоквалифицированных трудовых ресурсов. Основные механические узлы разнообразных автомобильных моделей оставались неизменными, что позволяло сохранять большой объем производства, необходимый для экономически выгодной эксплуатации узкоспециализированного оборудования. Такие относительно одинаковые детали использовались для производства целого ряда различных моделей автомобилей. Даже фундаментальные структуры, а именно шасси и кузов, были ограничены несколькими стандартными видами, общими для всех подразделений компании.

---

¹ Gartman D. *Auto Opium: A Social History of American Automobile Design*. London: Routledge, 1994.

² Meikle, Jeffrey L. *Twentieth Century Limited: Industrial Design in America, 1925–1939*. Philadelphia, PA: Temple University Press, 1979.

Однако, чтобы замаскировать эту серийность, дизайнеры крепили к корпусу относительно недорогие элементы декора, позволяющие визуально отличать модели. Именно эти дешевые детали, а не стандартные компоненты, располагавшиеся внутри корпуса, изменялись год от года, придавая моделям новый вид¹.

Различие в культурном развитии: Европа и Америка, высокий и низкий стиль

Даже беглое изучение развития американской массовой культуры показывает, что именно в ней появились первые ростки постмодернизма, причем задолго до того, как эти черты начали проявляться в высоком искусстве, например, в архитектуре. Очевидно, что для развития этих признаков постмодернизма вовсе не требуется создание новой экономической системы производства. Почему же регуляционисты и их последователи, такие как Джеймисон и Харви, не заметили или проигнорировали эти тенденции? Я считаю, что ответ заключается в том, что они главным образом рассматривали историю Европы и не обращали внимания на развитие американской массовой культуры.

Более того, европейские (в основном французские) экономисты, предложившие дискурс о фордизме и постфордизме, позволили своим национальным чувствам исказить собственную самобытную историю этих режимов накопления, первые признаки которых, судя по всему, появились в США. Большинство из них признает, что фордистское массовое производство действительно не смогло завладеть Европой и Великобританией до окончания Второй мировой войны². И в Европе, как и в Америке, первая продукция раннего фордизма была стандартизирована, функциональна и скучна, как, например, автомобили «Остин-7» (Austin Seven) и «Моррис Майнор» (Morris Minor)³. Кроме того, до 1960-х годов в Европе не было ничего, что могло хотя бы приблизительно напоминать потребительскую культуру различий и украшательства Америки, где она начала развиваться благодаря новаторским усилиям дизайнеров и мерчандайзеров. По-видимому, именно это ввело в заблуждение ре-

---

¹ Gartman D. Auto Opium...

² Lipietz A. Mirages and Miracles...; Anderson P. Modernity and Revolution. New Left Review. 1984. № 144. P. 96–113; Piore M. J., and Sabel C. F. The Second Industrial Divide...

³ Batchelor R. Henry Ford: Mass Production, Modernism and Design. Manchester: Manchester University Press, 1994.

гуляционистов, выдвинувших постулат о том, что массовая культура фордизма обязательно должна быть стандартизирована, абстрактна и функциональна.

Как отмечают Джеймисон и Харви, на раннем этапе фордизма в высоком искусстве действительно была создана эстетика функционализма, абстракционизма и поклонения технологиям. Но эта эстетика развивалась в Европе и не прижилась в США до окончания Второй мировой войны. Перри Андерсон утверждает, что культурный модернизм такого рода появился только в обществах, где эпоха фордистских машин вошла в резкое противоречие с домодерновым укладом жизни класса землевладельцев¹. В таких обществах, расположенных в основном в Центральной Европе, суровая конфронтация машинных технологий с архаичной классовой структурой усиливала жажду новизны и повышала революционный потенциал новой эстетики. Однако я полагаю, что модернистская эстетика была не только продуктом контраста новых технологий и старых режимов, но и социальным проводником, посредством которого были внедрены массовое производство и массовое потребление. Наличие классовых союзов, созданных старыми режимами Центральной Европы, привело к тому, что главенствующую роль в управлении промышленным производством стали играть органы государственной власти, в то время как классовая структура США позволила рынку преобладать в этом процессе.

Сохранение власти аристократов в Центральной Европе привело к возникновению класса буржуа, который был относительно слабым и политически, и экономически, и культурно. Аристократия доминировала не только в правительстве, но и в искусстве через спонсируемые государством академии². Производители по-прежнему предлагали товары ручной работы, предназначенные для высших классов и созданные трудом квалифицированных специалистов. А кроме того, по крайней мере в Германии, промышленное производство было ограничено и организовано в виде контролирующей цены картелей, причем конкуренция между фирмами была практически исключена³.

Первая мировая война привела к краху центрально-европейских монархий и появлению новых непрочных демократических режимов, подобных Веймарской республике, которые должны были решать

---

¹ Anderson P. *Modernity and Revolution...*

² Mayer A. *The Persistence of the Old Regime*. New York: Pantheon, 1981.

³ Nolan M. *Visions of Modernity: American Business and the Modernization of Germany*. New York: Oxford University Press, 1994.

две фундаментальные задачи: построение демократии и модернизация промышленности. Война заставила все классы обратить внимание на отсталость европейской промышленности, поэтому массовое производство, предложенное Генри Фордом, стало широко рекламироваться в качестве модели для подражания. Но каждый класс интерпретировал принципы «fordismus» с точки зрения собственных интересов. Среднестатистического работника привлекали предлагаемая Фордом высокая заработная плата и концепция массового потребления как решения производственных проблем. Профессиональный управленческий класс рассматривал новые технологии и реформу управления, позволившую создать большее количество рабочих мест и передать власть специалистам, как ключ к массовому производству. Слабая промышленная буржуазия оказывала сопротивление не только повышению зарплаты, но и механизации, в частности, потому что фордистские машины были дорогими, а, кроме того, рост производительности труда обязательно должен был отрицательно повлиять на картельные соглашения.

Политический класс нового государства постоянно находился под давлением со стороны рабочего класса, который помог привести его к власти, поскольку был вынужден осуществлять модернизацию промышленности и обеспечивать повышение жизненных стандартов. Не находя особой поддержки в среде слабой и отсталой промышленной буржуазии, в своей попытке рационализировать производство и потребление на основе выдвинутых Фордом идей политики политические функционеры вступили в союз с классом профессиональных управленцев, включая высшее руководство социально-демократических партий. В этом союзе профессиональные художники и архитекторы смогли обеспечить идеологическую поддержку технократическим программам. Пытаясь найти свое место в новой среде, такие деятели искусств, как Ле Корбюзье, отстаивали концепцию массового производства и создавали новую эстетику, поднимавшую функциональные геометрические формы машин до уровня идеала универсальной красоты¹.

В сфере производства товаров народного потребления усилия государства были направлены на строительство жилья, которого катастрофически не хватало. Государственные средства распределялись через различные общественные и полугосударственные программы,

---

¹ Lane B. M. *Architecture and Politics in Germany, 1918–1945*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985; Nolan M. *Visions of Modernity...*; Maier C. S. *Between Taylorism and Technocracy: European Ideologies and the Vision of Industrial Productivity in the 1920s*. *Journal of Contemporary History*. 1970. 5(2). P. 27–51.

позволявшие субсидировать строительство огромных жилых комплексов, проекты которых были разработаны архитекторами. В этот период модернисты воспользовались возможностью повсеместно применять разработанную ими эстетику простоты, функционализма и машинных форм. Причем делалось это не только для того, чтобы задействовать в строительстве новые, производимые в промышленных масштабах материалы, но и для того, чтобы предоставить идеологическое подтверждение факта появления нового прекрасного мира массового производства и массового потребления, создаваемого технократической элитой. И хотя были явные свидетельства того, что рабочих в целом и жителей новых микрорайонов в частности мало интересует навязываемая им скупая рациональная эстетика, потребители не имели никаких механизмов, позволявших им выразить свои предпочтения, поскольку рынка недвижимости еще не существовало, а принятие решений на государственном уровне зависело от бюрократической и художественной элиты¹.

В Соединенных Штатах не было такого старого, сложившегося за века режима, который бы тормозил промышленное и буржуазное развитие. Класс промышленных капиталистов обрел господство довольно легко и на раннем этапе. Провал картелей и трестов в начале XX века значительно усилил конкуренцию среди фирм, заставляя промышленников использовать новые фордовские технологии, которые гарантировали высокую производительность при снижении себестоимости. В ходе этого процесса капиталисты начали использовать труд инженеров, конструкторов, механиков и менеджеров, которые стали адептами рационализации. Этот союз между растущим профессиональным управленческим классом и классом капиталистов еще более упрочился в ходе реформ так называемой Прогрессивной эры, когда для предотвращения беспорядков в среде рабочих начали привлекаться социальные работники и лица свободных профессий, взявшие на себя в этой сфере функции государства. Фордовская программа «Пять долларов за рабочий день», а также другие социальные проекты позволили интегрировать рабочих в капитализм, поскольку более высокая заработная плата гарантировала, соответственно, и более высокий уровень потребления стандартизированных товаров, приобретаемых на рынке².

---

¹ Lane B. M. *Architecture and Politics in Germany...*; Nolan M. *Visions of Modernity...*; Boudon P. *Lived-In Architecture*. Cambridge, MA: MIT Press, 1969.

² Wiebe R. *The Search for Order, 1877–1920*. New York: Hill and Wang, 1967; Weinstein J. *The Corporate Ideal in the Liberal State, 1900–1918*. Boston: Beacon Press, 1968.

Как и их европейские коллеги, некоторые из реформаторов выступали в поддержку упрощенной, лишенной всяких украшений эстетики предназначенных для трудящихся жилья и товаров. Так, например, членов рабочих семей учили тому, как превратить их «викторианские» кухни из мест общения и встреч в предельно функциональные помещения, отвечающие принципам эффективности и установкам фордизма. Их призывали отказаться от мягкой, излишне помпезной викторианской мебели, которую они явно предпочитали простому функциональному стилю. Но именно благодаря тому, что массовое потребление в Америке регулировалось законами частного рынка, а не посредством государственного обеспечения, как в Европе, американские рабочие имели возможность выражать свои эстетические предпочтения, пользуясь тем, что их заработная плата достаточно высока. Вопреки мнению профессиональных специалистов рабочие выбирали не товары, которые отличались эстетической простотой и функциональностью, а товары с украшениями и орнаментом. Это позволяло им в некоторой степени изолироваться от суровых будней фордистского производства и привнести в свой быт индивидуальность и красоту, которых они были лишены на своих рабочих местах¹. Таким образом, возникший рыночный спрос заставил производителей создавать новую эстетику, характеризующуюся разнообразием, наличием уникальных особенностей и интересом к деталям и поверхностям, то есть к тому, чему в Европе не придавали особенного значения до тех пор, пока в 1960-х годах рынок наконец не перенасытился стандартными функциональными товарами.

В Америке такая потребительская культура быстро стала доминирующей, вытеснив рудиментарный модернизм из высокого искусства. В частности, до начала 1950-х годов в Америке можно найти довольно мало образцов модернистской архитектуры, столь бурно развивавшейся в Европе в начале века. Хотя простота и функциональность форм приветствовались при строительстве заводов и зданий делового назначения, лишь немногие заказчики желали видеть нечто подобное в других местах. Предпочтительным стилем рыночной экономики американских городов был так называемый модерн, который, будучи относительно простым, смотрелся более органично, чем механический и лишенный всяческой историчности модер-

---

¹ Cohen L. *Embellishing a Life of Labor: An Interpretation of the Material Culture of American Working-Class Homes, 1885–1915*. In *Material Culture Studies in America*, edited by Thomas J. Schlereth. Nashville, TN: American Association for State and Local History. 1982. P. 289–305.

низм. В пригородах преобладал еще более органичный декоративный стиль, основным представителем которого стал Фрэнк Ллойд Райт¹.

После Второй мировой войны дифференцированная декоративная и несколько размытая эстетика американской потребительской культуры расцвела пышным цветом, питаемая при этом стимулирующим спросом, который всячески поощрялся кейнсианским государством. В частности, автомобильный дизайн отреагировал на повышение спроса целым фейерверком оригинальных и фантастических идей, из которых хвостовой плавник (парный декоративный элемент на задней части автомобиля) был лишь одним из наиболее ярких примеров. Эта же ориентированная на вкусы потребителя эстетика быстро распространилась на рынке загородной недвижимости, и миллионы квадратных метров стандартизированного жилья начали строиться с использованием квазифордистских технологий. Как и в случае с автомобилями, это серийное производство однородности было замаскировано различными декоративными элементами, украшавшими фасады зданий и намекавшими на их принадлежность к различным историческим стилям. Вместе с тем центр города представлял собой любопытную эстетическую аномалию, возникшую на фоне корпоративных штаб-квартир, банков и государственных учреждений, поскольку эти структуры приветствовали широкое использование строго функциональной технологической эстетики, которую чаще всего предлагали архитекторы-модернисты из эмигрантской среды, такие как, например, Мис ван дер Роэ. Модернистская архитектура начала рассматриваться как технократическое и рациональное выражение мощи и триумфа корпораций и государственного правящего класса. Тем не менее технократическая эстетика центра не смогла стать реальной соперницей доминирующей потребительской культуры, поскольку подвластная ей территория была географически отделена от пригородов, представлявших собой некую цитадель, в которой американцы могли уединиться и забыть о рационализованном производстве, лежащем в основе всей системы.

Субурбанизация оказала такое же двойственное влияние на американскую моду. Послевоенный бум с всеобщим процветанием, а также большое число женщин, оставивших работу ради воспитания детей, породили новую цель – организовать отдых и досуг тех, кто проживает в пригородах. В связи с этим появилась потребность в одежде для отдыха, то есть в футболках, шортах, спортивных костюмах, а следовательно, появились и те, кто такую одежду предлагал.

---

¹ Frampton K. Modern Architecture...

Наряду с этим для тех редких моментов, когда домохозяйки появлялись в общественных местах, был создан новый романтический идеал, соединивший в себе изящество, утонченность и изысканность викторианской моды со стилистикой уюта домашнего очага. Для мужчин, все более отдалявшихся от тихого уединения в собственных домах, расположенных в пригородах, и все в большей степени концентрирующихся в башнях бизнес-центров, расположенных в деловой части города, был создан унифицированный деловой костюм, подчеркивавший серьезность и рационализм их обладателей. Но опять-таки дома, на отдыхе мужчинам требовались новые, более индивидуализированные костюмы, приобретение которых рекламировалось и поощрялось различными средствами массовой информации, например, журналом *Playboy*. Кроме того, мужчинам был также предложен широкий выбор индивидуализированной спортивной одежды¹.

Противоречия потребительской культуры и возникновение постмодернизма

Раннее проявление постмодернистских черт в потребительской культуре Америки не означает, что до 1973 года не было никаких изменений в процессе производства или в культуре. Имеются убедительные доказательства того, что в Соединенных Штатах примерно в 1970-х годах наблюдался значительный разрыв между фордистским производством и соответствующей ему культурой. Но в отличие от Джеймисона и Харви, я полагаю, что именно культурные изменения привели к экономическим переменам, характерным для эпохи постфордизма. Внутренние противоречия потребительской культуры Америки начали подрывать фордистское массовое производство еще в середине 1960-х годов, что привело к экономическому кризису, который и породил постфордистские перемены. Эти изменения затем способствовали развитию и интенсификации всех аспектов потребительской культуры, приобретавшей явные признаки постмодернизма. В представленном материале я лишь вкратце коснусь этого процесса, так как более полный комментарий я намерен дать в других работах.

Экономическая стабильность и процветание в послевоенной Америке подняли потребительскую культуру на новый уровень,

---

¹ Ewen S. and Ewen E. *Channels of Desire: Mass Images...* P. 233–241; Ehrenreich B. *The Hearts of Men: American Dreams and the Flight from Commitment*. New York: Anchor, 1983.

впервые явив миру противоречие между индивидуальностью и еди-нообразием. Некоторые производители модной одежды предпочитали использовать большую гамму цветов и сокращать производство серийной продукции, чтобы избежать скучной безликости. Каждый стремился к индивидуальности, но при этом был ограничен узким диапазоном допустимых в его обществе изменений. Американцы хотели быть разными, но одновременно такими же, как все остальные, – типичная дилемма культуры массового производства. Тем не менее некоторые выходили за пределы допустимых ограничений, например, битники, хиппи и разные меньшинства, ставшие апологетами нового стиля или антистиля, как они сами его определяли. В своей тяге к новому они часто использовали элементы вытесненной или забытой культуры: синие рабочие джинсы, крестьянские блузы, традиционные африканские ткани. Массовые производители одежды из всех сил старались не отставать от модных тенденций, которые более не поддавались их маркетинговой логике. В Европе массовый дефицит, свойственный периоду военного времени и разрухи, удалось преодолеть к началу 1960-х годов, поэтому здесь также начали наблюдаться тенденции, характерные для американской моды, то есть появились такие группы, как моды, рокеры и панки¹.

Аналогичным образом в конце 1950-х годов в автомобильной промышленности становятся очевидными противоречия, типичные для серийной индивидуальности, поскольку именно в это время игра в стилизацию выходит из-под контроля. До этого периода иконой автостилия считались разработки талантливых сотрудников «Дженерал Моторс», постоянно следивших за тем, чтобы любые изменения в дизайне были постепенными и касались только ограниченной партии автомобилей. В этом им подражали «Форд» и «Крайслер», которые также стремились следовать правилам игры. Однако в послевоенный период две ранее отстававшие компании начали усиленно развивать собственные дизайнерские группы и серьезно конкурировать с «Дженерал Моторс» в плане внедрения инноваций. Жесткая конкуренция значительно ускорила цикл разработки нового стиля и подняла эту работу до невероятной высоты. Каждый год был отмечен столь резкими и неожиданными изменениями стиля, что потребители начали замечать схожесть общих стандартизированных характеристик всех машин. Кульминацией

---

¹ Ewen S. and Ewen E. Channels of Desire: Mass Images... P. 241–251; Wilson E. These New Components of the Spectacle: Fashion and Postmodernism. In Postmodernism and Society, ed. by Roy Boyne and Ali Rattansi. New York: St. Martin's Press. 1990. P. 209–236.

этого противоречия стал автомобиль 1958 года «Эдсель», в котором явные отличительные признаки были представлены так ярко и броско, что потребители заметили его сходство с другими разукрашенными монстрами, создаваемыми в Детройте. Бесславная судьба этого динозавра, а также устойчивый рост продаж импортных автомобилей, таких как «Фольксваген», показали, что американцы ратуют за предоставление им более широкого выбора¹.

Зарождающийся бунт потребителей привел к тому, что начиная примерно с 1960 года автопроизводители стали предлагать значительно более широкий ассортимент структурно и механически дифференцированных автомобилей. На смену стандартному семейству седанов 1950-х годов, имевших чисто внешние различия, пришло ошеломляющее количество действительно совершенно разных моделей: малолитражки, автомобили для среднего класса, роскошные элитные авто, машины с мощным двигателем, двухместные автомобили и т. п. Однако такое разнообразие стало серьезным испытанием для фордистской системы массового производства: ведь для каждого типа автомобилей требовалось строить отдельный завод со специализированным оборудованием. Кроме того, при каждом заводе появлялись склады, предназначенные для хранения множества деталей, которые потребители могли заказать дополнительно, чтобы придать индивидуальный характер своей машине. Следовательно, часть капитала выводилась из производства в виде инвентарных запасов, что замедляло процесс сборки и создавало координационные проблемы, а значит, прибыль производителей начала снижаться, даже несмотря на рост продаж.

Первой реакцией на это со стороны автопроизводителей было использование различных традиционных методов для исправления ситуации. В конце 1960-х и начале 1970-х годов руководители предприятий ужесточили дисциплину и сократили количество рабочих, интенсифицировав труд оставшихся. Этот подход привел к катастрофическим последствиям и не только потому, что уровень безработицы был низким, а профсоюзы по-прежнему сильны, но и потому, что расширение ассортимента продукции привело к передаче управленческих функций обратно в руки работников. Постоянная трансформация сборочных линий в зависимости от производимой модели приводила к тому, что менеджеры не имели возможности отследить время, требуемое для совершения каждой операции, что неизбежно вело к передаче этих полномочий рабочим. Результатом нового режима ускорения стала забастовка рабочих корпорации «Дженерал

---

¹ Gartman D. Auto Opium...

Моторс» на новом сборочном заводе в Лордстауне, штат Огайо, направленная против увеличения скорости конвейера и однообразия производимых операций. Такое недовольство наряду с падением прибыли вынудили администрацию искать новые методы управления трудовыми ресурсами и производственным оборудованием с целью повышения объемов производства при сохранении или расширении ассортимента продукции и сокращении затрат. В конце концов такие усилия оказались ненапряжными и привели к созданию более гибкой системы производства, именуемой постфордизмом. Новые методы производства позволили еще в большей мере модифицировать и дифференцировать выпускаемую продукцию¹.

Изменения, произошедшие в сфере производства товаров народного потребления, повлияли на высокое искусство Америки и в особенности на архитектуру. К 1960 году импортированные в Америку идеи модернизма уже начали выглядеть устаревшими в глазах молодого поколения художников, которые на переполненном рынке боролись за возможность выделиться из толпы приверженцев устоявшихся вкусов. В частности, модернистская архитектура уже утратила свои авангардистские позиции и стала восприниматься как синоним корпоративного истеблишмента, особенно в связи со своим бульдозерным подходом к реконструкции городов. Отвергая сложившийся стиль, молодые художники обратились за вдохновением к отличавшейся разнообразием и жизнестойкостью потребительской культуре, в результате чего появился поп-арт². Молодые, радикально настроенные архитекторы начали борьбу за обновление городов с бедных центральных кварталов, утверждая, что беспорядочное разнообразие и запутанность существующих здесь улиц намного интереснее стерильной однородности модернистского планирования³. Их деятельность привела к новому пониманию языка архитектуры, целью которой стало повсеместное подчеркивание разнообразия и иллюзорности, отражаемых в символике и декоративных элементах зданий.

Это новое направление в значительной степени было систематизировано Робертом Вентури и его коллегами, которые утверждали, что с Мейн-стрит, а также с Таймс-сквер и Лас-Вегас-Стрип «почти все в порядке»⁴. По мнению Вентури, эти памятники «локомо-

---

¹ Ibid.

² Huyssen A. *After the Great Divide: Modernism, Mass Culture, Postmodernism*. Bloomington: Indiana University Press, 1986.

³ Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York: Random House, 1961.

⁴ Venturi R. *Complexity and Contradiction...; Venturi R., Scott Brown D., and Izenour S. Learning from Las Vegas...*

тиву великой пролетарской культуры» доказывают, что широкие массы предпочитают сложные и выразительные формы, в то время как функциональность и простота модернизма были порождением элитарной культуры. Вступая в дальнейший спор с модернистами, Вентури утверждал, что орнамент и историческая аллюзия добавляют богатства архитектуре. Людям нравятся хорошо зарекомендовавшие себя исторические средства выражения: например, античные колонны на зданиях суда, деревянно-кирпичные домики, построенные в тюдоровском стиле, или каретные фонари, украшающие пригородные усадьбы, расположенные вдоль дорог. И если архитекторы хотят общаться с широкой публикой, а не только с представителями элитарного авангарда, то они должны уметь включать в свои проекты подобные исторические декорации.

То, что в 1960–1970-х годах начиналась как радикальная квазипопулистская атака на брутальность модернизма, вскоре стало восприниматься в качестве естественного проводника экономической реструктуризации, начавшейся в 1980-х годах. Корпоративные попытки сократить расходы и добиться гибкости опустошили американский ландшафт. В поисках дешевых, не объединенных в профсоюзы, рабочих рук корпорации переводили производство из промышленных центров Среднего Запада и Северо-Востока на крайний юг (в так называемый солнечный пояс) или вовсе за границу, оставляя развитые промышленные районы и проводя сокращение миллионов высококвалифицированных сотрудников. Происходило быстрое обогащение профессионального управленческого класса, инициировавшего реструктуризацию, что привело к резкому увеличению неравенства в доходах. Это в свою очередь вызвало дальнейшую фрагментацию рынка, поскольку все больше и больше производителей начали ориентироваться на молодых горожан с университетским образованием и высокими доходами, которые испытывали потребность в разнообразных уникальных высококлассных товарах, свидетельствовавших об их благосостоянии. Все это привело к расцвету постфордизма с его стратифицированными нишевыми рынками, а также постмодернизма, ставшего культурным союзником постфордизма, в особенности в области архитектуры.

В 1980-х годах во всех городах, опустошенных закрытием заводов и уходом корпораций, отчаянно искали новую стратегию обновления. Многие пытались ухватить часть материальных благ за счет привлечения состоятельных классов назад в центр города, предоставив им новые возможности для потребления и развлечений. Строительство конференц-залов и торговых центров, реставрация исторических памятников и создание целых районов, где располагалось множество ресторанов, – все это было необходимо для того, чтобы состоятель-

ные люди не только делали здесь покупки и питались, но предпочитали жить в центре города¹. Офисные здания и корпоративные штаб-квартиры также были частью обновления, однако все это разнообразие стилей и форм представляло из себя не что иное, как более интенсивное выражение существовавшей ранее потребительской культуры. Новое городское строительство было главным образом ориентировано на потребителей. При этом архитекторы стремились дать людям то разнообразие форм и эмоций, которых они были лишены в своей трудовой жизни. Кроме того, архитектура того периода отличалась достаточной замкнутостью пространств, поскольку во многих городах по-прежнему оставалось большое количество заброшенных промышленных предприятий, ветхость и невзрачность которых нужно было тщательно замаскировать и скрыть от ищущих развлечений богатых клиентов². Даже располагавшиеся в центральных кварталах офисные здания не избежали постмодернистской тенденции к украшательству поверхностностей и подчеркиванию замкнутости пространств. В конце концов, когда люди живут в центре или приходят сюда для покупок или развлечений, они вовсе не хотят смотреть на уродливые модернистские коробки, говорящие об эффективности и рационализации³.

Таким образом, постмодернистская архитектура подражала той новой потребительской культуре, которая была более ярко выраженной и неоднородной, но менее разделенной географически, чем та, которая определяла тенденции в 1920-х и 1930-х годах. Постмодернизм также отличался от раннего этапа потребительской культуры своим ироничным отношением ко всему окружающему. Модные современные архитекторы, такие как Вентури и Мур, использовали в своих работах хорошо известные потребителю символы, но делали это с такими ироничными вывертами, которые позволяли понять, что авторы дистанцируются от бесхитростного использования этих символов в производстве автомобилей и строительстве казино Лас-Вегаса. Незначительные изменения в масштабах или контексте позволяли знатокам культуры понять, что в действительности все это несерьезно, что это просто игра с языком популярной культуры, «языковые игры», как определил их философ постмодернизма Жан-Франсуа

---

¹ Zukin S. *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*. Berkeley: University of California Press, 1991; Sorkin M. *Variations on a Theme Park: The New American City and the End of Public Space*. New York: Hill and Wang, 1992.

² Davis M. *City of Quartz: Excavating the Future in Los Angeles*. New York: Vintage, 1990. P. 221–263.

³ Harvey D. *The Condition of Postmodernity...*

Лиотар в своей работе «Лишь игры». Постмодернизм подразумевает «двойное кодирование», когда простой символический язык незатейливой иллюзии ухода от действительности, предназначенный для широких масс, скрывал за собой снисходительную шутку, понятную лишь тем, кто был в курсе¹. Такого же рода иронией пронизано все, что связано с бунтарским протестом молодежи 1960-х годов, выразившемся в их внешнем виде и одежде. Потертые джинсы, брюки клеш и мода на все этническое, когда-то считавшиеся признаком сопротивления и отказа от общепринятых норм, в 1980-е годы лишились своего исторического содержания и стали обычной повседневной одеждой. Стиль «ретро» стал еще одной поверхностной формой дифференциации личности, то есть стилем, который можно было иронично обыграть ради достижения некоторого произвольно толкуемого отличия от других².

Куда дальше или как усовершенствовать постмодернизм?

Несмотря на пренебрежительное отношение некоторых теоретиков к этому понятию, я убежден, что именно постмодернизм определяет те важные изменения, которые происходят в культуре развитых капиталистических обществ в настоящее время. Я приветствую усилия апологетов марксизма, таких как Джеймисон и Харви, которые стремятся связать эти изменения с современными экономическими переменами в рамках дискуссий о постфордизме. Но для большего правдоподобия и эвристичности эта широкая всеохватывающая теория нуждается в дальнейшей доработке и уточнении путем проведения обстоятельных эмпирических исследований, подобных описанным выше. Во-первых, в рамках этой теории необходимо пересмотреть концепцию синхронности и равномерности социальных изменений для того, чтобы признать возможность – и даже вероятность – разнотипного и неравномерного развития. Культуру следует рассматривать в качестве ответной реакции на экономические изменения со стороны производителей, имеющей место в условиях особой социальной структуры. В зависимости от конкретной конфигурации классовых интересов, раскрывающихся в процессе экономических преобразований (например, в процессе создания массового производства), меняется место культурных производителей в обществе,

---

¹ Jencks C. The Language of Post-Modern Architecture... P. 14.

² Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Ann Arbor: University of Michigan Press. Boudon, Philippe. Lived-In Architecture. Cambridge, MA: MIT Press, 1994. P. 43–44.

что приводит к определенной культурной реакции на происходящие изменения, которая по-разному проявляется в разных странах, при этом где-то в высокой культуре, а где-то в массовой. Во-вторых, эту теорию необходимо пересмотреть для того, чтобы понять: подобные культурные изменения в состоянии оказывать влияние на диалектику экономического развития, как содействуя, так и противореча ему. Именно таким влиянием в конечном итоге и объясняется несвязность и неравномерность хода истории.

Джеймисон, Харви и другие исследователи сделали большое дело, обрисовав общие контуры концептуального пространства постмодернизма/постфордизма со своих теоретических позиций. Однако при этом они увели нас в заоблачные высоты. Теперь мы должны спуститься на землю и уже на местности провести тяжелую работу, которая наверняка покажет, что границы и особенности этого пейзажа определить не так уж легко, как это может показаться при использовании воздушных карт, составленных этими авторами.

Пер. Е. Новиковой, ред. М. Ильченко

Глава 3. ПОСТФОРДИЗМ: НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ ИЛИ НОВЕЙШАЯ СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ?

В последние годы в информационной и теоретико-методологической повестке обществоведения все активнее звучат голоса сторонников теории глобального транзита человечества к постиндустриальному или посткапиталистическому обществу, к новой общественной формации, «основанной на знаниях» (*knowledge society*). *И действительно привычный классово-идеологический язык самоописания индустриальной реальности «эпохи фабричных труб» оказывается все менее применим к меняющейся социальной и пространственной структуре расселения технологически развитых обществ.* Помимо наиболее влиятельной группы постмодернистов, утверждающих о крушении Модерна как «культурного метанарратива» (Дж. Томпсон) или эпохи господства метанарративов как таковых (Ж.-Ф. Лиотар), существует целый ряд онтологических критических концепций, ставящих под сомнение не только релевантность идейных оснований индустриального общества, но и предсказывающих поворот общества к новым институциональным механизмам самоорганизации. Таковы, например, концепции постмодерного будущего, связанные с технологическими изменениями – постиндустриального общества (Д. Белл), сетевого общества (М. Кастельс, А. Бард), информационного общества (Э. Тоффлер, Ф. Уэбстер, В. Иноземцев), посткапиталистического общества знания (П. Дракер), имевшие значительное влияние на общественную мысль в конце XX века¹.

Однако процессы, разворачивающиеся в XXI веке, во многом обнаруживают утопический характер первоначальных ожиданий, касающихся прорыва к принципиально новому типу общества.

---

¹ Из российских ученых в 1990–2000 годы наиболее последовательно теория постиндустриального общества разрабатывается в трудах директора Центра изучения постиндустриального общества Владислава Иноземцева: Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М., 1998; Иноземцев В. Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000; Иноземцев В. Л. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века // Постчеловечество. М., 2007; и др.

Масштабная интеллектуальная утопия, связанная с описанием технологического сдвига человечества к постиндустриальному и чуть ли не к посткапиталистическому обществу, где люди смогут реализовать свой творческий потенциал в менее отчужденных формах трудовой деятельности, оказалась слишком оптимистической, обнаружив явные пределы распространения, ограниченные странами центра капиталистической миросистемы.

Более того, нетрудно заметить, что в области общественных наук за последние десятилетия не возникло новых влиятельных концепций и парадигм, которые вытесняли бы а) капитализм и б) компенсирующий и одновременно легитимирующий его политический проект Modernity (Модерн) как базовые, доминирующие категории само-описания глобальной социально-политической и экономической реальности в пользу альтернативных концепций. Исследовательский поиск на уровне высоких теорий ведется в основном в области продуктивных метафор и неологизмов, призванных выразить метаморфозы ценностных и институциональных констелляций, претерпеваемых обществом, которое в основных своих чертах все же остается современным. Проект Модерна остается дрящимся, «незавершенным проектом» современности (Ю. Хабермас) для большинства населения планеты. А политическая парадигма Модерна, несмотря на всестороннюю и часто обоснованную критику, остается базовым нарративом для легитимации и описания глобальной политической современности, что не позволяет утверждать о вытеснении Модерна на периферию истории. Поэтому ведущие современные обществоведы, несмотря на постоянно возникающие значительные институциональные изменения, подчеркивают, что, обращаясь к социальной действительности, мы все же имеем дело с Модерном, будь то поздний или второй Модерн (П. Вагнер), «сингулярная современность» Ф. Джеймисона, «текущая современность» у З. Баумана, «гипермодерн» А. Турена, космополитический Модерн У. Бека или концепция «радикального Модерна» Э. Гидденса.

На фоне подобных «слабых альтернатив» сильный практический довод в пользу продолжения доминирования позднего капитализма/позднего Модерна состоит в том, что никогда еще большинство людей в истории не обладало такими потенциальными возможностями и такой индивидуальной свободой, как в настоящих условиях. При этом стремление/желание индивидов и социальных групп воспользоваться этой свободой (либо отсутствие такового), в том числе вопреки культурной логике позднего капитализма, представляет уже совсем другую проблему, вполне решаемую «внутри» глобального проекта капитализма и Модерна.

В контексте описанного выше «бедного» и по сути безальтернативного теоретического фона, обнаруживающего своего рода негативный консенсус против альтернативных социальных утопий, неизбежную популярность получают более приземленные исследовательские концепции. Они пытаются выйти на теоретические обобщения социальных изменений жизненного мира не столько с помощью нормативных предписаний, легитимируемых через идеалтипический образ будущего, сколько путем осмысления текущих и не всегда явно видимых социальных изменений – тех новых явлений, процессов и тенденций, которые набирают силу в позднемодерном обществе. Эти новые устойчивые тенденции, ценности, а также серийные, повторяющиеся феномены, осмысление которых приоткрывает наше ближайшее будущее надежней и релевантней, чем амбициозные индуктивные обобщения, часто основанные на чрезмерной редукции социальной сложности и масштабировании партикулярности.

Именно в таком прагматичном и «осторожном» ключе выдержаны междисциплинарные исследования, осмысляющие глобальный мир в категориях постфордизма (С. Лэш, Дж. Урри и др.). Постфордизм как теоретическое направление ориентирован не столько на создание принципиально новой социальной макротеории наподобие миротемного анализа (И. Валлерстайн) или исторической бинарной парадигмы естественного государства/общества «открытого доступа» (Д. Норт и др.), сколько на анализ изменений, выбивающихся из подобных парадигм и являющихся потенциальными ростками новых социальных, политических, экономических и культурных феноменов, которые имеют шанс развиваться в системные признаки новых социальных практик и институтов. Это анализ того, как институционально трансформируется позднемодерное общество, тем не менее сохраняя свое относительно неизменное ценностное ядро¹. Зачастую эти множественные непредсказуемые метаморфозы можно сравнить с превращением гусеницы в бабочку. Однако общая культурная и историческая генетика не позволяет согласиться с радикальными утверждениями об утопии нового общества. Это все еще то же общество, хотя и сильно видоизмененное техническим, политическим и моральным прогрессом.

Итак, для постфордистского общества, согласно его теоретикам, характерны высокие технологии с высокой добавленной стоимостью, реализуемые на глобальном рынке; опора на «интеллекту-

---

¹ Мартьянов В. С. Политический Модерн за пределами Европы: ценностное единство и институциональное разнообразие // *Полития*. 2010. № 3–4. С. 54–65.

альный капитал»; доминирование постматериальных потребностей людей, связанных с приоритетом самореализации; «труд как творчество», эффективные «слабые социальные связи», основанные на межличностном и институциональном доверии, и т. д.¹ С другой стороны, сразу можно возразить, что все актуальные достижения постфордизма относятся прежде всего к изменению внешних условий жизни общества, когда технологический прогресс действительно увеличивает сумму доступных возможностей, удобств и удовольствий, которыми располагает каждый член общества, будь то возрастание доли самозанятости (фрилансерство) в экономике неконвейерного труда; качественная медицина; комфортное жилье; невиданная ранее социальная мобильность населения; связь, отменяющая любые расстояния; свободный доступ к воистину бездонным хранилищам информации в Интернете и т. п. В данной перспективе постфордизм можно рассматривать как онтологический аналог культуроцентричных теорий постмодернизма. Предполагалось, что технологическая революция принципиальным образом изменит привычные общественные отношения, связанные с конфликтами труда и капитала, создаст новую общность, которая будет играть ведущую роль в постматериальной экономике, – креативный класс, использующий в качестве ведущего фактора производства инновации, образование и знание. Хорошей новостью для доминирующих национальных и глобальных элит стал тот факт, что новый средний класс, для которого образ креативного класса служит идеалтипической моделью, рассеян в географическом, социальном, технологическом пространстве. Поскольку для организации производственного процесса уже не требуется фордовских конвейеров и их аналогов, требующих «опасной концентрации» множества людей в одном месте с неизбежным появлением и осознанием ими общих интересов и порождением политической субъектности.

Но можно ли данные изменения трактовать как переход к новому постфордистскому обществу, если мировоззрение и ценности этого общества, его цели и структура существенно от всего этого не меняются, да и принципиально новые цели тоже не ставятся?² *При более*

---

¹ См.: Новая технократическая волна на Западе. М., 1986; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Кагель М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000; Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999; Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004; и др.

² См. критику прогностических претензий постиндустриальной теории: Цаплин В. С. Постиндустриализм: оправданы ли претензии? // СОЦИС. 2006. № 4. С. 124–130.

детальном рассмотрении оказывается, что для большинства населения планеты принципиальных перемен не происходит. Новая технологическая утопия всеобщего освобождения, обманчивая в своей доступности, в реальности оказывается пирогом не для всех, так как постиндустриализм/постфордизм оборачивается не новым типом экономики, но лишь созданием высокоприбыльных глобальных монополий в узких сегментах капиталистической миросистемы. После появления постиндустриального сегмента экономики, его взрывного роста, сверхприбылей и последующего уплотнения конкуренции он обнаружил свои естественные пределы, так как рост даже глобального спроса не может быть бесконечным. Рост конкуренции и падение прибылей в постиндустриальном сегменте привели к массовому краху мелких и средних фирм, в результате чего этот рынок поделили и стали управлять им такие же вертикально интегрированные ТНК (Майкрософт, Эпл, Самсунг и др.), как и в других более традиционных областях глобальной экономики. Утопические ожидания от свободной творческой самореализации и сетевых взаимодействий разбились об интересы олигополий. Б. Кагарлицкий справедливо отмечает по этому поводу, что «как только мы обращаемся к таким понятиям, как “прибыль”, “капитал”, “заработная плата”, “наемный труд”, мы обнаруживаем, сколь условны различия между “информационным” и “индустриальным” обществом»¹.

Более того, меняется по большому счету второстепенное: номенклатура существующих специальностей; расширяется классификация видов деятельности; соотношения сферы производства и услуг; специализация тех или иных национальных экономик; виртуализируется финансовый сектор; все больше ценятся уникальные носители интеллектуальной собственности и т. д. Но при этом ни законы капиталистической мирэкономки, ни тип государства, ни людская мораль практически не меняются! Тогда не имеем ли мы дело всего лишь с попыткой обоснования очередной актуальной ротации доминирующих ресурсов, на которые опираются ведущие общества на определенном историческом этапе, будь то военная сила, земля, техника или в случае постиндустриализма – знание?

В настоящее время сторонниками постиндустриального прорыва предполагается, что США, Япония и старая Европа уже сформировали контуры «общества знаний», а Россия якобы тоже может из своей полуразрушенной индустриальности классического модерна перепрыгнуть в светлое будущее постиндустриализма. Причем дан-

---

¹ Кагарлицкий Б. Восстание среднего класса. М.: Ультра.Культура, 2003. С. 72.

ная теория «большого прыжка» подозрительно напоминает давние тезисы народников и большевиков о возможности прямого перехода России к социализму из аграрно-традиционного общества, минуя стадию капитализма, поскольку у страны есть свое социокультурное ноу-хау – крестьянская община, прообраз социалистической бесклассовой коллективности. Есть ли аналогичные, пусть и неявные «преимущества» у современной России, чья экономика в 2012 году только начала приближаться к показателям объемов производства ключевых товаров в РСФСР образца 1990 года: строительство домов [65,7 млн кв. м (Россия) против 61,7 млн кв. м (РСФСР)], добыча нефти [519 млн т (Россия) и 738 млн т (РСФСР)], валовой урожай зерновых [66 млн т (Россия) и 116 млн т (РСФСР)] и т. д.¹ Или условия подобного перехода являются скорее плодом беспочвенных мечтаний и самоуспокоительных риторических фантазий отечественных интеллектуалов и политических элит? Поэтому, не будет ли в ближайшие годы постиндустриальное общество, прирост «инновационных предприятий» и создание «25 миллионов высокопроизводительных рабочих мест к 2020 году»² лишь имитироваться в СМИ, лозунгах и отчетах органов власти и интеллектуальном публичном пространстве 5–6 ведущих мегаполисов, нежели существовать на самом деле?

В массово появляющихся в последние годы прогнозах и концепциях среднесрочного развития России тема технологического прорыва и «инноваций» выглядит привлекательно. После шоковых изменений в условиях стабилизации она растет в проектах, предполагающих новые социальные концепции и сценарии для России и алгоритмы движения страны к более справедливому положению в миросистеме, адекватному ее экономическому, культурному и научному потенциалу. В частности, рост запроса власти на прогнозирование подтверждается растущей популярностью такого жанра, как среднесрочные научные сценарии развития России и мира³.

Тем более что не так давно доминировавшая в общественных науках транзитологическая парадигма в настоящее время полностью выработала свой эвристический и прогностический потенци-

---

¹ Российский статистический ежегодник. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 717 с.

² Путин В. Россия сосредоточивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 16 янв. 2012 г.

³ Только в последние годы в России изданы такие характерные работы, как: Введение в будущее. Мир в 2020 году. М., 2006; Мир вокруг России: 2017. Контурь недалекого будущего. М., 2007; Россия и мир в 2020 году. М., 2005; Мировая экономика: прогноз до 2020 года. М., 2007; Коалиции для будущего. Стратегии развития России. М., 2007; и др.

ал. Теория, опирающаяся на представление о некоей цивилизационной «норме», с необходимостью описывала все многообразие не вписывающихся в нее обществ лишь как временные «отклонения». Однако вскоре стало очевидным, что отклонения со временем не исчезают, а продолжают накапливаться. Тем не менее привычный мыслительный и методологический алгоритм оказался живучим в социально-политических науках, где провалившиеся теории полувековой давности о неизбежности транзита бывших колоний к индустриальному фордистскому обществу в виде их же бывших метрополий спешно переделываются под обоснование транзита нынешней России к «постиндустриальному постмодерну». Насколько условны подобные идеологические самоописания применительно к экономической реальности можно проиллюстрировать хотя бы тем, что в 2008 году Министерство экономического развития РФ (МЭР РФ) разработало «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» (Концепция-2020), которая была принята Правительством России накануне глобальной депрессии и почти сразу же отошла из сферы научного прогнозирования в область фантастической футурологии. Сегодня она заслуживает рассмотрения лишь в качестве образца того, что не стоит делать экономические прогнозы, инициированные социальными утопиями, политической риторикой и идеологической потребностью в легитимации правящих элит, а не потребностями общества в реальном развитии. В концепции выделялось три сценария развития страны в 2006–2020 году: инерционный (рост ВВП в 1,8 раза), энергосырьевой (в 2,2 раза) и инновационный (в 2,4 раза). Естественно, что в качестве целевого рассматривался последний вариант, согласно которому россияне достигали к 2020 году уровня жизни и душевых доходов, сравнимых с наиболее развитыми европейскими странами. Причем что именно подразумевалось в Концепции-2020 под понятиями «инновация» и «экономика знаний», а также «развитие человеческого потенциала» не было определено нигде. Поэтому все оптимистические показатели, связанные с ростом «инноваций» к 2020 году, не были «заземлены» на конкретные показатели, а потому не имели никакого основания. Аналогичный дефект имеет и разработанная в 2011 году на смену Концепции-2020 более реалистичная Стратегия-2020¹. Тем не менее из временной перспективы 2014 года очевидно, что даже первоначальный «инерционный сценарий» представляется в настоящее время пределом мечтаний для российского населения.

---

¹ URL: <http://2020strategy.ru/> (дата обращения: 10.08.2015).

Таким образом, попытки применения к общемировым незападным реалиям теории смены индустриального общества постиндустриальным сразу же наталкиваются на существенные препятствия. Первоначальный вариант теории постиндустриального или информационного общества (А. Тоффлер, Д. Белл, А. Турен и др.) уже не адекватен действительности, поскольку авторы классических теорий 1960-х годов понимали под информацией почти исключительно научное знание; современная же информационная революция отнюдь не сводится к экспансии такового. Теории постиндустриального общества или постфордизма обещали возрастание роли интеллектуального труда и изменение вследствие этого социальной структуры, роста производительности труда и т. д. На первый взгляд эти прогнозы сбылись для стран Запада. Более детальный анализ ситуации показывает, что широкое внедрение информационных технологий сформировало новую отрасль весьма прибыльной глобальной экономики, связанной с компьютерами, программным обеспечением, Интернетом, электронными коммуникациями, развлекательными масс-медиа, но почти не сказалось на реальной производительности труда для подавляющего большинства других секторов экономики. Многочисленные выгоды постиндустриализма оказались фрагментарны и стали следствием формирования новой глобальной экономики с ее транснациональным разделением труда.

Для адекватного рассмотрения будущего постфордизма представляется целесообразным изменить масштаб и проанализировать проблему осуществимости перехода к постиндустриальности в глобальной перспективе. Здесь каждая нация становится лишь одним из примеров, частным случаем более общих экономических, политических, культурных процессов, идущих на планете. Следует отметить, что сегодня в глобальной миросистеме сосуществуют три историко-экономических уклада, каждый из которых может присутствовать в любом обществе, но доминирует лишь один из них¹. И основное отличие этих укладов состоит вовсе не в образе жизни населения и характерных товарах для этих укладов, а прежде всего в *норме прибыли*, которую позволяет получить тот или иной сегмент мироэкономики. К странам периферии или предсовременности (до-Модерн) относятся традиционно патриархальные общества с преимущественно аграрным укладом экономики, основанным на эксплуатации первичных природных ресурсов: земли и полезных ископаемых. Эти тради-

---

¹ См. подробнее: Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003; Он же. Миросистемный анализ. Введение. М., 2006; Кагарлицкий Б. Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2004; и др.

ционные общества господствовали и были единственно возможными до капиталистических революций в Европе. По сути это некапиталистические (несовременные) общества, не способные накапливать прибавочный продукт. Истощение ресурсов не увеличивает капитализацию их экономики, так как полученный в экономике капитал тратится либо на необходимые первичные нужды, либо экспортируется за пределы страны. Прежде всего это большинство стран Африки, густонаселенные и лишенные нефти страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии.

Индустриальные страны характеризуются доминированием низкотехнологичной промышленности, массовым фордистским производством и дешевым трудом как главным конкурентным преимуществом. Здесь господствует принцип отложенных потребностей, благодаря которому происходит накопление капитала и экономический рост. Полупериферия, исходя из структуры экономики и номенклатуры импорта – экспорта, представлена странами Латинской Америки, многими странами Азии, Восточной Европой, Россией.

Наконец, постсовременные, или постфордистские, общества базируются на производстве знания, глобальных культурных стандартов и норм, целостного желаемого образа жизни, причем как в области высокой культуры, так и масс-культы (в виде моды, кино, развлекательного чтения), высоких технологий и разнообразной интеллектуальной собственности. В первую очередь это Европа, Япония, Канада и США. Фактически только эти страны способны эффективно создавать и поддерживать монополии в глобальном масштабе, что оборачивается сверхприбылью для постиндустриальных экономик.

В настоящее время политики и ученые соревнуются в метафорах и эпитетах, которые присваиваются новой экономической, политической, культурной реальности, формирующейся в глобальном мире. Представляется, что главное изменение прежде всего можно характеризовать как отход от национальной модели общества классического, или первого, Модерна¹ к формированию нового общества – децентрализованного, сетевого, информационного, постмодернистского, постиндустриального, урбанистического, «общества потребления», «общества третьей волны» и т. п. На наш взгляд, все перечисленные определения суть описательные метафоры и методологические черновики. Поэтому они могут претендовать скорее на описание тенденций и контуров ближайшего будущего, чем на эссенциализм в отношении «нового» российского общества, а тем более его бли-

---

¹ См.: Мартьянов В. Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

жайших перспектив. И проблема отсутствия идейного консенсуса в общественных науках относительно релевантности новых теорий является прямым следствием радикальной и несокращаемой неодновременности человечества, которое продолжает жить во всех трех «волнах», или исторических укладах, – аграрном, экономическом и «постэкономическом». Следовательно, условием любой морально приемлемой для современности социально-политической стратегии может быть лишь стратегия сокращения неодновременности.

Действительно, трудно не заметить принципиальные социальные трансформации, наиболее явно происходящие с передовыми обществами. Размываются привычные социальные классы, на смену которым приходят аморфные группы населения. Прогресс автоматизирует все производственные процессы, сокращая рабочие места в секторе реального производства. Так, за последние 150 лет производительность труда в Европе увеличилась в 20 раз¹. В результате рабочие и аграрии, составлявшие большинство в обществе индустриально-классового Модерна XIX – начала XX века, ныне оказались в меньшинстве. Соответственно, вместе с границами классов размываются и четкие основания классовых конфликтов. Если исторически большинство населения Земли занималось сельскохозяйственным трудом, то сейчас в развитых странах аграрии, живущие «с земли» и за счет животноводства, составляют не более 3–6 % населения. Технологический прогресс изменяет структуры занятости и прежде всего ведет к сокращению классического рабочего класса, давно не являющегося численно доминирующей группой населения. Растет доля людей с высшим образованием. Рост производительности труда имеет обратной стороной рост безработицы. Возникает глобальное противоречие, выявляющее в качестве перманентной проблемы прямую зависимость между технологическим прогрессом общества и ростом уровня «естественной безработицы». Например, в технологически развитых странах ЕС средний уровень безработицы в 10–12 % от экономически активного населения уже признается нормальным (12 %, по данным Евростата, на март 2013 года). Население все более концентрируется в мегаполисах: в 2008 году был пройден важный показатель – более 50 % населения планеты (3,3 млрд чел. из 6,6 млрд, населяющих планету в настоящее время) стали жить в городах. Согласно прогнозам ООН, в 2000–2030 годах прирост населения Земли составит около 70 % и происходить он будет исключительно

---

¹ Шевчук А. В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. 2007. № 3. С. 47.

за счет увеличения урбанизированного населения во «втором» и третьем мире, в то время как численность сельских жителей останется на нынешнем уровне или незначительно сократится¹. Социальная структура современного общества все многообразней фрагментируется и индивидуализируется², в то время как экономические процессы глобализируются. Поэтому конкурентные преимущества любых отраслей и целых стран отныне должны доказываться всему миру, а не только на «тепличном» внутреннем рынке, регулируемом таможенными барьерами и различными налоговыми льготами.

Постиндустриальная экономика *количественно* все менее базируется на сельском хозяйстве и промышленности, где наблюдается устойчивое сокращение занятости. Все большее число людей *вынуждено* искать себе применение в расширяющемся секторе услуг и инновационных технологий. Но здесь массовая занятость не требуется, так как изобретения и технологии являются результатом деятельности ученых-одиночек и малых трудовых коллективов, чьи результаты труда затем лишь неограниченно копируются в промышленных масштабах.

Наконец, в настоящее время даже антиглобалисты признают неизбежность и объективность глобализационных процессов человечества. Поэтому объектом критики выступает уже не сама глобализация как закономерный рост взаимосвязи экономических, политических, финансовых процессов в мироэкономике, но лишь ее «проклятая сторона», то есть совокупность различного рода издержек (экологические, трудовые, миграционные, безработица), сопутствующих данному процессу³. Но ценность подобной критики, справедливой в частном и особенном, серьезно снижается тем, что у альтерглобалистов даже в теории не существует альтернативного по масштабу универсальности проекта взамен актуальной мироэкономики, основанной на принципах капитализма.

Например, принято считать, что в настоящее время из затянувшейся эпохи индустриального фордизма большая часть человечества пытается шагнуть в информационную эпоху, построить постиндустриальное общество. Но по силам ли большинству данная

---

¹ Народнонаселение мира в 2007 году. Использование потенциала урбанизации (доклад ООН). URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0295/biblio01.php> (дата обращения: 10.08.2015).

² Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005.

³ См.: Агинтон К. Альтерглобализм. Новые мировые движения протеста. М., 2004; Альтерглобализм: Теория и практика «антиглобалистского» движения. М., 2003; Бузгалин А. В. Альтерглобализм как феномен современного мира // ПОЛИС. 2003, № 3. С. 71–85; и др.

задача на современном этапе? И является ли постиндустриальное общество достижимой целью развития для всех стран мира? Ведь до 1960-х годов аналогичными теориями модернизации структурно поддерживалась версия о том, что стоит бывшим колониям и всему «третьему миру» создать и применить апробированные в Европе и США социально-политические институты и технологии, как они по развитию и уровню жизни с неизбежностью «всеобщих» исторических законов догонят страны, называемые развитыми. Более того, в 1990-е годы та же иллюзия воспроизводилась уже российскими либерал-реформаторами: у всех государств и континентов один путь, рецепты процветания известны и апробированы другими странами, конец истории наступил, поэтому постиндустриализация всех обществ неизбежна.

Однако практика неолиберальных реформ во многих странах – России, Мексике, Аргентине, Чили, странах Восточной Европы – показала обратные результаты. Институты и правила, работавшие в одной культурной реальности, оказались деформированными в другой. Невозобновляемые ресурсы планеты тоже неожиданно обнаружили свою конечность и возрастающую дефицитность: на всех их не хватает уже давно. Разрыв доходов и уровня потребления граждан центра и периферии глобального мира за последние 50 лет не сократился, а удвоение и утроение населения в слаборазвитых странах за последние полвека поглотило весь их экономический рост и прибавочный продукт. Только для того, чтобы глобально решить проблему голода и прокормить на уровне рационов развитых стран население Земли, которое согласно средневзвешенным прогнозам достигнет в 2050 году 9 млрд чел., придется фактически вдвое увеличить производство продуктов питания в 2050 году. Это является весьма трудновыполнимой задачей, так как ресурсы повышения урожайности зерновых, количество пахотной земли и пресной воды уже сейчас близки к исчерпанию во многих густонаселенных странах Африки, Ближнего Востока, Индии и Азии, тогда как в мире нарастает агфляция (рост цен на продукцию сельского хозяйства)¹. Тем более экосфера Земли не выдержит всеобщий переход к постиндустриальному обществу с уровнем потребления, аналогичным тому, который имеется в США. Более того, для поддержания экономического роста развивается экономика фиктивных товаров, предназначенных для удовлетворения искусственно сконструированных потребностей. Доля таких това-

---

¹ См.: Ковалев Е. В. Глобальная продовольственная проблема // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 10. С. 26–34.

ров доходит до 70 % всего товаропроизводства, а в сфере услуг доля фиктивности еще выше¹. Это те потребности, о которых человек не подозревает до тех пор, пока общепринятые стандарты потребления, реклама и общественное мнение не убедят его в обратном: биодобавки, чудо-лекарства, продукция индустрии моды и омолаживающая косметика, электроника с множественными функциями и т. п.

Поэтому не является ли новейшая идея постиндустриального, или постфордистского, общества новой интерпретацией старого нарратива о модернизации? Тем более для нынешней России, где победительная политическая риторика прорыва в «информационное общество» призвана отвлекать от того очевидного факта, что страна медленно деградирует в доиндустриальное состояние, демонстрируя парадоксальный «рост без развития». Рост, обеспечиваемый внешне-экономической конъюнктурой цен на сырье, а не реальными успехами в производстве конкурентных и востребованных во внешнем мире товаров и технологий².

Постиндустриальное общество получает сверхприбыль от экономики услуг и высоких технологий, производя качественный конкурентоспособный продукт для глобального рынка. Например, если смотреть на Россию с позиций объективного анализа ее экспорта, который четко показывает, в чем страна конкурентоспособна на глобальном рынке, то можно увидеть, что структура российского экспорта характерна не для постиндустриальной экономики и даже не для индустриального общества периода СССР, но для современных доиндустриальных регионов мира, торгующих на глобальном рынке не идеями, технологиями или даже трудом, а своим невозобновляемым природным достоянием (нефть, газ, металлы, лес, минеральные удобрения и т. д.).

В частности, объем российского экспорта вырос с 105 млрд долл. в 2000 году до 522 млрд долл. в 2011 году, то есть в пять раз, при этом в его структуре 2011 года доля сырьевых товаров (нефть и газ, элегантно именуемые в статистическом ежегоднике-2012 «минеральными товарами», металлы, удобрения, древесина и др.) достигла 84,7 %³. Поэтому прорыв России в постиндустриальное общество, которым обнадеживают российского обывателя некоторые эксперты, обществоведы и властные элиты, является не более чем фикцией, сконструированным мифом. Реальные задачи, стоящие перед нынешней

---

¹ Мостовой П. Есть ли будущее у общества потребления? URL: <http://www.polit.ru/lectures/2005/12/01/mostovoi.html> (дата обращения: 10.08.2015).

² Мартянов В. Шанс для России: выйти из общества потребления // Прогнозис. 2008. № 2. С. 321–342.

³ Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Росстат. М., 2012. С. 700.

Россией, гораздо скромнее: восстановление индустриального сектора и переработка сырья внутри страны с целью его экспорта с высокой добавленной стоимостью. Например, экспорт мебели и бумаги, а не леса-кругляка; бензина вместо нефти; продукции авиа- и машиностроения, а не металлургии и т. д. Фактически речь идет о первоначальной задаче встраивания страны преимущественно в индустриальный сегмент глобальной экономики, которое было бы большой удачей в случае его реализации.

Постфордизм как вынужденная постиндустриальность

Капитализм является не только состоянием, но и динамическим, временным процессом. Он способен как создавать новые инфраструктурные пространства капитала, так и приводить к разрушению уже имеющихся, то есть приводить к декапитализации национальных экономик вследствие падения прибылей, роста затрат на зарплату, истощения ресурсов, роста административных издержек и политических рисков. Обычно началом декапитализации являются кризис перепроизводства, падение стоимости активов и географическое бегство капиталов, которые влекут за собой застой, деиндустриализацию и экономическую депрессию¹. В том числе и потому, что избыточный финансовый капитал постиндустриального мира, обращенный в ликвидную, легко перемещаемую форму финансовых инвестиций, способен получать сверхприбыль в двух других исторических нишах, извлекая ее из глобального демпинга стоимости сырья и труда за пределами центра миросистемы. Но дело в том, что в глобальной экономике капиталу, по сути, больше некуда бежать за прибылью. Все зоны влияния и рынки сбыта давно освоены и поделены, а финансовый рынок давно является глобальным. Пределы географической экспансии капитала в погоне за легкой прибылью исчерпаны.

В результате парадоксальным образом развитие креативных технологий, индустрий брендовых люксовых товаров, сферы услуг и образования, механизмов удаленной и частичной занятости, все больше доминирующих в постиндустриальном обществе, часто является *вынужденной* стратегией, следствием нарастающей деиндустриализации постфордистского общества без рабочего класса. Такова, например, была ситуация с все более нерентабельной угольной, сталелитейной и автомобильной промышленностями, производством

---

¹ Арриги Дж. Утрата гегемонии // Прогнозис. 2005. № 2 (3). С. 5–60.

одежды и бытового ширпотреба в Европе и США. В 1980-е годы, не выдерживая растущей конкуренции со странами Азии, закрывались целые отрасли и производства, а в сфере сельского хозяйства вводились невиданные ранее государственные дотации, чтобы поддержать элементарную продовольственную безопасность развитых стран.

Одновременно с помощью массированных инвестиций в Европе и США создавались новые рабочие места в постиндустриальном сегменте экономики, в котором эти страны могли бы производить конкурентные товары, обеспечивая высокие нормы прибыли и поддерживая уже достигнутый уровень жизни своих граждан. Но даже при этом средние зарплаты в реальном исчислении практически остановили свой рост в Европе, США и Японии. За последние 50 лет реальные доходы 90 % населения США прекратили расти, в то время как экспоненциальный рост демонстрируют лишь доходы наиболее богатого 1 % населения¹. И развитым экономикам Запада, не конкурентоспособным в индустриальном и сырьевом сегменте, переживающим стремительную деиндустриализацию, не остается ничего иного, как превращаться в «вынужденно постиндустриальное» общество, своего рода глобальное гетто наоборот – для избранных, у которых на самом деле нет другого выхода. Хотя более точно его можно было бы назвать альтериндустриальным. Таким образом, пресловутые общества знаний, или постфордистские общества, центрированные на экономике услуг, оказываются создаваемыми вынужденно, иначе общество уже не способно далее другими способами поддерживать достигнутые стандарты доходов, комфорта и потребления.

Таким образом, целенаправленное развитие постиндустриальных сегментов экономики зачастую является не более чем следствием роста неконкурентоспособности страны в секторе реального производства. В сырьевом, аграрном и индустриальном секторах глобальной экономики высока конкуренция участников, а значит, низка прибыль. Постиндустриальный мир в этих секторах все менее конкурентоспособен в глобальном масштабе, поскольку издержки индустриального производства в первом мире все время растут – это комплексные затраты на оплату труда, пенсионные отчисления и широкие социальные гарантии населения, высокие налоги и экологические стандарты, государственные расходы на продовольственную безопасность (субсидии собственным аграриям) и т. п. В результате количество рабочих мест в данных отраслях экономики развитого

---

¹ URL: <http://stateofworkingamerica.org/who-gains/#/?start=1971&end=2008> (дата обращения: 10.08.2015).

мира постоянно сокращается, что усиливается параллельным ростом производительности труда.

Проигрывая в нише индустриальной, постиндустриальному миру остается брать реванш лишь в областях, где возможно поддержание глобальной монополии, а значит сверхприбыли, обеспечивающей уже достигнутый уровень жизни. В противном случае деиндустриализация экономик развитых стран превратилась бы в социальный застой, связанный с высокой безработицей, экономической стагнацией и географической утечкой капиталов. И сферами компенсации дефицита индустриальности обычно становятся образование, фундаментальная наука, высокие технологии, туризм, банковско-финансовая деятельность, производство уникальных культурных артефактов, индустрия дорогих товаров и т. п. При этом взгляде на эффект постиндустриализма существуют серьезные сомнения в том, что такие заповедники постиндустриального общества, как Европа, Япония и США, могут в обозримом будущем стать судьбой всего человечества. Поскольку они представляют собой не более чем специализацию на сверхприбыльных отраслях экономики в глобальном масштабе. Проблема в том, что вариант постиндустриального способа разрешения инфраструктурного кризиса путем «игры на повышение ставок» доступен лишь наиболее капитализированным экономикам, которые действительно имеют возможности вложить в глобально конкурентные сектора экономики услуг рекордные инвестиции. Однако окупиться эти инвестиции могут лишь за счет глобальной монополии или в крайнем случае олигополии в данных секторах. Таким образом, вопреки абстрактным декларациям о свободе торговли и честной конкуренции ключевой задачей постиндустриальных стран является неконкурентное лидерство в экономических секторах с высокой нормой прибыли.

Но если в развитых странах деиндустриализацию еще можно искусственно перенаправить в постиндустриализацию, то есть в развитие конкурентоспособных сегментов «индустрии знаний», то проблема полупериферийных для глобальной экономики стран заключается в том, что подобное решение для них не срабатывает. Поэтому кризис фордистского общества во многих случаях превращается в инволюцию, переход к предшествующему, доиндустриальному состоянию. Например, в условиях России декапитализация и деиндустриализация экономики не могут быть компенсированы инфраструктурной перестройкой, создающей постиндустриальную экономику, в силу отсутствия достаточного капитала и эффективного государственного управления. Наиболее яркими провалами таких попыток являются проекты «Роснано» и «Сколково» – российская попытка создать свою Силиконовую долину. Масштабные финансовые вливания го-

сударства и госкорпораций в будущем международные центры технологических и научных инноваций, превышающие по своим объемам финансирование всей российской фундаментальной науки, обернулись коррупционными скандалами и отсутствием каких-либо значимых результатов¹.

Собственно невозможностью и неспособностью полупериферийного (индустриального) социалистического блока или «второго мира» в конце XX века к развитию постиндустриального сектора и была обусловлена деиндустриализация экономики, одновременно повлекшая для ряда стран Восточной Европы потерю политического суверенитета. Их политическая независимость была в срочном порядке обменена на право стать индустриально-сборочным цехом ЕС. И это оказалось не самым плохим вариантом, поскольку Россия и среднеазиатские республики, минуя индустриальную нишу мировой экономики, скатились до состояния его сырьевого придатка, для которого сфера высоких технологий чем дальше, тем больше имеет чисто символическое значение, усиленно раздуваемое официальным пиаром. Например, в последние годы только доход от экспорта Китая мягких игрушек втрое (!) превышает отдачу от всего российского экспорта вооружений².

Гонка постоянна, победители временны

Часть авторов пытается спасти дискурс постфордизма путем его локализации. Однако несмотря на популярные работы, ориентированные на эффект локального развития – различные концепции креативного города и символического брендинга малых территорий³, становится все очевидней, что в глобальной экономике конкуренция отдельных компаний и регионов на внутреннем рынке становится второстепенной. Эта конкуренция вписана в глобальные движения технологий, капитала и трудовых ресурсов. Например, пока США сохраняют монополию на программные продукты, город Остин (Техас)

---

¹ Каныгин П. Кислый инноград. URL: <http://www.novayagazeta.ru/economy/58229.html> (дата обращения: 10.08.2015); Васильева А. Конец силиконовой малины URL: <http://kommersant.ru/doc/2013581> (дата обращения: 10.08.2015); Ковшов Н. 5 громких венчурных провалов: как потерять больше, чем «Роснано». URL: http://slon.ru/future/5_gromkikh_venchurnykh_provalov_kak_poteryat_bolshe_chem_rosnano-927440.xhtml (дата обращения: 10.08.2015).

² Иноземцев В. Игрушечное оружие // Business Week (Россия). 2006. № 21 (35). С. 62.

³ Флорида Р. Креативный класс: Люди, которые меняют будущее. М., 2005; Лэндри Ч. Креативный город. М., 2006; Гнедовский В. Проблемы развития постиндустриального общества в городах США // Экология культуры. 2005. № 2. С. 187–201.

еще может переманить за счет дешевизны жилья специалистов в области IT из Сан-Франциско и Силиконовой долины (Калифорния). Но не спасется ни тот, ни другой, если США потеряют глобальную монополию в данном сегменте рынка. И тот же продукт будет создаваться вдвое дешевле в Индии или Китае, как это реально и происходит уже сейчас. Глобальная монополия США и ЕС в постиндустриальном сегменте сохраняется, пока их экономики способны вкладывать в высокие технологии больше, чем другие страны, а евро и доллары являются резервными валютами в мировом масштабе. Это позволяет привлекать интеллектуальные сливки со всего мира.

Тем не менее в настоящее время капитализация индустриальных экономик мира растет быстрее, чем у традиционных постиндустриальных лидеров – США, ЕС, Японии. Причем эти новые экономики работают на экспорт, глобально конкурируя в реальном секторе производства. Например, в области производства массового ширпотреба и бытовой техники США и ЕС давно потеряли способность с кем-либо конкурировать, просто открыв внутренний рынок для экспорта дешевых товаров из Китая. В результате США имеют дефицит внешней торговли в 8 трлн долл. и постоянно увеличивающийся объем госдолга, который возрос с 5,5 трлн долл. в 2000 году до 18,3 трлн долл. в середине 2015 года, то есть в 3,5 раза¹. Соответственно, многие растущие экономики мира скоро станут способны откусывать куски и от мирового пирога высоких технологий. А усиление глобальной конкуренции в авиации, космосе, энергетике, транспорте, производстве новых материалов и компьютерных технологиях приведет к снижению сверхприбылей в этом сегменте мировой экономической системы. Реальные инвестиции потекут мимо США, а снижение доверия к доллару как резервной валюте приведет к его резкой девальвации. И этот кризис, возможно, оживит реальный сектор постиндустриальной экономики, сделав ее из виртуально-постиндустриальной более фордистской.

В теории постфордизма «постиндустриальная постсовременность» одновременно представляется желаемым утопическим образом ближайшего будущего всего человечества. Однако при ближайшем рассмотрении она оказывается в определенной степени паразитической надстройкой над существующими одновременно с ней индустриальной современностью Модерна и аграрно-сырьевыми обществами до-Модерна. Более того, изменение инвестиционных потоков, все активнее текущих от периферии к центру миросистемы,

---

¹ URL: <http://www.usdebtclock.org/> (дата обращения: 10.08.2015).

ведет к ослаблению риторики глобализации периода 1990 – начала 2000 годов, когда она была выгодна постиндустриальному миру, активно поглощавшему с помощью инвестиционной экспансии целые регионы биполярного мира, принадлежавшие бывшему противнику. Сегодня постиндустриальный мир, вопреки многим ранее декларируемым в рамках неолиберального консенсуса принципам открытого общества, все активнее отгораживается как от переполняющих его потоков дешевой рабочей силы, так и от множества более дешевых конкурентных товаров, производимых вовне.

Формирование альтернативных экономических центров силы будет способствовать переносу не только реальных производств, но и производства услуг и технологий в Китай, Корею, Индию, Бразилию и т. п. В результате неизбежно перераспределение глобальных монополий и падение их сверхприбылей. Ведь экономика «глобального бутика» эффективна, если нет глобальных конкурентов. Конкуренция превращает постиндустриальные «бутики» в обычные лавки. Азиатские страны модернизировались за несколько десятилетий, тем же темпом они станут наращивать постиндустриальную сферу. Облегчает задачу тот факт, что инвестиции и «мозги» в глобальном масштабе все более мобильны и интернациональны. Перетекание интеллекта и инвестиций в более прибыльные ниши «плоского мира» (Т. Фридман) осуществляется стремительно. При этом объективные задачи реиндустриализации развитых обществ могут оказаться попросту невыполнимыми. Сформировавшийся в них массовый урбанистический тип индивидуалиста-потребителя болезненно воспринимает попытки свернуть объем достигнутых личных свобод и уровня потребления. Из-за демографической ситуации жертвовать для новых модернизаций просто нечем. Население не воспроизводится, поэтому нет того демографического давления, за счет которого совершались прежние социально-политические и технологические революции. И граждане вовсе не собираются жертвовать достигнутым уровнем жизни во имя абстрактных целей, связанных с общими благами модернизации и повышением конкурентоспособности, если последние напрямую затрагивают их текущие доходы и зарплаты.

С другой стороны, в мироэкономике монополия на любые ресурсы и технологии не может быть долгосрочной. Любые невозобновляемые ресурсы и конкурентные преимущества кончаются, а когда-то уникальные технологии рано или поздно становятся всеобщим достоянием. Шанс пробиться в мировую элиту имеют все. И ставки в глобальной экономике могут быть сделаны на разные виды монополии. Так постиндустриальные страны делают успешную ставку

на технологическую монополию (компьютеры, программное обеспечение, космос, авиация, вооружения и т. п.). В свою очередь периферия стремится монополизировать дешевый труд и типовые технологии, убрав конкурентов с рынка ширпотреба, бытовой техники, продовольствия (Китай, Индия, Южная Корея, Бразилия, Аргентина, «азиатские тигры»). Наконец, Россия периодически предпринимает странские шаги для формирования более монополизированного в мировом масштабе рынка энергоресурсов, начиная с нефти и газа и заканчивая атомной энергетикой. Но эта стратегия является одной из самых ненадежных из-за распыленности как мировых запасов сырья, так и наличия множества игроков на глобальном энергетически-сырьевом рынке. Таким образом, без объединения усилий с другими энергетическими державами достижение этой цели невозможно. И если глобальные монополии на рынках высоких технологий можно считать консолидированными, имеющими четкие стратегии удержания своих преимуществ, то возникновение мирового энергетического клуба слишком маловероятно по причине мировой децентрации активов в данном секторе.

Смутные перспективы постфордизма

Итак, экономики постиндустриального мира способны привлекать рекордные инвестиции, обеспечивающие глобальную монополию или олигополию на уникальные технологии. В глобализированной экономике мировое лидерство обеспечивает относительно «закрытые», высокомонополизированные секторы экономики: космос, телекоммуникации, финансы, авиация, медицинские технологии, программное обеспечение, вооружения, уникальное оборудование и т. п. При этом менее прибыльные сегменты экономики, такие как сельское хозяйство, производство ширпотреба и бытовой техники, в данных обществах просто вынесены вовне, во «второй» и «третий» миры.

Предполагается, что зависимость постиндустриальных обществ от сектора материального производства падает. Но настолько ли, чтобы быть свободными от него? Ведь потребности людей в этих обществах остаются вполне материальными, даже если капитал, располагаемый этими обществами, все менее материален. Людям необходимо питаться, одеваться, покупать бытовую технику и машины, строить дома – и все это теперь производится не ими, но поступает из-за рубежа. И в вероятной критической ситуации постиндустриальный мир будет зависим от индустриального и аграрного мира гораздо больше, чем они от него, поскольку без топлива, еды и одежды выжить гораздо труднее, чем без космических технологий или компьютеров.

Все это создает уязвимость постиндустриальных обществ от независимых для них факторов. Действительно, при определенном уровне достатка собственные материальные потребности перестают быть значимыми, но это в свою очередь не означает, что базовые потребности людей становятся постматериальными. Соответственно, экономические ресурсы, на которые опираются постиндустриальные общества – знание и технологии, по сути, не имеют непреодолимого и качественного превосходства перед ресурсами экономик, базирующихся на преимуществах аграрного производства, сырья или дешевого труда. Постиндустриальный сектор также имеет свои уязвимости, связанные, например, с потерей продовольственной или сырьевой безопасности, свертыванием рынка труда, повышением зависимости от внешних субъектов в сегментах потребностей, обеспечивавшихся ныне свернутыми отраслями экономики. И эти уязвимости проявят себя в случае глобального кризиса или катастрофы, поскольку все экономики и государства мира давно взаимозависимы.

Как справедливо замечает Г. Дерлугьян, «невзирая ни на какие футуристические сценарии, мировая экономика по-прежнему в большей степени зависит от рынков сбыта, капиталов и поставок потребительских товаров, нежели от таких “неосязаемых” материй, как информационные технологии. Последние три десятилетия характеризовались “перетеканием” капиталов из сферы материального производства в финансовую, однако, если верить русскому экономисту Кондратьеву, описавшему экономические циклы, ныне носящие его имя, подобные тенденции в принципе характерны для стадии “сжатия” экономики, или В-фазы. Рост цен на энергоносители и прочее минеральное сырье, несомненно, связанный с невероятным ростом Китая, подсказывает, что, вполне возможно, мир входит в очередную стадию расширения производства – А-фазу, что можно только приветствовать, учитывая, сколько людей по всему миру прозябает в нищете»¹. Однако столь же закономерно, что за расширением рано или поздно последует сжатие. Возможно, мы уже находимся на его первой ступени, обозначенной мировым экономическим кризисом.

Вообще проблема выбора самих критериев развития общества, доминирующих стандартов и целевых ориентиров, а также альтернативных концепций их расчета является отдельной темой. Отметим лишь, что перекокс в концентрации усилий и средств на повышении эффек-

---

¹ Дерлугьян Г. Четвертая Российская империя: истоки и перспективы // Отечественные записки. 2007. № 6. С. 241–261.

тивности любой отрасли хозяйства может оборачиваться деградацией и разрушением других подсистем: «Нельзя решать отдельную проблему, а необходимо искать оптимальный уровень нерешенности всех проблем... При ориентации на максимум прибыли выгодность всегда совпадает с экономичностью (минимум затрат) и, как правило, противоречит эффективности (сопоставлению всей совокупности результатов со всей совокупностью объективно стоящих целей при использовании одного и того же количества ресурсов)...»¹ Например, можно вдвое удешевить стоимость строительства квадратного метра жилья, не учитывая экологические затраты, расходы на водо- и энергоотведение, психологические издержки жизни людей в «спальных» районах из 25-этажных домов, отсутствие сопутствующей инфраструктуры (дороги, транспорт, магазины, школы, больницы).

В настоящее время в мировом масштабе конкурентны только рынки ресурсов и труда, во многом остающиеся национальными. Глобальный же рынок высоких технологий фактически монополизирован странами, составляющими ядро глобализации. Для ее сохранения постиндустриальные регионы мира все чаще отказываются от принципов свободы торговли, отгораживаясь от мира заградительными барьерами таможен, политикой протекционизма и усилением роли государства в регулировании национальных экономик. Поэтому представляется, что постиндустриальный сегмент глобальной экономики в настоящее время является не историческим этапом, к которому неизбежно эволюционирует все человечество, но скорее довольно ограниченной по своему удельному весу отраслью мировой экономики, извлекающей сверхприбыль из ряда монополизированных секторов этой экономики. И эта отрасль зависит от состояния других структурных отраслей гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Наконец, ни одна монополия в истории человечества еще не была вечной, поскольку эффективность управления монополией на единицу ее капитала в рыночных условиях обычно рано или поздно уступает аналогичному показателю более мелких конкурентов. В долгосрочной перспективе любая монополия проигрывает, лишаясь внеэкономических политических подпорок. Растущие центры политической и экономической силы в мире, не связанные с сегментом постиндустриализма, в перспективе будут вполне способны скорректировать иерархию миросистемы и сложившегося разделения глобального производства.

---

¹ Эпштейн А. Деградостроительство. Жилищная история с географией и демографией // Политический журнал. № 21–22 (23.07.2007). URL: <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=73&tek=7120&issue=197> (дата обращения: 10.08.2015).

В начале XXI века представляется, что постиндустриальные теории оказались слишком поспешно фундированы переоцененными тенденциями общественного развития, которые обернулись новыми политическими утопиями с завышенными социальными ожиданиями. Это своего рода новейший инвариант мифа техники, который уже был в свое время представлен на разных этапах прогресса утопиями электричества, телеграфа, телевизора, Интернета, роботизации и искусственного разума, предполагавших радикальное преобразование человечества на основе очередных открытых технологий¹. В свою очередь теории постфордистского общества, или «общества знания», оказались отчасти наивно оптимистичными, отчасти «пирогом не для всех». В настоящее время теории постиндустриализма, постфордизма, информационного или сетевого общества во многом являются скорее желаемым образом будущего, чем реальным состоянием даже самых передовых обществ. Реализовать в полном объеме постиндустриальные утопии не удалось даже для самых передовых регионов мира, так как «в 1990-е гг. постиндустриальный мир породил не неограниченное богатство, а условия для его создания. Он выработал технологии, радикально расширявшие экономические горизонты, – но вместо того, чтобы воспользоваться ими, предпочел передать их другим исполнителям и ограничиться ролью сервисной экономики и финансового центра. В этой деиндустриализации, против которой еще в 1980-е гг. возражали самые прозорливые исследователи, и лежит причина изменения глобальной экономической конфигурации... постиндустриальный мир воспользовался лишь ничтожной долей того, что он создал... в глобализованном мире, в котором доминирует свободная и ничем не ограниченная конкуренция, производство технологий становится своего рода производством общественных благ»².

Закономерен и итог недалководной стратегии постиндустриализации как безусловного блага: «Во-первых, на протяжении 2000-х годов рост капитализации западных фондовых рынков – по сути, рост богатства западного мира – остановился: в 2010 году среднее значение индексов S&P500, DAX, FTSE, CAC-40 и Nikkei оставалось ниже (причем у Nikkei – более чем на 20 %), чем в 2000-м, чего до этого не случалось семь десятилетий... именно на протяжении 2000-х годов стало очевидно, что за пределами эпохи полномасштабной тех-

---

¹ Трахтенберг А. Д. Современные подходы к изучению социальной адаптации технологий и информационная революция // Вестник НГУ. Серия Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 90–95.

² Иноземцев В. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. С. 91–92.

нологической революции копирование технологий оказывается выгоднее их создания, и новые индустриальные страны стали активно догонять западные державы»¹. Фактически лидерами роста и развития в 2000-е годы стали новые индустриальные страны (Китай и его сателлиты, Южная Корея, Индия, Бразилия), а парадокс экономического развития состоит в том, что «глобальная экономика к концу первого десятилетия нового века стала в большей мере похожа на индустриальную, чем в его начале»². В то время как постиндустриальные страны центра капиталистической миросистемы становятся все более зависимыми от глобальных рынков и уязвимей от отсутствия реальной защиты интеллектуальной собственности, которая лежит в основе постфордизма, новые индустриальные страны завоевывают все большую долю мировой экономики, развивая свои экспортные возможности и наращивая внутренний спрос.

Таким образом, в условиях а) кризиса классической модели индустриального общества в странах центра миросистемы, которая становилась все более дорогой и неконкурентной и, вследствие этого, б) географической экспансии капитала на мировой Юг, оказалось возможным перебросить массовое производство и организовать рабочий класс за пределами этих обществ – на периферии миросистемы. В результате для профилактики растущего общественного недовольства происходящими в развитых странах процессами, связанными с деиндустриализацией, ростом безработицы и крахом профсоюзного движения и иными негативными следствиями этих процессов, доминирующие политические силы стали культивировать новую социальную утопию о неизбежном и всеобщем наступлении постиндустриального, постфордистского общества, при этом неоправданно широко обобщая частные тенденции в отдельных мировых регионах и вынося за скобки новую структуру мировой экономики в целом. В культурной области эти процессы изменений осмыслялись интеллектуалами постиндустриальных стран «в виде *постмодернистской чувственности* и *постметафизического мышления*... которые детерминируют представление о *хаотической* и *ризоматической* структуре мира»³ как господстве иррациональных и децентрирующих процессов, разрушающих привычные современные ценностные, интеллектуальные и институциональные

---

¹ Иноземцев В. Потерянное десятилетие // Вестник Московской школы политических исследований. Общая тетрадь. 2012. № 4. С. 88.

² Там же. С. 93.

³ Любутин К. Н., Кондрашов П. Н. Социальные основания постмодернизма: попытка марксистского анализа // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2009. № 9. С. 121.

конвенции. Постмодернистская критика на определенном этапе стала необходимым функциональным дополнением мирового парадигмального перехода от нормативной модели национального Модерна и его онтологической индустриальной модели, описываемой фордизмом, к более сложной модели глобального Модерна¹.

Тем не менее главные перемены в условиях глобального Модерна связаны вовсе не с постмодернизмом и постфордизмом, во многом призванными завуалировать частные процессы деиндустриализации, неуклонного роста безработицы и дефицитов государственных бюджетов в центре миросистемы. Основной чертой глобального Модерна является тот факт, что большинство населения Земли за пределами Запада вступило в результате ряда форсированных модернизаций в современность, которая предстает перед ними именно как индустриальное общество, освобожденное от европейских культурных традиций. При этом для всех типов актуальных обществ доминирующая реальность капитализма остается неизменна и глобальна: «капитализм постоянно ищет... новые технические возможности, новые способы организации труда, новые географические сочетания. Капитализм никогда не является постоянным»². Но при этом он остается капитализмом, постоянно приспособляемым к прогрессу и новым технологиям, то есть капитализмом в постфордистской технологической оболочке и с постмодернистской или неолиберальной легитимирующей риторикой. Представляется, что наиболее важные изменения в глобальном мире происходят вовсе не в области прогресса технологий; появления фиктивных, необязательных потребностей и изменения под них структуры мирового производства с его особенностями организации технологических цепочек на всех уровнях от глобального, до локального, метафорически описываемых как постфордистская экономика (или даже претендующих на создание постфордистского общества). Это всего лишь процессы глобального географического переструктурирования мироэкономики, которые не дают никаких веских оснований к провозглашению утопических проектов нового общества. Особенно если не смотреть на них сквозь привычный, но во многом ограниченный и устаревший категориальный аппарат национального государства и национальной экономики, и без того

---

¹ Мартянов В. С. После постмодернизма // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2012. Т. 10. № 3. С. 64–73.

² Харви Д. Неолиберальная урбанизация. URL: http://www.redflora.org/2012/07/blog-post_06.html (дата обращения: 10.08.2015).

размываемый с разных сторон глобальными рынками, сетями мировых городов и транснациональными корпорациями¹.

Значимые общественные изменения, действительно позволяющие утверждать о глобальных альтернативах национальному Модерну и модели индустриального общества, прежде всего связаны с внешними факторами капитализма, позволяющими сдерживать и регулировать его в общественных интересах за пределами отдельных наций-государств. Поскольку сам по себе капитализм в чистом виде с его моделью человека экономического не в состоянии сдерживать общество от распада без фоновых морально-правовых, политических и иных социальных регуляторов. В настоящее время можно фиксировать фоновое движение от либерального консенсуса современных идеологий к формированию глобального гражданского общества и моральных конвенций постнациональных политических институтов; эволюцию демократии от диктатуры большинства к многосоставному обществу; движение от сакрализации территориального суверенитета (национализм) к политической этике космополитизма; переход от привычной технократической модернизации, субъектом которой выступало государство, к органической модернизации, в центре которой в качестве ее и цели, и субъекта помещается человек. Происходит объединение человечества общим ценностным языком, вырабатываемым глобальным гражданским обществом на основании концепции прав и свобод человека. Благодаря современным информационным технологиям можно наблюдать процессы генерации постнациональной публичной сферы и потенциальной системы принятия общественно значимых решений в масштабе всего человечества, *попытки институциональной достройки глобальной капиталистической миротельной системы до будущей мирополитики*².

Институциональная форма этой социально-политической интеграции выражается в принципах приоритетности международного права над национальным, идеях ограниченного суверенитета современных наций и усилении роли транснациональных политических институтов. Параллельно эмпирические замеры указывают на глобальный ценностный сдвиг, связанный с успехами мировой модернизации, – постепенное движение человечества от традиционных ценностей выживания к постматериальным ценностям самореали-

---

¹ Панкевич Н. В. Территориальная организация политического пространства: в поисках альтернатив // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. № 9. С. 275–289.

² Мартянов В. С. Глобальный Модерн: от мироэкономики к мирополитике // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 6. С. 80–89.

зации граждан¹. Указанные фоновые тенденции свидетельствуют о сохранении современных иерархий ценностей и коллективных идентичностей, позволяющих организовывать и поддерживать все более универсальные ценностно-институциональные современные пространства, охватывающие все человечество и формирующие реальность, которую можно определять как постнациональный (глобальный) Модерн. Эта реальность может включать тенденции постфордизма как полной автоматизации массового производства, выводящей из рутинных процессов человека как такового. Но в силу своей комплексности и сконструированности она не может быть сведена только к данному аспекту иначе, чем на основаниях радикальной технократической редукции общества. И подобная упрощающая редукция представляется утопичной и нерелевантной для состояния глобального Модерна.

---

¹ Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. М.: Academia, 1999. С. 261–291.

Глава 4. ДВЕ ОСТАНОВКИ В НОВОЙ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ И РЕЖИМОВ ЗАНЯТОСТИ¹

На протяжении многих веков международное разделение труда подразумевало наличие разнообразных транслокальных схем перемещения рабочей силы и капитала². Эти схемы значительно различались по времени и пространству, и складывались (по крайней мере, частично) под влиянием разнообразных процессов, способствовавших формированию рынков труда и капитала по всему миру.

Многие из старых схем продолжают существовать и в наши дни, но теперь они чаще всего связаны с новой динамикой развития экономики. Кроме того, появляются все новые и новые типы схем. Одним из результатов этого процесса стало развитие глобальных географических связей, которые идут вразрез с традиционным делением на Север – Юг. Такие связи возникают в ходе различных уже хорошо знакомых процессов: тенденций усиления глобального характера деятельности фирм и рынков, многократного увеличения количества филиалов и партнерских компаний, миграции рабочей силы, а также развития сети незаконной миграции. Эта новая география может определяться гораздо менее изученными динамическими процессами, например, появлением новых видов мобильности трудовых ре-

---

¹ Статья впервые опубликована в журнале «American Behavioral Scientist». 2008. Vol. 52. № 3. P. 457–496.

² Aneesh A. Virtual migration: The programming of globalization. Durham, NC: Duke University Press, 2006; Froebel F., Heinrichs J., & Kreye O. The new international division of labor. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1980; Koo H. Korean workers: The culture and politics of class formation. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001; Kothari U. A radical history of development studies: Individuals, institutions and ideologies. London: Zed, 2006; Smith M. P., & Favell A. The human face of global mobility: International highly skilled migration in Europe, North America and the Asian Pacific. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006; Potts L. The world labor market: A history of migration. London: Zed, 1990; Silver B. J. Forces of labor: Workers' movements and globalization since 1870. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003; Wallerstein I. M. The modern world-system; capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. San Diego, CA: Academic Press, 1974.

сурсов, в том числе связанной с применением цифровых технологий и виртуального аутсорсинга¹, а также, возможно, с широким распространением мелкорозничной торговли².

Среди наиболее сложных образований, возникших в этих условиях и являющихся предметом рассмотрения настоящей статьи, следует отметить начавшееся формирование глобальных рынков труда в верхнем и нижнем сегментах экономической системы³. Одним из этих рынков является транснациональный рынок специалистов высшей категории и руководителей высшего звена, занятых в различных областях экономики, начиная с представителей финансового сектора и заканчивая высокоспециализированными инженерными кадрами. Этот рынок характеризуется растущим интересом со стороны государства и общества⁴. Другой тип глобального рынка труда представляет собой в основном объединение неформальных движений, среди которых наиболее известны «глобальные цепочки заботы и ухода»⁵. Средние сектора, представленные различными компаниями и трудовыми ресурсами развитых стран, в своем подавляющем большинстве сосредоточены на рынках труда национального масштаба. Указанные два рынка труда состоят из множества специализированных цепочек и плохо просматриваются на глобальном уровне, следовательно, их объединение в рамках общего понятия глобального рынка труда является сугубо аналитическим допущением. На самом деле эти глобальные рынки, как правило, рассматриваются через призму местных рынков труда; при этом наблюдается тенденция игнорирования того, что некоторые из этих локальных рынков могут быть одним из звеньев глобальных цепочек занятости, представленных на мировых рынках труда.

Существуют зоны множественного пересечения различных цепочек, составляющих два описанных глобальных рынка труда. В настоящей статье рассматриваются две таких зоны: глобальный Юг и глобальный Север. Будучи ограниченной рамками данного материала, а также тем, что по ходу действия я буду рассматривать и неко-

---

¹ Aneesh A. Virtual migration: The programming of globalization...

² Kothari U. A radical history of development studies...

³ Smith M. P., & Favell A. The human face of global mobility...; Sassen S. The mobility of labor and capital: A study in international investment and labor flow. New York: Cambridge University Press, 1988; Sassen S. A sociology of globalization. New York: Norton, 2007.

⁴ Sassen S. Cities in a world economy (3rd ed.). Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2006.

⁵ Ehrenreich B., & Hochschild A. Global woman: Nannies, maids, and sex workers in the new economy. New York: Metropolitan, 2003; Parreñas R. S. (Ed.). Servants of globalization: Women, migration and domestic workers. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.

торые другие вопросы, здесь я намерена уделить основное внимание цепочкам занятости в нижнем сегменте рынка труда и, в частности, тем областям, в которых главным образом заняты женщины. Одной из таких зон является глобальный город, а если быть точнее – более 40 глобальных городов, которые в настоящее время представляют собой своего рода организационную платформу развития глобальной экономики. Другая зона включает в себя целую группу стран глобального Юга или субнациональных регионов внутри них, в которых наличие огромной задолженности перед международными финансовыми организациями заставляет правительства, компании и население тратить все свои силы на борьбу за выживание. Вливание в поток глобальных трудовых мигрантов становится одной из стратегий выживания для граждан этих стран, что в свою очередь приводит к растущей зависимости государственных экономик от денежных поступлений, пересылаемых мигрантами, а также к торговле людьми как одному из видов предпринимательской деятельности. На данном этапе развития общества особая роль отводится женщинам. Они начинают выступать в качестве акторов, действующих в зонах пересечения важнейших тенденций глобального развития, будь то возникновение гиперзадолженности правительств бедных стран или смешение рынков труда, поддерживающих нормальное функционирование глобальных городов.

Определяя концептуальные основания

Ослабление государственных структур и целых экономик стран глобального Юга способствовало возникновению и широкому распространению различных видов коммерческой деятельности, связанных с миграцией и торговлей людьми. В какой-то мере это уже сложившиеся процессы, которые ранее наблюдались на национальном или региональном уровне, а сегодня действуют в глобальных масштабах. Та же самая инфраструктура, которая создает условия для беспрепятственного развития международной торговли, перевода капиталов за границу и обмена информацией, способствует возникновению трансграничных потоков, совсем не отвечающих замыслам авторов и создателей программы корпоративной глобализации современной экономики. Постоянно растет количество случаев торговли людьми, причем контрабандисты сколачивают неплохие капиталы на судьбах обездоленных мужчин, женщин и детей. Экономика многих стран все в большей мере зависит от денежных переводов граждан, работающих за границей. Ключевым аспектом здесь является то, что благодаря своей работе и отсылаемым на родину денежным средствам мигранты спо-

способствуют повышению государственных доходов стран-должников. Необходимость «осуществления помощи в организации переезда за границу» предполагает открытие новых прибыльных перспектив для легальных предпринимателей, которые ранее уже столкнулись с тем, что все другие возможности для нормального ведения бизнеса исчезают по мере захвата рынков их стран международными компаниями. Кроме того, оказанием такой «помощи» занялись закоренелые преступники, которые в данных условиях могут действовать уже на глобальном уровне. Цепочки незаконной миграции часто представляют собой очень сложную схему как в плане локализации, так и состава вовлеченных в них действующих лиц. В организации торговли людьми участвует огромное количество различных акторов – трейдеров, контрабандистов, рабочих, – составляющих целые глобальные сети.

Глобализация привела к созданию зон, в которых наблюдается повышенный спрос на какой-то определенный вид трудовых ресурсов. Стратегическими объектами в этой сфере являются глобальные города с их стабильным спросом на специалистов высшей категории для работы в транснациональных компаниях и высокой потребностью в низкооплачиваемых работниках, чаще всего в женщинах из стран глобального Юга. Именно здесь концентрируются некоторые из ключевых функций и ресурсов, необходимых для координации и управления глобальными экономическими процессами. В свою очередь развитие такой деятельности ведет к резкому росту спроса на высокооплачиваемых специалистов. Кроме того, деятельность компаний и сам образ жизни их сотрудников порождают спрос на услуги низкооплачиваемых работников сферы обслуживания. Таким образом, глобальные города представляют собой зоны привлечения большого числа низкооплачиваемых иммигрантов в стратегически важные сектора экономики. Труд таких людей может использоваться напрямую, когда, например, рабочие места предоставляются низкооплачиваемым офисным работникам и работникам сферы обслуживания (дворники и специалисты по ремонту помещений и оборудования), а может – опосредованно, когда специалисты с высоким уровнем доходов пользуются услугами таких лиц на своем рабочем месте или в быту. Это приводит к повышению спроса на услуги низкооплачиваемых работников в дорогих ресторанах и магазинах, а также на услуги горничных и нянь в домашних условиях. Получается, что низкооплачиваемые кадры действительно вовлекаются в работу в ведущие отрасли экономики, но делается это таким образом, что они становятся как бы «невидимыми», а это в корне подрывает исторически сложившийся источник расширения прав и возможностей рабочих и их мотивации – возможности трудоустройства в быстро развивающихся секторах экономики.

Такое смещение цепочек поставки рабочей силы и спроса накладывается на другие процессы глобализации: формирование глобальных рынков, интенсивное развитие транснациональных и транслокальных сетей и географическую передислокацию все большего количества хозяйственных и финансовых операций. Укрепление, а в некоторых случаях и формирование новых глобальных цепочек поставки трудовых ресурсов являются частью глобальной экономической системы и связанного с этим развития различных способов организации и поддержки трансграничных рынков и денежных потоков. Все эти цепочки являются динамичными и обладают рядом особенностей, характерных для каждого конкретного места. Некоторые из этих схем являются частью теневой экономики, однако при этом в целом ряде случаев они пользуются институциональной структурой «белой», то есть официальной экономики. Большинство из этих цепочек является частью формальной экономики и обслуживает ведущие отрасли хозяйственной деятельности по всему миру. Такое смещение предложения и спроса на трудовые ресурсы очень дифференцировано и наблюдается во многих местах.

Все это происходит в период, когда развивающиеся страны вынуждены реализовывать новую политику, которая должна помочь их существованию в условиях глобализации. При этом правительствам таких стран нередко приходилось принимать программы структурной перестройки (ПСР), которые, в числе всего прочего, подразумевали открытие рынков для зарубежных фирм¹ и ликвидацию ряда государственных программ субсидирования наиболее уязвимых или развивающихся отраслей, начиная со здравоохранения и заканчивая строительством дорог². Почти неизбежно это вело к финансовому кризису и последующей реализации программ выхода из него, предлагаемых Международным валютным фондом³. В большинстве стран, будь то Мексика, Таиланд или Кения, такие преобразования создали серьезные издержки для определенных секторов экономики и для большинства населения, не позволив при этом каким-ни-

---

¹ World Bank. Global economic prospects 2005: Trade, regionalism and development. Washington, DC: Author, 2005.

² United Nations Development Programme. A time for bold ambition: Together we can cut poverty in half. New York: Author, 2005.

³ Pyle J. L., & Ward K. Recasting our understanding of gender and work during global restructuring. *International Sociology*. 2003. № 18. P. 461–489; Reinhardt C. M., & Kaminsky G. The twin crisis: The causes of banking and balance of payments problems. *American Economic Review*. 1999. № 89. P. 473–500; см. также: Henderson J. Governing growth and inequality: The continuing relevance of strategic economic planning. In R. Appelbaum & W. Robinson (Eds.). *Towards a critical globalization studies*. New York: Routledge, 2005. P. 227–236.

будь образом значительно снизить сумму государственного долга. Примерами таких дополнительных издержек являются рост безработицы, закрытие большого количества предприятий в традиционных секторах экономики, ориентированных на местный или национальный рынок, производство сельскохозяйственной продукции, предназначенной на экспорт и все в большей мере замещающей собой производство продовольственных товаров, продаваемых на местных или национальных рынках. И все это имеет место на фоне несокращающегося государственного долга, который по-прежнему выплачивает большинство таких стран.

Одним из главных вопросов, рассматриваемых в настоящей главе, является вопрос о том, существуют ли какие-то системные связи между ростом количества женщин среди мигрантов из развивающихся стран (в том числе и нелегальных), с одной стороны, и ростом безработицы и государственной задолженности этих же стран, с другой стороны. Несмотря на то что по каждому из этих процессов накоплен огромный объем данных, исследователи не всегда усматривают связь между ними¹. В частности, можно принять постулат о том, что в бедных странах необходимость поиска альтернативных способов заработка денег, получения прибылей и обеспечения государственных доходов обусловлена наличием следующих условий: (а) сокращением возможностей для занятости мужчин; (б) сокращением возможностей для использования традиционных форм получения прибыли, поскольку международные корпорации начинают играть все большую роль в различных областях экономики этих стран и бедные страны вынуждены под их давлением разви-

---

¹ Alarcon-Gonzalez D., & McKinley T. The adverse effects of structural adjustment on working women in Mexico. *Latin American Perspectives*. 1999. № 26. P. 103–117; Buechler S. Deciphering the local in a global neoliberal age: Three favelas in Sao Paulo, Brazil. In S. Sassen (Ed.). *Deciphering the global: Its scales, spaces, and subjects*. New York: Routledge, 2007. P. 95–112; Cagatay N., & Ozler S. Feminization of the labor force: The effects of long-term development and structural adjustment. *World Development*. 1995. № 23. P. 1883–1894; Central Intelligence Agency. *International trafficking in women to the United States: A contemporary manifestation of slavery and organized crime* (Prepared by Amy O'Neill Richard). 2000. Retrieved August 26, 2008, from <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/trafficking.pdf>; Datz G. Global-national interactions and sovereign debt-restructuring outcomes. In S. Sassen (Ed.). *Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects*. New York: Routledge, 2007. P. 321–350; Ehrenreich B., & Hochschild A. *Global woman...*; International Migration Office. *Trafficking in migrants*. Geneva: Author, 2006; Kirsch M. (Ed.). *Inclusion and exclusion in the global arena*. New York: Routledge, 2006; Pyle J. L., & Ward K. *Recasting our understanding of gender...*; Ward K. *Women workers and global restructuring*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1991.

вать экспортные отрасли своего хозяйства; а также (в) сокращением государственных доходов, что частично связано с существованием первых двух условий и наличием тяжелого бремени необходимости погашения внешнего долга.

Хотя доказательства любого из этих условий являются неполными и частичными, тем не менее все большее количество экспертов приходит к мысли об их важности для разработки альтернативных стратегий выживания населения, предприятий и правительств беднейших стран. В своих размышлениях я пойду еще дальше и намерена утверждать, что каждое из этих трех условий вносит свой вклад в появление альтернативной политической экономики, той, которая частично возникла в результате вмешательства глобального Севера в жизнь бедных стран. При этом в настоящее время страны глобального Севера испытывают столь же сильное обратное воздействие со стороны Юга, но через другие механизмы (в частности, рост количества женщин среди мигрантов). Женщины из развивающихся стран или стран, испытывающих экономические трудности, начинают играть все более важную роль в развитии альтернативной политической экономики, даже если это часто не выражено явно. Ранее именно отсутствие таких видимых признаков всегда приводило к трудностям в понимании роли женщин в развитии экономики, что во многом характерно для сегодняшнего дня (критический анализ этой проблемы можно найти в целом ряде исследований¹). В следующей части главы я еще раз вернусь к данному вопросу. Во многих отношениях все три перечисленные выше условия вовсе не являются новыми. Просто в наши дни их отличает быстрая интернационализация и значительная институционализация.

На другом конце политико-экономического спектра находятся основные изменения в организации экономической деятельности, наблюдаемые с 1980 года и приведшие к значительному росту количества низкооплачиваемых работников в современных наиболее развитых стратегических экономических центрах как в странах глобального Севера, так и глобального Юга. В свою очередь такие тенденции способствовали росту общей экономической нестабильности и возникновению новых форм бедности среди работающего

---

¹ Bose C. E., & Acosta-Belen E. (Eds.). *Women in the Latin American development process*. Philadelphia: Temple University Press, 1995; Boserup E. *Woman's role in economic development*. New York: St. Martin's, 1970; Chant S., & Kraske N. *Gender in Latin America*. Rutgers, NJ: Rutgers University Press, 2002; Deere C. D. *Rural women's subsistence production in the capitalist periphery*. *Review of Radical Political Economy*. 1976. № 8. P. 9–17; Elson D. *Male bias in development* (2nd ed.). Manchester, UK: Manchester University Press, 1995; Pyle J. L., & Ward K. *Recasting our understanding of gender...*

населения, даже при условии полной занятости¹. Это достаточно широкая тема, которая помимо прочего требует учитывать тот факт, что подобные стратегические экономические центры начинают появляться и в странах глобального Юга, пусть и не в самых бедных из них. Вопросы расизма, колониализма и сопротивления являются актуальными для возникающих на рынке труда новых конфигураций в странах Юга и Севера².

В стратегических экономических центрах наблюдаются, по крайней мере, три процесса, в результате которых возникают новые формы неравенства. Пусть эти процессы не обязательно являются взаимоисключающими, аналитически их все же стоит разграничить. Следует выделить: (а) растущее неравенство в возможности получения прибылей в разных секторах экономики, а следовательно, и в доходах различных категорий работников и населения в целом; (б) социально-экономические тенденции поляризации, возникающие в результате организации обслуживающей промышленности

---

¹ Более подробную информацию по этому вопросу можно найти в следующих работах: Fernández-Kelly M. P., & Shefner J. *Out of the shadows*. College Station, PA: Penn State University Press, 2005; Hagedorn J. (Ed.). *Gangs in the global city: Exploring alternatives to traditional criminology*. Chicago: University of Illinois at Chicago, 2006; Kirsch M. (Ed.). *Inclusion and exclusion...*; Kofman E., Phizacklea A., Raghuram P., & Sales R. *Gender and international migration in Europe: Employment, welfare, and politics*. New York: Routledge, 2000; Munger F. (Ed.). *Laboring under the line: The new ethnography of poverty, low-wage work, and survival in the global economy*. New York: Russell Sage, 2002; Ribas-Mateos N. *The Mediterranean in the age of globalization: Migration, welfare, & borders*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 2005; Rouleau-Berger L. (Ed.). *Youth and work in the postindustrial cities of North America and Europe*. Leiden, the Netherlands: Brill, 2003; Susser I. *Losing ground: Advancing capitalism and the relocation of working class communities*. In D. Nugent (Ed.). *Locating capitalism in time and space: Global restructurings, politics, and identity*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2002. P. 247–290; Taylor-Gooby P. *Open markets and welfare values: Welfare values, inequality, and social change in the silver age of the welfare state*. European Societies. 2004. № 6. P. 29–48; Wilson W. J. *When work disappears*. New York: Knopf, 1997.

² Bada X., Fox J., & Selee A. *Invisible no more: Mexican migrant civic participation in the United States*. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2006; Bonilla-Silva E. *Racism without racists: Color-blind racism and the persistence of racial inequality in the United States*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003; Chase-Dunn C., & Gills B. *Waves of globalization and resistance in the capitalist world system: Social movements and critical global studies*. In R. Appelbaum & W. Robinson (Eds.). *Towards a critical globalization studies*. New York: Routledge, 2005. P. 45–54; *Inmigración, Estado y Ciudadanía [Immigration, the state, and citizenship; Special issue]*. *Revista Internacional de Filosofía*. 2006, July 27; Mamdani M. *Citizen and subject: Contemporary Africa and the legacy of late colonialism*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996; Pearce N. *Diversity versus solidarity: A new progressive dilemma?* *Renewal*, 2004. 12(3). Retrieved August 26, 2008, from <http://www.ippr.org/articles/index.asp?id=464>; Sennett R. *Respect in an age of inequality*. New York: Norton, 2003.

и оформления трудовых отношений на основе срочных договоров; (с) возникновение городского маргинального слоя, появившегося скорее в результате новых структурных преобразований, характеризующих экономический рост, чем в результате процессов, ведущих к упадку и заброшенности.

Описанное мной – всего лишь общие концептуальные очертания. Имеющихся данных недостаточно для того, чтобы полностью подтвердить выдвинутые мной аргументы. Однако существуют отдельные базы данных, документально подтверждающие ряд моих предположений. Кроме того, можно сопоставить различные наборы данных, в том числе собранные независимыми исследователями, чтобы удостовериться в существовании некоторых из представленных здесь взаимосвязей.

Стратегическая значимость гендерного фактора в глобальном разделении труда

Существует достаточно прочная традиция исследований и теоретических разработок, объясняющих роль женщины в международных экономических процессах. На раннем этапе научных исследований основная роль в международном экономическом развитии отводилась почти исключительно мужчинам. В более поздний период, когда дело доходило до рассмотрения проблем гендерных различий, исследователи нередко (и возможно, не совсем осознанно) оставались нейтральными в вопросе гендера. В новейшей истории исследований интернационализации мировой экономики можно выделить по крайней мере два этапа в изучении гендерных аспектов – всех тех процессов, которые характерны и для наших дней.

Первый этап принято характеризовать общим процессом формирования рынка сельскохозяйственной продукции, предназначенной на экспорт, и новой системы наемного труда, который осуществлялся в основном за счет внедрения иностранных фирм на внутренний рынок страны. Основным аналитическим параметром, предложенным феминистскими исследователями, стала частичная зависимость товарного сельскохозяйственного производства от женского «субсидирования» оплаты труда мужчин путем бесплатной работы на дому и ведения натурального хозяйства. Боузрап, Дир и многие другие подготовили большое количество исследований, раскрывающих различные стороны этого процесса¹. Было показано, что, будучи несвязанными между

---

¹ Boserup E. Woman's role in economic development. New York: St. Martin's, 1970; Deere C. D. Rural women's subsistence production...; Smith J., & Wallerstein I. (Eds.). Creating and transforming households: The constraints of the world-economy. Cambridge, UK, and Paris: Cambridge University Press and Maison des Sciences de l'Homme, 1992.

собой, сектор натурального хозяйства и сектор современных капиталистических предприятий тем не менее соотносятся друг с другом благодаря гендерной динамике; однако такая гендерная динамика в свою очередь сама вуалировала эти взаимосвязи. Именно «невидимая» работа женщины по дому, когда она в собственном хозяйстве производила продукты питания и другие предметы первой необходимости, давала возможность нанимателям платить мужчинам чрезвычайно низкую заработную плату на рудниках и плантациях, производящих продукцию, предназначенную для экспорта. Таким образом, женщины, занятые в натуральном хозяйстве, вносили свой вклад в финансирование «модернизированных» секторов экономики при условии, что их труд по большей части оставался неоплачиваемым. Такое положение абсолютно не совпадало с широко принятым постулатом, используемым в литературе по экономическому развитию, согласно которому сектор натурального хозяйства выступал индикатором отсталости и «воронки для оттока средств» из модернизированного сектора. В стандартном экономическом анализе этот аспект даже не учитывается.

Второй этап определялся исследованиями процесса интернационализации производства, начавшейся в 1970-х годах, а также связанной с этим феминизации пролетариата в развивающихся странах¹. Ключевой составляющей этих исследований являлось наблюдение того, что под давлением нахлынувшего потока недорогих импортных товаров производственные предприятия, существовавшие в развитых странах, стали постепенно переводиться в бедные страны, где к работе на них привлекались в основном женщины, которые до этой поры чаще всего оставались за пределами промышленного производства. В связи с этим предметом анализа становились вопросы, связанные с национальными особенностями. В частности, почему в некоторых отраслях промышленности (например, производство одежды и монтаж электронных приборов) заняты преимущественно женщины, независимо от уровня развития той или иной страны². С точки зрения

---

¹ Fernández-Kelly M. P. *For we are sold, I and my people*. Albany: State University of New York Press, 1982; Morokvasic M. *Birds of passage are also women...* *International Migration Review*. 1984. № 18. P. 886–907; Nash J., & Fernández-Kelly M. P. *Women, men, and the international division of labor*. Albany: State University of New York Press, 1983; Potts L. *The world labor market: A history of migration*. London: Zed, 1990; Sassen S. *The mobility of labor and capital...*; Tinker I. (Ed.). *Persistent inequalities: Women and world development*. New York: Oxford University Press, 1990; Ward K. *Women workers and global restructuring...*

² Beneria L., & Feldman S. (Eds.). *Unequal burden: Economic crises, persistent poverty, and women's work*. Boulder, CO: Westview, 1992; Milkman R. *Gender at work: The dynamics of job segregation by sex during World War II*. Urbana: University of Illinois Press, 1987; Silver B. J. *Forces of labor: Workers' movements and globalization since 1870*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003.

мировой экономики формирование феминизированного пролетариата в офшорных зонах помогло компаниям развитых стран ослабить набравшее мощь профсоюзное движение и сохранить конкурентные цены на реимпортируемые товары, сборка которых производилась в офшорах.

Таким образом, в ранних исследованиях речь шла о стратегически значимых зонах, в которых в зависимости от различных компонентов экономики международное разделение труда можно было изучать с феминистской точки зрения. Так, при исследовании экономик, ориентированных на экспорт сельскохозяйственной продукции, стратегически важным звеном следует считать взаимосвязь между натуральным хозяйством и капиталистическим предприятием, так как в этом случае первое фактически субсидирует и частично обеспечивает возможность функционирования второго. В ходе изучения процесса интернационализации промышленного производства необходимо внимательно рассмотреть вопрос о взаимосвязи между происходящим в развитых странах значительным сокращением класса «рабочей аристократии», состоявшем главным образом из мужчин, трудившихся в основных отраслях производства и получавших значительную долю доходов, и формированием в слаборазвитых странах нового класса низкооплачиваемого пролетариата, состоящего в основном из женщин, готовых работать как на новых, так и на старых производствах. Феминизация этого нового пролетариата и его развитие в офшорах не дают ему возможности стать новой влиятельной силой в процессе производства, в частности, в форме профсоюзного движения, а значит, не позволяет окрепнуть уже сложившемуся и объединенному в профсоюзы рабочему классу, состоящему в основном из мужчин. Применение гендерного подхода к рассмотрению экономических процессов выявляет эти взаимосвязи, показывает наличие в них очевидной гендерной составляющей и как части реальности, и как аналитической категории.

Но что же представляют собой зоны и места, в которых гендерный фактор является стратегически значимым для ключевых процессов глобализации сегодня? Частично (по крайней мере это всегда было обусловлено исторически) гендерная составляющая по-прежнему остается критически важной переменной, поскольку развитие экспортоориентированного сельского хозяйства и вывод предприятий из богатых стран в офшорные зоны, то есть в страны с более дешевой рабочей силой, продолжаются и в наши дни, хотя при этом часто подразумевается новое содержание этих процессов и охват новых

экономических регионов. Примером такого подхода является, в частности, Китай, где с 1990 года наблюдаются быстрое распространение аутсорсинговой деятельности и масштабное расширение промышленных офшорных территорий. Во многих отношениях (хотя и не во всех) эти события были предсказаны в теоретических выкладках на раннем этапе исследований.

Однако последовательность и непрерывность процессов, пусть и с различным содержанием и более широким охватом отраслей экономики и географических регионов, являются лишь половиной дела.

Стратегическая значимость гендерного фактора в современной глобальной экономике

На каждом этапе истории международного разделения труда возникают особые формы стратегической гендерной дифференциации. В настоящее время мы наблюдаем ее глобальную форму. Сегодня можно выделить целый ряд источников, которые составляют третий этап феминистских исследований экономического развития, хотя во многих случаях их авторы оперируют категориями и выводами, полученными в ходе исследований предыдущих периодов.

В одном из направлений исследований, раскрывающих специфику нынешнего глобального этапа, основное внимание уделяется трансформациям женской субъективности и изменениям в понимании женщиной своего места в обществе. Как и раньше, в современных трудах проблемы экономической глобализации рассматриваются с гендерно нейтральных позиций. И такой подход, как правило, продолжает оставаться востребованным, словно бы вопросы субъективности тем или иным образом не являлись предметом рассмотрения при анализе состава рабочей силы. Наряду с другими публикациями целый выпуск журнала *Indiana Journal of Global Legal Studies* был посвящен вопросам глобализации и феминизма¹. В нем рассматривалась проблема воздействия экономической глобализации на частичное размывание суверенитета и влияния этого процесса на актуализацию феминистской политической повестки в разных странах. Авторами журнала обсуждался вопрос о месте женщин и феминистского сознания в новой азиатской модели построения передового капитализма, а также идея необходимости защиты основных прав человека на глобальном уровне, которая позволила бы самим женщинам понять и изменить свое положение в различ-

---

¹ См.: *Feminism and globalization: The impact of the global economy on women and feminist theory* [Special issue]. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1996. 4(1).

ных обществах¹. Среди наиболее значительных и актуальных публикаций, имеющих отношение к вопросам, поднимаемым в данной главе, стоит отметить работы, посвященные изучению проблем женщин-иммигранток, и в том числе исследованию вопроса о том, как международная миграция меняет существующие гендерные стереотипы, а также как формирование транснациональных семей может повысить статус женщины² [1].

Более конкретным является вопрос о стратегической значимости гендерной дифференциации в ведущих секторах глобальной экономики. Работ, посвященных исследованиям конкретных примеров значимости гендерного фактора в развитии таких секторов, по-прежнему мало³. Трансграничные схемы, рассматриваемые в данной статье, представляют собой случаи, когда роль женщин, особенно женщин-иммигранток, имеет решающее значение для формирования

---

¹ Более подробно эти вопросы рассматриваются в следующих работах: Barlow A. L. *Between fear and hope: Globalization and race in the United States*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2003; Consalvo M., & Paasonen S. (Eds.). *Women and everyday uses of the Internet: Agency and identity*. New York: Peter Lang, 2002; Kothari U. *A radical history of development studies: Individuals, institutions and ideologies*. London: Zed, 2006; Lucas L. (Ed.). *Unpacking globalisation: Markets, gender and work*. Kampala, Uganda: Makerere University Press, 2005; Moghadam V. M. *Globalizing women: Transnational feminist networks*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2005; Naoki Sakai N., de Bary B., & Iyotani, T. (Eds.). *Deconstructing nationality*. Ithaca, NY: Cornell University East Asia Program, 2005; Nash J. *Social movements: An anthropological reader*. Cambridge, MA: Blackwell, 2005; Ong A. *Flexible citizenship: The cultural logics of transnationality*. Durham, NC: Duke University Press, 1999.

² Chaney E., & Castro M. G. (Eds.). *Muchachas no more: Household workers in Latin America and the Caribbean*. Philadelphia: Temple University Press, 1988; Grasmuck S., & Pessar P. R. *Between two islands: Dominican international migration*. Berkeley: University of California Press, 1991; Hondagneu-Sotelo P. *Gendered transitions: Mexican experiences of immigration*. Berkeley: University of California Press, 1994; Hondagneu-Sotelo P. (Ed.). *Gender and U. S. immigration: Contemporary trends*. Los Angeles: University of California Press, 2003; Parreñas R. S. (Ed.). *Servants of globalization...*; Pessar P. R., & Mahler S. J. *Transnational migration: Bringing gender in*. *International Migration Review*. 2003. № 37. P. 812–846; Ribas-Mateos N. *The Mediterranean in the age of globalization...*; Tait V. *Poor workers' unions: Rebuilding labor from below*. Boston: South End, 2005.

³ См.: Bose C. E., & Acosta-Belen E. (Eds.). *Women in the Latin American...*; Cagatay N., & Ozler S. *Feminization of the labor force...*; Chant S., & Kraske N. *Gender in Latin America...*; Ehrenreich B., & Hochschild A. *Global woman...*; Parreñas R. S. (Ed.). *Servants of globalization...*; Pyle J. L., & Ward K. *Recasting our understanding of gender...*; Salzinger L. *Genders in production: Making workers in Mexico's global factories*. Berkeley: University of California Press, 2003; Sassen S. *Toward a feminist analytics of the global economy*. *Indiana Journal of Global Legal Studies*. 1996. № 4. P. 7–41; Ward K. *Women workers and global restructuring...*; Zolniski C. *Janitors, street vendors, and activists: The lives of Mexican immigrants in Silicon Valley*. Berkeley: University of California Press, 2006.

новых экономических механизмов, в частности, отдельных компонентов хозяйственной деятельности глобальных городов или альтернативных политических экономик, которые были описаны в предыдущей части статьи.

Рост значимости гендерного фактора в глобальном городе происходит как в сфере производства, так и в сфере общественного воспроизводства¹. Ключевой переменной в данном случае является то, что эти города представляют собой важнейшие инфраструктурные центры, предназначенные для специализированного обслуживания, финансирования и управления глобальными экономическими процессами. А это означает, что все ключевые компоненты такой инфраструктуры должны работать как часы.

Одним из таких компонентов является квалифицированная рабочая сила. Гендерный фактор приобретает стратегическую значимость в процессе реализации одной из определяющих функций международных компаний: культурного посредничества. Женщины, имеющие специальное профессиональное образование, становятся незаменимыми работниками в этой сфере, поскольку, как принято считать, именно они умеют отлично выстраивать доверительные отношения, обходя острые грани культурных различий². Глобализация деятельности фирм или операций на рынке влечет за собой появление новых сфер предпринимательской деятельности (новой специализации, новой страны, нового круга потребителей). При этом культурное посредничество часто имеет решающее значение, особенно учитывая недоверие и сопротивление, которые необходимо преодолевать в процессе глобализации экономики.

Кроме того, в глобальном городе гендерный фактор становится стратегически значимым в ходе реализации процесса социального воспроизводства высококвалифицированных трудовых ресурсов. Для этого есть две причины. Одной из них является растущий спрос на женщин-специалистов, а другой – очевидное стремление высококлассных специалистов (как мужчин, так и женщин) жить в городе, так как следует учитывать длительность времени, проводимого ими

---

¹ Sassen S. *The global city: New York, London, Tokyo* (2nd ed.). Princeton, NJ: Princeton University Press, 2001.

² Чтобы понять, как эта проблема видится с позиции квалифицированных иностранных специалистов, экспатриантов, см., напр.: Fisher M. *Wall Street women: Navigating gendered networks in the new economy*. In M. Fisher & G. Downey (Eds.). *Frontiers of capital: Ethnographic reflections on the new economy*. Durham, NC: Duke University Press, 2006. P. 209–236; Hindman H. *Outsourcing difference: Expatriate training and the disciplining of culture*. In S. Sassen (Ed.), *Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects*. New York: Routledge, 2007. P. 153–176.

на работе, а также предъявляемые к ним по службе повышенные требования. Результатом этого является распространение в городах такого феномена, который я обычно обозначаю как «домохозяйство специалистов без “жены”». Основное значение здесь имеет то, что фактор отсутствующей «жены» обеспечивает функционирование такого домохозяйства именно тогда, когда ему необходимо работать «как часы», точно так же, как и инфраструктуре глобальных городов, которые выступают важнейшими звеньями в системе функционирования глобализированных секторов экономики. Я действительно полагаю, что роль таких домохозяйств должна быть переосмыслена и их следует рассматривать в качестве составной части инфраструктуры экономической системы общества, а низкооплачиваемых домашних работников – в качестве основной рабочей силы, поддерживающей эту инфраструктуру.

Такой подход позволяет выделить семьи специалистов в самостоятельный тип, разграничив его как с классической моделью патриархальной семьи, так и с новой моделью «обслуживающих классов». В последнее время был проведен целый ряд исследований, показывающих, что во всех глобальных городах мира наблюдается возвращение так называемых обслуживающих классов, которые в основном состоят из иммигрантов и женщин-переселенок¹. Требования, предъявляемые к работникам высшего звена в глобальных городах, таковы, что для них традиционные способы организации домашнего быта и обычный образ жизни оказываются абсолютно неприемлемыми.

Большинство исследований, посвященных этому вопросу, было сосредоточено на описании плохих условий труда, эксплуатации, уязвимости и незащищенности представителей обслуживающих классов. И это действительно факты, не требующие доказательств. Однако в аналитическом плане важно подчеркнуть стратегическую значимость функционирования системы бытовых условий жизни специалистов и их домашних хозяйств в глобальных городах и, соответственно, важность этого нового типа обслуживающего класса для развития ведущих секторов экономики. По целому ряду причин, неоднократно описанных в научной литературе², иммигранты и женщины, принадлежащие к национальным меньшинствам, явля-

---

¹ См., напр.: Chang G. Undocumented Latinas: The new “employable mothers”. In M. Anderson & P. H. Collins (Eds.), *Race, class, and gender*. Belmont, CA: Wadsworth. Chant, S., & Kraske, N. (2002). *Gender in Latin America*. Rutgers, NJ: Rutgers University Press, 1998. P. 311–319; Parreñas R. S. (Ed.). *Servants of globalization...; Ribas-Mateos N. The Mediterranean in the age of globalization...; Ehrenreich B., & Hochschild A. Global woman...*

² См., напр.: Sassen S. *The global city...*

ются предпочтительным источником рабочей силы такого рода. Они работают в условиях, которые делают значимость их роли в жизни общества невидимой. Поскольку они являются иммигрантами или гражданами, принадлежащими к национальным меньшинствам, то это способствует разрушению связи между принадлежностью к классу работников, выполняющих важные функции в глобальной экономике (то есть в ее ведущих отраслях), и возможностью стать мотивированным и обладающим всеми юридическими правами специалистом, как это было на протяжении всей истории существования промышленно развитых стран. В этом смысле категория *женщин-иммигранток* становится системным эквивалентом офшорного пролетариата.

Программы МВФ и потребность в альтернативных схемах выживания

Вторым аспектом проблемы, рассматриваемым в настоящей статье, является альтернативная политическая экономика, которая выступает результатом переплетения глобальных тенденций, наиболее ярко проявляющихся в экономически слаборазвитых странах. Одной из этих тенденций является формирование альтернативных схем выживания отдельных людей, компаний и правительств. Хотя многие из этих схем, как правило, не имеют ничего общего с мировой экономикой, я утверждаю, что они в какой-то степени представляют собой локализацию глобальной экономики на местном уровне, что в своей совокупности и составляет альтернативную политическую экономику. В следующей части главы будут представлены первые выявленные эмпирическим путем параметры некоторых из этих локализаций. Однако поскольку данные являются не совсем полными, то и описание будет носить лишь частичный характер. Вместе с тем оно поможет проиллюстрировать некоторые из ключевых особенностей развития.

Начиная с 1980-х годов наличие государственного долга и необходимость его обслуживания стали системным признаком, характерным для развивающихся стран. Это также является системной особенностью, приводящей к формированию новых глобальных цепочек, которые интересуют меня в данном случае. Эффект, который необходимость выживания оказывает на женщин и на весь процесс феминизации, определяется особенностями этого долга, а не самим долгом как таковым. Среди этих особенностей можно отметить сокращение некоторых программ государственной поддержки, а также то, что общая ситуация, вызванная ростом безработицы среди мужчин, несколько смягчается наличием и ведением натурального

хозяйства. Именно в этой логике я и рассматриваю специфику обслуживания государственного долга в различных развивающихся странах.

Множество исследований, проведенных в развивающихся странах, подтверждает наличие прямой связи между огромными долгами правительств этих государств и сокращением социальных программ поддержки женщин и детей, в частности, в области образования и здравоохранения, которые фактически являются инвестициями, необходимыми для обеспечения лучшего будущего своей страны¹. В настоящее время имеется большое количество трудов, изданных на разных языках, а также много других материалов ограниченного доступа, добытых активистами и благотворительными организациями. В ранних исследованиях, посвященных зависимости положения женщин от национального долга в период осуществления начатой в 1980-х годах в ряде развивающихся стран программы структурной перестройки, показано, что с ростом государственного долга несоразмерно возрастает и бремя, налагаемое на женщин² [2]. Безработица среди самих женщин, а также среди мужчин в их семьях усилила давление на женщин в смысле необходимости поиска новых способов выживания³. Производство собственных продуктов питания, нефор-

---

¹ См. более подробную информацию: United Nations Development Programme. A time for bold ambition: Together we can cut poverty in half. New York: Author, 2005; United Nations Development Programme. Human development report 2007–2008. New York: Author, 2008; World Bank. Increasing aid and its effectiveness. In Global monitoring report: Millennium development goals: From consensus to momentum. 2005. Washington, DC: Author. Retrieved July 26, 2008, from http://siteresources.worldbank.org/INTGLOBALMONITORING/Resources/ch5_GMR2005.pdf. P. 151–187; World Bank. Global economic prospects: Economic implications of remittances and migration. Washington, DC: Author, 2006.

² Beneria L., & Feldman S. (Eds.). Unequal burden...; Bose C. E., & Acosta-Belen E. (Eds.). Women in the Latin American...; Bradshaw Y., Noonan R., Gash L., & Buchmann C. Borrowing against the future: Children and Third World indebtedness. Social Forces. 1993. № 71. P. 629–656; Moser C. The impact of recession and structural adjustment policies at the micro-level: Low income women and their households in Guayaquil, Ecuador. Invisible adjustment: Poor women and the economic crisis. Santiago: UNICEF, Americas and Caribbean Office. 1989; Tinker I. (Ed.). Persistent inequalities...; Ward K. Women workers and global restructuring...; Ward K., & Pyle J. Gender, industrialization and development. In C. E. Bose & E. Acosta-Belen (Eds.), Women in the Latin American development process: From structural subordination to empowerment. Philadelphia: Temple University Press, 1995. P. 37–64.

³ Buechler S. Deciphering the local...; Chossudovsky M. The globalization of poverty. London: Zed/TWN, 1997; Elson D. Male bias in development...; Lucas L. (Ed.). Unpacking globalisation: Markets, gender and work. Kampala, Uganda: Makerere University Press, 2005; Rahman A. Micro-credit initiatives for equitable and sustainable development: Who pays? World Development. 1999. № 27. P. 67–82; Standing G. Global feminization through flexible labor: A theme revisited. World Development. 1999. № 27. P. 583–602.

мальная занятость, эмиграция и проституция стали доступными вариантами выживания самих женщин, а во многих случаях и их семей¹.

Большой государственный долг и высокий уровень безработицы привели к необходимости поиска альтернативных способов выживания не только отдельными людьми, но также правительствами и крупными предприятиями. Сокращение объемов легального экономического сектора во все возрастающем количестве бедных стран привело к распространению нелегальных способов извлечения прибыли на предприятиях и в организациях. Таким образом, можно сказать, что навязанные этим странам программы структурной перестройки экономики создали предпосылки для возникновения огромной задолженности, необходимость возврата которой в свою очередь привела к появлению различных способов выживания, получения прибылей и повышения государственных доходов на транснациональном уровне [3]. Кроме того, экономическая глобализация предполагает наличие определенной институциональной инфраструктуры, предназначенной для содействия развитию различных трансграничных потоков и мировых рынков, тем самым благоприятствуя появлению возможностей для развития межнациональных связей в глобальном масштабе. Как только в условиях глобализации возникает соответствующая институциональная инфраструктура, процессы, которые ранее протекали на национальном или региональном уровне, могут перейти на глобальный уровень, даже если в этом нет необходимости. Это контрастирует с процессами, которые по своей природе являются глобальными, например, с функционированием сети финансовых центров, лежащих в основе формирования глобального рынка капитала.

Еще до экономического кризиса середины 1990-х годов долг бедных стран глобального Юга вырос с 507 млрд долл. США в 1980 до 1,4 трлн в 1992 году. Одни только платежи по обслуживанию долга увеличились до 1,6 трлн долл., что гораздо больше фактической задолженности. По некоторым оценкам, с 1982 по 1998 год страны-должники заплатили сумму, в четыре раза превышающую первоначальную сумму долга, и в то же самое время их долговые обязательства

---

¹ Alarcon-Gonzalez D., & McKinley T. The adverse effects of structural adjustment on working women in Mexico. *Latin American Perspectives*, 1999. № 26. P. 103–117; Buchmann C. The debt crisis, structural adjustment and women's education. *International Journal of Comparative Studies*. 1996. № 37. P. 5–30; Cagatay N., & Ozler S. Feminization of the labor force...; Jones E. The gendered toll of global debt crisis. *Sojourner*. 1999. № 25. P. 20–38; Lucas L. (Ed.). *Unpacking globalization...*; Pyle J. L., & Ward K. *Recasting our understanding of gender...*; Safa H. *The myth of the male breadwinner: Women and industrialization in the Caribbean*. Boulder, CO: Westview, 1995.

выросли в четыре раза¹. На обслуживание долга страны-заемщики вынуждены тратить значительную долю своих общих доходов. Из 41 беднейшей страны с высоким уровнем задолженности (БСБЗ) 33 заплатили северным странам по 3 долл. в качестве обслуживания долга за каждый доллар, выданный ранее в целях помощи их экономическому развитию. В течение последних лет многие из этих стран выплачивают от 20 до 25 % экспортных поступлений в качестве процентов по задолженности² (см. табл. 1). В 2005 году, перед списанием долгов в начале 2006 года, в большинстве этих стран уровень обслуживания задолженности составлял значительную долю валового внутреннего продукта (ВВП). И хотя к концу 2006 года уровень обслуживания долга снизился, он по-прежнему был значительно выше, чем чистый приток прямых иностранных инвестиций (см. табл. 1).

Долговое бремя значительно возросло в 1980-х и особенно в 1990-х годах, что неизбежно сказалось на составе государственных расходов. Это хорошо видно на примере Замбии, Ганы и Уганды, трех стран, которые с точки зрения наднациональных органов регулирования мировой экономики (в частности, Всемирного банка и МВФ) считаются ответственными, действующими согласованно и которые, по мнению этих же органов, успешно реализуют программу структурной перестройки своей экономики. Однако даже несколько примеров рисуют гораздо более тревожную картину существующего здесь уровня расходов. В конце 1990-х годов, в разгар осуществления этих программ, правительство Замбии выплатило 1,3 млрд долл. в качестве возмещения долга, в то время как только 37 млн долл. было потрачено на поддержку начального образования. Социальные расходы Ганы составили 75 млн долл., из которых 20 % ушло на обслуживание долга. В Уганде 9 долл. на душу населения было потрачено на возмещение кредитов и лишь 1 долл. на здравоохранение³. Только в 1994 году эти три страны перечислили 2,7 млрд долл. в банки стран Севера. В 1998 году платежи Африки достигли 5 млрд долл. в год, это означает, что за каждый доллар помощи африканские страны заплатили по 1,40 долл. в качестве обслуживания долга. Во многих БСБЗ отношение коэффициентов обслуживания долга к ВВП уже давно превысило все допустимые пределы. Большая часть этих коэффициентов намного превышает те, которые считались неподъемными в Латинской

---

¹ Toussaint E. Poor countries pay more under debt reconstruction scheme? Retrieved July 26, 2008, from www.twinside.org.sg/souths/twn/title/1921-cn.htm. 1999, July.

² Ambrogi T. Jubilee 2000 and the campaign for debt cancellation. National Catholic Reporter. Retrieved August 11, 2008, from <http://www.twinside.org.sg/title/thomas-cn.htm> 1999, July.

³ Ismi A. Plunder with a human face. Z Magazine. Retrieved July 26, 2008, from http://www.thirdworldtraveler.com/IMF_WB/PlunderHumanFace.html 1998, February.

Америке во время долгового кризиса 1980-х годов¹. Отношение долга к ВВП было особенно высоким в Африке, где в конце 1990-х годов оно составляло 123 % по сравнению с 42 % в Латинской Америке и 28 % в Азии. Как правило, МВФ заставляет БСБЗ использовать от 20 до 25 % экспортных поступлений в качестве выплат по обслуживанию кредитов. Сравните эти цифры с тем, как в 1953 году страны-союзники списали 80 % военного долга Германии и потребовали выплаты всего лишь 3–5 % экспортных доходов на обслуживание долга. В 1990-х годах многим странам Центральной Европы были также предложены относительно благоприятные условия кредитования.

К 2003 году (см. табл. 1) суммы, потраченные на обслуживание долга и составлявшие часть доходов от экспорта (но не всех доходов государства), колебались от чрезвычайно высоких уровней в Замбии (29,6 %) и Мавритании (27,7 %) до значительно более низких по сравнению с 1990-ми годами в Уганде (19,8 % в 1995 году и 7,1 % в 2003 году) и Мозамбике (34,5 % в 1995 и 6,9 % в 2003 году).

Описанные здесь особенности текущей ситуации показывают, что многие из этих стран не смогут выйти из долгового кризиса с помощью программ структурной перестройки. Политика управления долговыми обязательствами, проводимая МВФ с начала 1980-х годов, лишь ухудшила ситуацию, в которой находятся безработные и бедные граждане этих стран². Финансовый кризис 1997 года в богатых и динамично развивающихся странах Юго-Восточной Азии показывает, что кредиты, предлагаемые и даже навязываемые частными кредиторами, могут привести к образованию неуправляемого уровня долга даже в богатых и быстро развивающихся странах, что в свою очередь вызовет массовое банкротство предприятий и отраслей и увольнение рабочих. Даже такая мощная экономика, как Южная Корея, оказалась вынужденной начать программу структурной перестройки с сопутствующим ей ростом безработицы и обнищанием населения вследствие банкротства и закрытия малых и средних предприятий, обслуживавших как национальные, так и экспортные рынки³.

---

¹ OXFAM. International submission to the HIPC debt review. Retrieved August 26, 2008, from http://www.oxfam.org.uk/resources/policy/debt_aid/downloads/oi_hipc.rtf 1999, April.

² Ambrogi T. Jubilee 2000 and the campaign for debt cancellation...; Ismi A. Plunder with a human face...; OXFAM. International submission to the HIPC debt review...; United Nations Development Programme. A time for bold ambition...; United Nations Development Programme. Human development report...; Ward K., & Pyle J. Gender, industrialization and development...

³ Olds K., Dicken P., Kelly P. F., Kong L., & Yeung H. W. (Eds.). Globalization and the Asian Pacific: Contested territories. New York: Routledge, 1999.

**Беднейшие страны с высоким уровнем задолженности:
экспорт, иностранные инвестиции и обслуживание долга по отношению
к валовому внутреннему продукту, 1995–2006 гг.**

Год Страна	Экспорт товаров и услуг (% от ВВП)				Прямые иностраные инвестиции (% от ВВП)			Обслуживание долга (% от ВВП)			
	1995	2003– 2004	2005	2006	1995	2003	2006 ^a	1995	2003	2005	2006
1. Бенин	20,2	13,7	13	*	0,4	1,4	0,5	6,8	6,9	7,4	на
2. Боливия	*	*	36	42	*	*	-3,0	*	*	14,3	8,5
3. Буркина Фасо	12,4	8,6	10	11	0,4	0,3	0,4	12,2 ^b	11,2	на	на
4. Эфиопия	13,6	16,9	16	16	0,2	0,9	2,4	18,4	6,8	4,1	6,8
5. Гана	*	*	36	39	*	*	1,0	*	*	7	4,9
6. Гайана	*	*	*	*	9,8	*	*	88	на		
7. Гондурас	*	*	88	на	*	*	5,6	*	*	3,8	3,4
8. Мадагаскар	24,1	28,4	27	30	0,3	0,2	0,6	14,9 ^c	6,1	5,7	на
9. Мали	21,2	26,4	27	30	4,5	3,0	3,0	13,4	5,8	5,7	на
10. Мавритания	49,1	40,2	36	55	0,7	18,1	6,2	22,9	27,7 ^d	на	на
11. Мозамбик	15,2	22,8	33	41	1,9	7,8	1,6	34,5	6,9	3,8	1,9
12. Никарагуа	*	*	29	31	*	*	4,9	*	*	6,7	4,1
13. Нигер	17,2	15,5	15	на	0,4	1,1	0,4	16,7	на	5,9	на
14. Руанда	5,2	8,6	11	12	0,2	0,3	0,4	20,4	14,6	8,1	9,6
15. Сенегал	34,5	27,8	27	26	0,7	1,2	0,7	16,8	8,7	на	на
16. Танзания	*	*	24	24	*	*	3,9	*	*	4,3	3,4
17. Уганда	на	на	13	15	2,1	3,1	2,9	19,8	7,1	9,3	4,8
18. Замбия	36,0	20,9	34	38	2,8	2,3	3,6	47,0 ^e	29,6	10,9	3,6

Примечание. * – страны, относящиеся к категории БСБЗ (НИРС), но не указанные Всемирным банком и Программой развития ООН как наименее развитые страны; на – нет данных.

^a Существуют еще 20 стран, которые могут быть отнесены к категории БСБЗ (НИРС), но которые пока не отвечают необходимым условиям.

^b 1994.

^c 1995–1997.

^d 1998.

^e 1997.

Источники: Программа развития ООН (2005, 2008), Всемирный банк (2005а, 2005b) United Nations Development Programme. A time for bold ambition: Together we can cut poverty in half. New York: Author, 2005; United Nations Development Programme. Human development report 2007–2008. New York: Author, 2008; World Bank. Global economic prospects 2005: Trade, regionalism and development. Washington, DC: Author, 2005.

Предоставление пакета спасательных мер на общую сумму 120 млрд долл. подразумевало введение программы структурной перестройки, что ограничивало самостоятельность правительств этих государств. Кроме того, большая часть средств пошла на компенсацию потерь иностранных институциональных инвесторов, а не на решение проблем, связанных с нищетой и безработицей, расцветших в результате кризиса.

Именно в этом контексте стали появляться альтернативные схемы выживания. Под термином «контекст» в данном случае я понимаю системное состояние, определяемое совокупностью таких факторов, как высокий уровень безработицы и нищеты, частые случаи банкротств предприятий и сокращение доли государственных ресурсов (или распределения ресурсов), направляемых на решение социальных проблем. При этом основной особенностью является то, что феминизация процесса выживания вышла далеко за рамки домашнего хозяйства и распространилась на предприятия и правительства. На труде мигрантов вообще и женщин-мигрантов в частности основаны новые формы получения прибыли на коммерческом и государственном уровне. Далее я кратко рассмотрю вопрос о денежных переводах мигрантов как одном из способов формирования альтернативных политических экономик, а также проанализирую то, каким образом все это нарушает сложившиеся представления о международном разделении труда.

Экспорт трудовых ресурсов и денежные переводы как один из альтернативных источников выживания

Иммигранты становятся участниками стратегического развития экономики своих стран на макроуровне, так как пересылают домой деньги, заработанные в других странах [4]. Они представляют собой основной источник государственных валютных резервов в целом ряде стран. Хотя потоки денежных переводов могут быть незначительными по сравнению с ежедневными переводами капитала на мировых финансовых рынках, тем не менее эти деньги могут иметь огромное значение для развития экономически слабых государств. По оценкам Всемирного банка денежные переводы по всему миру в 2005 году составили 230 млрд долл. (по сравнению с 70 млрд долл. в 1998 году). Из этой суммы 168 млрд долл. было отправлено в бедные страны (то есть на 73 % больше, чем в 2001 году). В 2007 году общая сумма переводов достигла 318 млрд долл., из которых 240 млрд было отправлено в развивающиеся страны¹. Предприятия страны иммиграции также могут извлечь выгоду из этой ситуации. Так, например, Межамериканский банк развития (МАБР) провел серию исследований, которые показали, что в 2003 году банками и финансовыми организациями было получено 2 млрд долл. в качестве платы за проведение операций по переводу 35 млрд долл., отправленных домой выходцами из Латинской Америки, проживающими в США². Эксперты МАБР также выяс-

---

¹ Orozco M., & Ferro A. Migrant Remittances. 2008. May. 5 (2).

² См.: Robinson S. Towards a neopartheid system of governance with IT tools. Retrieved March 18, 2006, from http://programs.src.org/itic/publications/knowledge_report/memos/robinsonmem04.pdf 2004.

нили, что в 2003 году в странах Латинской Америки и Карибского бассейна общая сумма денежных переводов превысила совокупную сумму всех прямых иностранных инвестиций и официальной финансовой помощи, оказываемой в целях развития их экономик¹ [5].

Чтобы понять значение этих цифр, необходимо сравнить их с ВВП и валютными резервами конкретных стран, а не с глобальным движением капитала. Например, на Филиппинах за последние несколько лет денежные переводы мигрантов в целом и женщин, работающих в индустрии развлечений, в частности были третьим по величине источником иностранной валюты.

В Бангладеш, еще одной стране, значительное количество граждан которой работает на Ближнем Востоке, в Японии и нескольких европейских странах, денежные переводы составляют около трети всех валютных поступлений. В Мексике денежные переводы уже давно стали вторым источником иностранной валюты, едва уступая экспорту нефти и опережая туризм и прямые иностранные инвестиции², несмотря на то что в начале 2008 года произошло некоторое снижение общего притока денежных средств³.

В табл. 2 приведены данные об общем распределении потоков денежных переводов по уровням экономического развития и по регионам. Совершенно очевидно, что для большинства стран денежные переводы являются не особенно важным фактором. Однако на основе табл. 2 можно сделать вывод об особенностях миграционной географии. Эти данные имеют значение для моего исследования, поскольку предполагают определенную политическую подоплеку, ведь большинство людей вовсе не желает переезжать в другую страну. На основе обобщения данных, полученных для всех стран в каждой категории, можно сделать вывод о том, что в странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) денежные переводы составляют 0,2 % от ВВП, в странах со средним уровнем доходов – 3,7 %, а в странах Ближнего Востока и Северной Африки – 4,1 %. Цифры

---

¹ См.: Orozco M., Lowell B. L., Bump M., & Fedewa R. Transnational engagement, remittances and their relationship to development in Latin America and the Caribbean. Washington, DC: Georgetown University, Institute for the Study of International Migration, 2005, а также ежеквартальные выпуски «Денежные поступления от иммигрантов»: Migrant Remittances.

² World Bank. Global economic prospects..., 2006.

³ См.: Orozco M., & Ferro A. Migrant Remittances...; более подробное описание доходов, получаемых в результате незаконной торговли можно найти в: Kyle D., & Koslowski R. Global human smuggling. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001; Naim M. Illicit: How smugglers, traffickers, and copycats are hijacking the global economy. New York: Anchor, 2006; см. также: U. S. Department of State. Trafficking in persons report. Washington, DC: Office to Monitor and Combat Trafficking in Persons, 2004.

резко меняются, когда мы начинаем рассматривать отдельные страны, в которых денежные переводы составляют высокую долю ВВП (см. табл. 3). Денежные переводы в целом ряде беднейших стран или стран со слаборазвитой экономикой составляют более четверти их ВВП: Тонга (31,1 %), Молдова (27,1 %), Лесото (25,8 %), Гаити (24,8 %), Босния и Герцеговина (22,5 %), Иордания (20,5 %). Однако если мы расположим страны в зависимости от общей суммы переводимых и получаемых ими денежных средств, картина вновь резко изменится (см. табл. 4). В верхних графах списка богатых стран, граждане которых в 2004 году переводили денежные средства, окажутся Франция, Испания, Германия и Великобритания. Верхние строки списка получателей займут Индия (21,7 млрд долл.), Китай (21,3 млрд), Мексика (18,1 млрд), Франция (12,7 млрд) и Филиппины (11,6 млрд).

Правительства часто рассматривают экспорт рабочей силы и получение соответствующих денежных переводов в качестве одного из средств борьбы с безработицей и внешней задолженностью. Хотя последнее и может считаться правдой, первое совершенно точно нет. Более того, эмиграция способствует замедлению темпов развития страны, поскольку уезжают, как правило, наиболее предприимчивые и хорошо образованные граждане. В некоторых странах разработаны даже официальные программы экспорта трудовых ресурсов. Это вписывается в систему реорганизации мировой экономики, которая началась в 1970–1980-х годах. Пожалуй, наиболее ярким примером этого процесса стали Южная Корея и Филиппины¹. В 1970-х годах в Южной Корее были разработаны программы содействия экспорту рабочей силы как одной из составляющих своей быстроразвивающейся строительной отрасли за рубежом. Первоначально рабочие направлялись в расположенные на Ближнем Востоке страны-экспортеры нефти (ОПЕК), а затем по всему миру. Когда же в Южной Корее тоже начался экономический бум, экспорт трудовых ресурсов оказался не столь необходим, став менее привлекательным вариантом. С другой стороны, правительство Филиппин, напротив, всегда стимулировало и содействовало выезду своих граждан за границу как способу борьбы с безработицей и обеспечения необходимых валютных резервов путем получения денежных переводов, посылаемых гражданами этой страны своим родственникам. После финансового кризиса 1997–1998 годов Таиланд начал кампанию по содействию трудовой миграции и найму тайских рабочих фирмами, находящимися за рубежом. Правительство стремилось направить своих граждан на работу в страны Ближнего Востока, США, Великобританию, Германию, Австралию и Грецию.

---

¹ Sassen S. The mobility of labor and capital...

Потоки денежных поступлений в зависимости от региона и уровня развития стран, 2002–2005 гг. (млн долл. США)

Страны	Год				Доля денежных переводов в ВВП
	2002	2003	2004 (ориентир.)	2005 (ориентир.)	2004 (%)
Все развивающиеся страны	113,416	142,106	160,366	166,898	2,0
Страны с низкими доходами	33,126	41,789	43,890	45,064	3,7
Страны со средними доходами	80,290	100,317	116,476	121,834	1,7
Страны с доходами ниже среднего уровня	57,305	75,520	83,475	88,021	2,2
Страны с доходами выше среднего уровня	22,985	27,797	33,001	33,813	1,1
Страны-члены Организации Экономического сотрудничества и развития	52,076	57,262	64,260	64,260	0,2
Страны Азиатско-тихоокеанского региона	27,168	35,797	40,858	43,138	1,7
Страны Европы и Центральной Азии	13,276	15,122	19,371	19,892	1,1
Страны Латинской Америки и Карибского бассейна	28,107	34,764	40,749	42,419	2,0
Страны Среднего Востока и Северной Африки	15,551	18,552	20,296	21,263	4,1
Страны Южной Азии	24,155	31,109	31,396	32,040	3,6
Страны Центральной и Западной Африки	5,159	6,762	7,696	8,145	1,5
Весь мир	166,217	200,216	225,810	232,342	0,6

Источник: World Bank. Global economic prospects: Economic implications of remittances and migration. Washington, DC: Author, 2006.

Правительство Шри-Ланки пыталось отправить за границу еще 200 тыс. работников вдобавок к 1 млн, уже проживающему за ру-

бежом. Например, в 1998 году шриланкийки перечислили из стран Ближнего и Дальнего Востока 880 млн долл. из своих заработков горничных. Уже в 1970-х годах в Бангладеш были разработаны программы экспорта трудовых ресурсов в страны ОПЕК на Ближнем Востоке. Эти программы действуют до сих пор наряду с индивидуальной миграцией в эти и другие государства, в частности, США и Великобританию, и являются значительным источником получения иностранной валюты: так, во второй половине 1990-х годов мигранты ежегодно переводили домой около 1,4 млрд долл.¹ В 2007 году, то есть 10 лет спустя, 5 млн бангладешцев, работающих за рубежом, отправили домой более 5 млрд долл.²

Филиппины являются страной с самой развитой программой экспорта трудовых ресурсов. Одним из подтверждающих это показателей являются 14,3 млрд долл., перечисленных филиппинскими мигрантами в 2007 году³. Правительство Филиппин также сыграло большую роль в организации эмиграции филиппинских женщин в США, на Ближний Восток и Японию, создав для этого специальное агентство – Администрацию по занятости филиппинских граждан за рубежом. Основанная в 1982 году, эта организация занимается экспортом медсестер и горничных в различные страны мира, где существует высокий спрос на такие кадры. Огромный внешний долг, отягощенный высоким уровнем безработицы, делает такую политику весьма привлекательной. Различные страны, занимающиеся импортом трудовых ресурсов, следуют этой стратегии, но каждая по своей причине.

Таблица 3

**Страны с высокими денежными поступлениями
и доля таких переводов в ВВП страны, 2002–2005 гг. (млн долл. США)**

Страна	2002	2003	2005 (ориентир.)	2004 (ориентир.)	в ВВП, 2004 (%) Доля денежных переводов, %
1. Тонга	66	66	66	66	31,1
2. Молдова	323	486	703	703	27,1
3. Лесото	194	288	355	355	25,8
4. Гаити	676	811	876	919	24,8

¹ David N. Migrants made the scapegoats of the crisis. Retrieved July 26, 2008, from: www.hartford-hwp.com/archives/50/012.html 1999

² См.: Orozco M., & Ferro A. Migrant Remittances...

³ Ibid.

Страна	2002	2003	2005 (ориентир.)	2004 (ориентир.)	в ВВП, 2004 (%) Доля денежных переводов, %
5. Босния и Герцеговина	1,526	1,745	1,824	1,824	22,5
6. Иордания	2,135	2,201	2,287	2,287	20,4
7. Ямайка	1,260	1,398	1,398	1,398	17,4
8. Сербия и Черногория	2,089	2,661	4,129	4,650	17,2
9. Эль Сальвадор	1,954	2,122	2,564	2,564	16,2
10. Гондурас	718	867	1,142	1,142	15,5
11. Филиппины	7,381	10,767	11,634	13,379	13,5
12. Доминиканская Республика	2,194	2,325	2,471	2,493	13,2
13. Ливан	2,500	2,700	2,700	2,700	12,4
14. Самоа	45	45	45	45	12,4
15. Таджикистан	79	146	252	252	12,1
16. Никарагуа	377	439	519	519	11,9
17. Албания	734	889	889	889	11,7
18. Непал	678	785	785	785	11,7
19. Кирибати	7	7	7	7	11,3
20. Йеменская Республика	1,294	1,270	1,283	1,315	10,0

Источник: World Bank. Global economic prospects: Economic implications of remittances and migration. Washington, DC: Author, 2006.

Спрос на домашнюю прислугу в странах ОПЕК на Ближнем Востоке значительно возрос после нефтяного бума 1973 года. Столкнувшись с нехваткой медсестер, на обучение которых уходит достаточно много времени (а относительно низкая зарплата значительно снижает престижность данной профессии среди местного населения), Соединенные Штаты приняли Акт об иммиграции медсестер от 1989 года, который позволял приглашать на работу младший медперсонал из других стран. Около 80 % медсестер, въехавших на территорию США в соответствии с этим законом, были из Филиппин¹. Правительство Филиппин также разработало правила,

¹ Yamamoto S. The incorporation of female workers into a global city: A case study of Filipina nurses in the Chicago area. Unpublished master's thesis, University of Chicago, 2000.

позволявшие брачным агентствам заниматься поиском женихов по переписке для невест из Филиппин с последующим оформлением брачных договоров [6], причем быстрое развитие этого вида деятельности было обусловлено именно организационными мероприятиями, проводившимися правительством Филиппин [7]. Среди главных клиентов агентств такого рода были Соединенные Штаты и Япония. Сельскохозяйственные общины Японии стали основным конечным пунктом для таких невест, поскольку здесь существовала огромная нехватка трудовых ресурсов и особенно молодых женщин. Это объяснялось тем, что экономика находилась на подъеме и спрос на рабочие руки в крупных мегаполисах был чрезвычайно высок. Именно поэтому местные муниципальные власти делали все возможное для привлечения филиппинских невест.

Наибольшее количество филиппинок, прошедших через эти каналы, работает в качестве горничных и в других азиатских странах¹. Вторую и наиболее быстро растущую группу составляют работницы индустрии развлечений, которые едут в основном в Японию². В 1980 году в Японии даже был принят закон, упростивший процедуру пересечения границы «работниками индустрии развлечений».

Таблица 4

**20 стран, получивших наибольшие суммы денежных переводов, 2004
(млрд долл. США)**

Страна	Сумма
Индия	21,7
Китай	21,3
Мексика	18,1
Франция	12,7
Филиппины	11,6
Испания	6,9
Бельгия	6,8

¹ Chin C. Walls of silence and late 20th century representations of foreign female domestic workers: The case of Filipina and Indonesian houseservants in Malaysia. *International Migration Review*. 1997. № 31. P. 353–385; Parreñas R. S. (Ed.). *Servants of globalization...*; Yamamoto S. *Intermediaries and migration in the United States*. Unpublished doctoral dissertation, Department of Sociology, University of Illinois at Urbana-Champaign, 2008; Yeoh B., Huang S., & Gonzalez J., III. Migrant female domestic workers: Debating the economic, social and political impacts in Singapore. *International Migration Review*. 1999. № 33. P. 114–136.

² Sassen S. *The global city...*; Yamamoto S. *Intermediaries and migration in the United States...*

Страна	Сумма
Германия	6,5
Великобритания	6,4
Морокко	4,2
Сербия	4,1
Пакистан	3,9
Бразилия	3,6
Бангладеш	3,4
Арабская Республика Египет	3,3
Португалия	3,2
Вьетнам	3,2
Колумбия	3,2
Соединенные Штаты Америки	3,0
Нигерия	2,8

Источник: International Monetary Fund. Balance of payments statistics yearbook, 2004. Washington, DC, 2004: Author World Bank. (2006). Global economic prospects: Economic implications of remittances and migration. Washington, DC: Author, 2006.

Это было связано с бурным развитием экономики, ростом доходов населения и острой нехваткой рабочих рук. Быстрое увеличение численности мигрантов, желающих работать в этой сфере, во многом связано с наличием на Филиппинах более чем 500 посреднических агентств, действующих вне рамок государственного контроля, хотя правительство тем не менее пользуется денежными переводами «работников сферы развлечений», отправленных за границу такими фирмами. Посредники (в основном при поддержке или под контролем организованных бандитских групп) ищут женщин для работы в секс-индустрии Японии. Женщины, вывозимые за границу вне рамок контролируемых правительством программ эмиграции, обычно приглашаются для работы певицами или в качестве обслуживающего персонала центров развлечений. Однако на самом деле им чаще всего приходится заниматься проституцией.

Неравенство в получении прибылей и возможностях заработка

Неравенство в получении прибылей в различных секторах экономики и возможностях получения заработка различными категориями работников традиционно считается одной из отличительных особенностей экономик развитых стран [8].

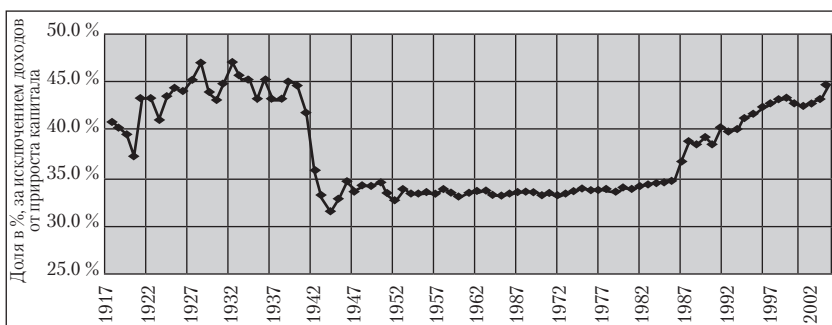

Рис. 1. Снижение доли в доходах, 1917–2005 гг.

Примечание. Прибыль определяется как рыночный доход, но не включает в себя доходы от прироста капитала, см.: Свободные рынки, неравенство доходов и религиозные ценности (Unfettered Markets, Income Inequality, and Religious Values, by L. Mishel, 2004, Viewpoints) // [www.epi.org / content.cfm / webfeatures_viewpoints_moral_markets_presentation](http://www.epi.org/content.cfm/webfeatures_viewpoints_moral_markets_presentation), 26 июля 2008 года. Авторские права принадлежат Институту экономической политики (The Economic Policy Institute), 2008 год. Печатается с разрешения.

Однако изменения, происходящие сегодня, существенно отличаются от тенденций послевоенных десятилетий. Масштабы неравенства и те системы, в которых оно укоренено, порождают серьезные нарушения в работе различных рыночных механизмов, начиная с рынка инвестиций в жилье и заканчивая рынком труда.

Из всех высокоразвитых стран эти глубокие структурные изменения наиболее очевидны в Соединенных Штатах. Полученные данные доказывают существование роста неравенства на национальном уровне. Например, несмотря на то что темпы экономического роста с 2001 по 2005 год были высокими, его результаты распределялись весьма неравномерно. Большая часть прибыли досталась 10 % семей и прежде всего 1 % наиболее богатых из них. У 90 % населения наблюдалось снижение рыночных доходов на 4,2 %¹. Если рассматривать эти 90 % по отдельным группам, то выяснится, что размер убытков возрастает по мере снижения доходов. С начала так называемого экономического подъема (2001 год) доля доходов богатейшей верхушки, составляющей 1 % населения, выросла на 3,6 %, то есть до 21,8 % в 2005 году. При этом они получили 268 млрд долл. от общего дохода всего населения США. В отличие от них, доход 50 % американских семей, принадлежащих к низшему классу, снизился на 1,4 % и в 2005 году составил 16 %, то есть по сравнению с 2001 годом убытки составили 272 млрд долл. (см. рис. 1).

¹ Mishel L. Who's grabbing all the new pie? Economic snapshots. Retrieved July 28, 2008, from http://www.epi.org/content.cfm/webfeatures_snapshots_20070801/2007

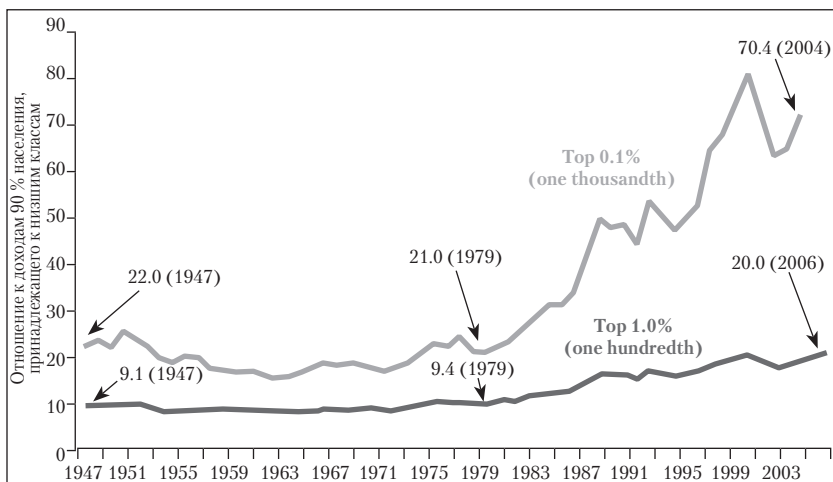

Рис. 2. Отношение доходов богатой верхушки к прибылям 90 % населения, принадлежащего к низшим классам

Примечание. См.: Неконтролируемый рост заработной платы богатейшей верхушки (Surging Wage Growth for Topmost Sliver, by L. Mishel, 2008. Economic Snapshots).

Источник: http://www.epi.org/content.cfm/webfeatures_snapshots_20080618, 26 июля 2008 г. Авторские права принадлежат Институту экономической политики (The Economic Policy Institute), 2008 год. Печатается с разрешения. *Источник:* Kopczuk W., Saez E., & Song J. Uncovering the American dream: Inequality and mobility in social security earnings data since 1937. Retrieved August 26, 2008, from <http://elsa.berkeley.edu/~saez/kopczuk-saez-songSSA07short.pdf> 2008.

Сегодня также стало понятно, что события вовсе не обязательно должны развиваться таким образом. В послевоенные десятилетия заработная плата на всех уровнях экономики выросла¹. На рис. 2 показано, что доля доходов богатой части населения, составляющей всего 10 % (без учета доходов от прироста капитала), равнялась чуть более 30 % совокупного дохода (по сравнению с почти 45 % после 2000 года). В период с 1979 по 2006 год отношение заработной платы верхушки богатейшего класса (к которой относится всего 1 % населения) к заработной плате 90 % малообеспеченных классов выросло более чем в два раза, увеличившись с 9,4 к 1 до 19,9 к 1.

Два важнейших процесса, лежащих в основе роста неравенства в получении прибылей и возможностях заработка, являются неотъемлемой составляющей высокоразвитой экономики, использующей новейшие информационные технологии. Один из этих процессов –

¹ Mishel L. Surging wage growth for topmost sliver. Economic snapshots. Retrieved July 28, 2008, from http://www.epi.org/content.cfm/webfeatures_snapshots_20080618 2008

рост значимости и трансформация финансовой сферы, в частности, через секьюритизацию (то есть конверсию кредитов и других активов в ликвидные ценные бумаги), глобализацию и развитие новых телекоммуникационных и компьютерных технологий. Другой – рост интенсивности обслуживания в организации экономики, который значительно повысил спрос на услуги со стороны фирм и отдельных домашних хозяйств [9]. Поскольку существует сильная тенденция к поляризации в уровне технического развития, ценах на услуги, а также заработной платы работников сферы услуг, рост потребности в услугах также оказывает влияние на поляризацию и (вследствие кумулятивной обусловленности) на воспроизводство такого неравенства.

Возможность получения сверхприбылей во многих ведущих отраслях сферы услуг обуславливается сложной совокупностью новых тенденций: появлением технологий, способствующих гипермобильности капитала в глобальном масштабе; дерегулированием рынка, до крайности усиливающим эту гипермобильность; появлением финансовых нововведений, таких как секьюритизация, позволяющая конвертировать полностью или частично неликвидные капиталы в ценные бумаги, что значительно ускоряет капиталоборот и, следовательно, дает возможность получить дополнительную прибыль; а также растущим спросом на услуги во всех сферах экономики. Все это, наряду с усложнением и специализацией многих из обозначенных процессов, способствует повышению цен, иногда приобретающему сверхмасштабы. Наиболее очевидно это проявляется в необычайно стремительном росте заработной платы высококвалифицированных специалистов начиная с 1980-х годов [10]. Кроме того, глобализация оказывает влияние на качество и состав предоставляемых услуг, их стратегический характер, притягательность и эффективность, а следовательно, и на завышение их стоимости.

Рост значимости финансовых и специализированных услуг, которые преимущественно сосредоточены в крупных городах, создает критическую массу количества фирм, получающих крайне высокие прибыли. Существование таких компаний способствует резкому повышению цен на аренду коммерческих площадей, оказание производственно-технических и прочих деловых услуг, делая перспективу выживания фирм с более низкими прибылями весьма сомнительной. Крайне формой реакции на происходящие изменения со стороны таких фирм может стать придание проводимым ими операциям (всем или части) неформального характера, что, как следствие, в состоянии привести к усилению поляризации в городской экономике. В целом сегодня можно говорить о процессе сегментации между компаниями, получающими сверхприбыль, и компаниями со средними доходами.

Одним из ключевых результатов таких преобразований стало усиление роли экспертизы и специализации в организации экономики.

В свою очередь повышение роли экспертного знания в организации экономики способствовало искусственному завышению стоимости специализированных услуг, оказываемых работниками умственного труда. Кроме того, это привело к тому, что многие другие виды экономической деятельности и категории работников были объявлены ненужными в условиях развитой экономики. Как я уже отмечала ранее в других своих работах¹, многие из таких «неактуальных» специальностей на самом деле являются неотъемлемой частью интернационализированных отраслей экономики, но не считаются таковыми или просто не ценятся (то есть работа по такой специальности не оплачивается надлежащим образом). Это привело к появлению огромных слоев населения с очень низкими доходами, с одной стороны, и ограниченного числа лиц, распоряжающихся сверхвысокими прибылями, с другой².

Рост интенсивности обслуживания в организации производства с одновременным значительным повышением спроса на услуги фирм во всех отраслях экономики привел к расцвету торгово-посреднической деятельности, то есть осуществлению купли-продажи на уровне отдельных компаний. Например, в период с 1999 по 2003 год в Соединенных Штатах валовой продукт крупнейшего сегмента американской экономики – финансов, страхования и недвижимости (FIRE) (в том числе объем услуг, оказанных отдельным фирмам и частным лицам) в среднем вырос на 7,6 % в год, что почти в два раза превышало среднегодовой рост (4,1 %) в других областях экономики в те же годы. Но если учитывать также и то, что было продано другим фирмам и на других рынках FIRE, то ежегодные темпы роста подсказывают до 11,8 %, а если и далее углубляться в анализ торговли отдельными ценными бумагами, то получим результат, равный 34 %. Похожие, хотя и менее впечатляющие результаты, получаются при рассмотрении оптовой торговли через посредников, где с 1999 по 2003 год средний рост составлял 9,4 % в год по сравнению с 4,4%-ным увеличением общего валового продукта. В целом годовой объем производства частных услуг посредников вырос на 9 % по сравнению с ростом валовой продукции, составившим лишь 6,2 %. Кроме того, в таких секторах, как строительство, дела посредников шли еще лучше (в среднем с 1998 по 2003 год темпы роста составили 7,2 %), в то время как у конечного

---

¹ Sassen S. *The global city...*; Sassen S. *Cities in a world economy* (3rd ed.). Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press, 2006.

² Lardner J., & Smith D. A. *Inequality matters: The growing economic divide in America*. New York: New Press, in collaboration with Demos Institute, 2005; Lewis Mumford Center for Comparative Urban and Regional Research. *Segregation and income in U. S. cities*. Retrieved July 26, 2008, from <http://mumford.albany.edu/census/index.html> 2000; Newman K. S. *Falling from grace: Downward mobility in the age of affluence*. Berkeley: University of California Press, 1999; Sassen S. *Cities in a world economy...*

потребителя эта цифра равнялась всего лишь 4,3 %. (Более подробную информацию можно получить из аналитической справки, составленной Бюро экономического анализа в 2004 году.) Таким образом, сектор оказания посреднических услуг как специализированным корпорациям, так и промышленным предприятиям выступил одним из ключевых факторов, обусловивших повышение наблюдаемого в новой экономике городов спроса на специалистов. На верхнем уровне городской системы, особенно в глобальных городах, мы видим сочетание результатов различных тенденций, анализируемых в этой главе. В городах, стоящих на более низких уровнях развития, изменение системы обслуживания национальных (но не глобальных) компаний происходит схожим образом, хотя здесь заработки и доходы не столь велики, как в глобальных городах.

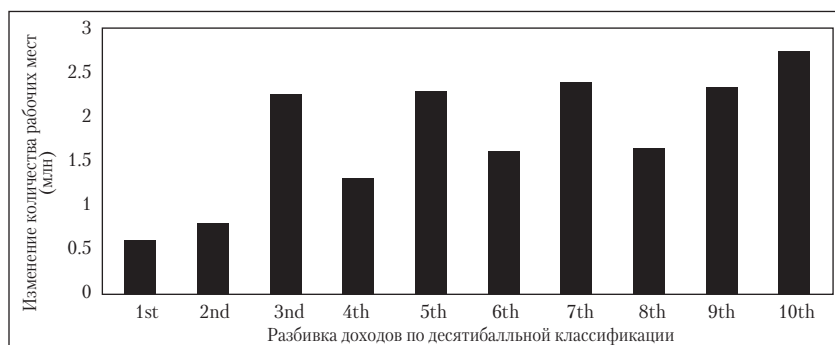
Среди основных системных тенденций, способствующих поляризации в организации сферы услуг, следует отметить несоразмерность концентрации предприятий этой сферы на любом конце технологического спектра. Потребность в услугах, которые можно описать как информационно- или наукоемкие, привела к появлению значительной доли новых рабочих мест, созданных за последние 15 лет в развитых странах. В то же время большинство других новых рабочих мест в сфере услуг попадает в область низкооплачиваемых. Например, по мнению американского Бюро статистики труда, в ближайшее время самыми востребованными станут две категории работников – высококвалифицированные профессионалы и специалисты сферы обслуживания. Данные и прогнозы Бюро показывают, что доходы этих двух категорий как в 1990-х годах, так и в XXI веке находятся на противоположных концах спектра, причем заработок работников сферы обслуживания примерно на 40 % ниже среднего заработка во всех остальных профессиональных группах. С другой стороны, в государственном секторе наблюдается резкое сокращение низкооплачиваемых мест, работа на которых подразумевает более высокую заработную плату и наличие большего количества дополнительных льгот, причем вряд ли стоит ожидать изменения этой тенденции в обозримом будущем¹.

Понять и правильно интерпретировать все эти выкладки и цифры достаточно трудно. Однако имеющаяся в доступных источниках информация позволяет нам на макроуровне получить картину ключевых

---

¹ Более подробную информацию о подуровнях и этнических особенностях этой проблемы можно найти в исследовании Munger F. (Ed.). *Laboring under the line: The new ethnography of poverty, low-wage work, and survival in the global economy*. New York: Russell Sage, 2002, а также в аналитической справке, составленной Фондом Расселла Сейджа в 1998: Russell Sage Foundation. *Multi-city study of urban inequality, 1992–1994: [Atlanta, Boston, Detroit and Los Angeles]*. Retrieved May 2008, from <http://www.russellsage.org/programs/recent/inequality/1998>.

моделей развития экономики. Данные явно указывают не только на тенденцию поляризации трудовых доходов, но и на поляризацию качества жизни (рис. 3, 4). Райт и Дойер¹, а также Милкмэн и Дойер² изучили данные об изменении количества новых рабочих мест в Соединенных Штатах за период с 1960-х до 1990-х годов. Результаты их анализа динамики вновь создаваемых рабочих мест, а также мой собственный анализ тенденций, наблюдаемых в различных секторах экономики, показали, что в рамках развитого капитализма создаются в основном либо очень хорошие и привлекательные рабочие места, либо, наоборот, очень плохие. Полученные в результате исследований данные показывают, что в 1960-х годах характерной особенностью экономики было в целом равномерное распределение количества вновь создаваемых рабочих мест для всех групп населения с различным уровнем дохода (рис. 3). В 1990-х годах картина резко изменилась. В этот период наибольшее количество новых рабочих мест создавалось именно среди самых низко- и самых высокооплачиваемых категорий работников и гораздо меньше среди рабочих среднего звена (рис. 4). Из рис. 4 видно, что рост в основном сосредоточен в нижнем и верхнем 20%-ном сегменте.

Рис. 3. Рост количества новых рабочих мест в США с разбивкой доходов по десятибальной классификации. Полный рабочий день, возраст работающих от 18 до 64 лет, 1963–1970 годы

Источник: Дистанцирование; новая экономика и поляризация трудовой деятельности в Калифорнии» (Growing Apart: The «New Economy» and Job Polarization in California, 1992–2000. С. 12); R. Milkman и R. Dwyer, 2002), Лос-Анджелес: Калифорнийский университет, Институт труда и занятости, факультет многопрофильных исследований. Печатается с разрешения.

¹ Wright E. O., & Dwyer R. E. The patterns of job expansions in the USA: A comparison of the 1960s and 1990s. Socio-Economic Review. 2007. № 1. P. 289–325.

² Milkman R., & Dwyer R. Growing apart: The «new economy» and job polarization in California, 1992–2000. Los Angeles: University of California Institute for Labor and Employment, Multi-Campus Research Unit, 2002.

В 1990-х годах наблюдается «резкое сокращение количества новых рабочих мест, предназначенных для групп населения со средним достатком»¹.

При этом самой главной проблемой являются виды предлагаемых работ и системные тенденции в развитии сферы услуг, поскольку именно этот сектор определяет условия найма рабочих как сегодня, так и на ближайшее будущее. Совершенно очевидно, что рабочие места и организация процесса – это два взаимопереплетающихся и взаимоформирующих фактора. Тем не менее полностью они не совпадают: рынки труда, так или иначе связанные с какой-либо заданной технологией, в принципе могут существенно отличаться друг от друга, в том числе и по подходу и способам найма работников. Как бы то ни было, сегодня организация этого сектора, виды работ и развитие рынка труда ведут к усилению поляризации в доходах и уровне качества жизни.

Повышение спроса на низкооплачиваемую работу в ведущих секторах экономики

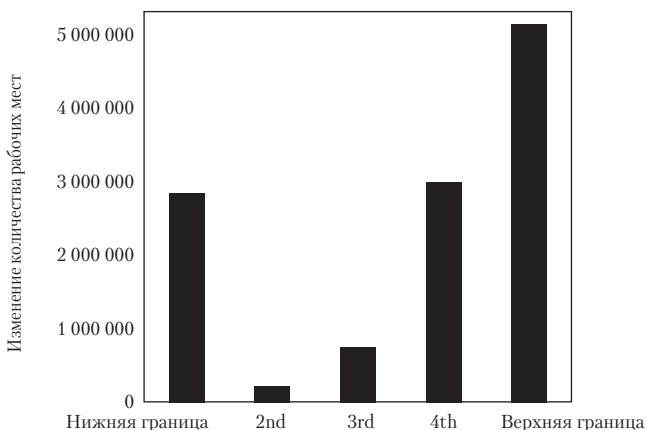
Города являются узлами, в которых пересекаются новые тенденции развития экономики. Они также являются зонами непропорциональной концентрации работников, относящихся к самому верхнему и самому нижнему уровню профессиональной квалификации. Новая система занятости, которая была создана в крупных городах высоко развитых стран после 1980 года, полностью изменила трудовые отношения и принципы трудоустройства. Различные исследования постиндустриального общества с развитой экономикой в целом показали наличие повсеместного повышения спроса на высокообразованных сотрудников.

Это могло бы означать резкое сокращение возможностей в поиске работы для людей с низким уровнем образования, и, в частности, для иммигрантов. Однако обстоятельные исследования, проведенные в крупных городах ряда развитых стран, выявили непрерывный рост спроса на низкооплачиваемых и низкоквалифицированных работников. При этом выяснилось, что для них не только имеется большое количество рабочих мест, но и создаются новые.

Одним из наиболее важных вопросов, представляющих особый интерес для данной главы, является вопрос о том: (а) вызван ли такой перекоп в трудоустройстве возможностью выплачивать низкую заработную плату в связи с наличием на рынке большого количества работников, готовых трудиться на таких условиях, или (б) это типичный

---

¹ Wright E. O., & Dwyer R. E. The patterns of job expansions in the USA... P. 310.

Рис. 4. Рост количества новых рабочих мест в США с разбивкой доходов по десятибалльной классификации. Полный рабочий день, возраст работающих от 18 до 64 лет, 1992–2000 годы

Источник: Модели создания новых рабочих мест в США: сравнение 1960-х и 1990-х гг. (The Patterns of Job Expansions in the USA: A Comparison of the 1960s and 1990s, E. O. Wright и R. E. Dwyer, 2007) // Социально-экономическое обозрение (Socio-Economic Review). № 1. С. 302. Печатается с разрешения.

признак трудовых отношений в странах с развитой экономикой, то есть, иными словами, их системная характеристика и неотъемлемое свойство. Точных данных по этому поводу не существует, а анализ данных о наличии рабочих мест сам по себе вряд ли способен полностью прояснить проблему. В целом мы знаем, что представляют из себя наиболее востребованные малоквалифицированные работники и что вообще отличает такое трудоустройство: низкая заработная плата, невысокий уровень образования, низкий престиж профессии, отсутствие возможностей для продвижения по службе, незначительное количество или даже полное отсутствие каких-либо льгот и т. п. Вместе с тем нам следовало бы выйти за рамки характеристик таких рабочих мест и работников и рассмотреть динамику развития всей системы трудоустройства в странах с развитой экономикой и высокоорганизованной сферой услуг, в частности. В особенности это касается системного анализа результатов исследований спроса на рабочую силу, ведь то, что на первый взгляд выглядит устаревшим, вполне может оказаться широко наблюдаемым явлением сегодняшнего дня в экономике развитых стран.

В настоящее время ведущим сектором экономики глобальных городов является сфера услуг, большая доля рабочих мест в которой предназначена для лиц, не имеющих какой-либо квалификации

и готовых заниматься ручным трудом. В основном такая работа предлагается женщинам-иммигранткам, поскольку даже самым высококлассным специалистам требуются секретари и делопроизводители, а также услуги по уборке и ремонту офисов, оснащенных по последнему слову науки и техники. Кроме того, им же требуются курьеры и водители для доставки различных расходных материалов, начиная с программного обеспечения и заканчивая туалетной бумагой. И хотя все эти категории сотрудников и виды работ никогда не считались составляющими мировой экономики, на самом деле они точно так же, как и все остальные, являются частью общей инфраструктуры рабочих мест и точно так же участвуют в развитии глобальной экономики, в том числе такой ее формы, как международная финансовая система. Рассматриваемые ниже конкретные тенденции не только типичны для системы занятости, существующей в городах глобального Севера, но и все в большей мере проявляются в странах глобального Юга¹.

Обычно корпоративные услуги, предлагаемые специалистами высшей категории, например, составление финансовой отчетности или проведение управленческой экспертизы, как правило, не анализируются с точки зрения их рабочего процесса. Такие услуги чаще всего рассматриваются как некий вид продукта (то есть профессиональные знания высокого уровня). При этом всем видам как высоко-, так и низкооплачиваемых работ, которые производились в ходе создания данного продукта, уделяется недостаточно внимания. В противоположность этому сосредоточенность на рабочем процессе выдвигает вопросы труда на первый план. Обществу требуется высококвалифицированный умственный труд, однако те здания и офисы, в которых производится такая работа, необходимо построить и содержать в чистоте. Как следствие, стремительное развитие финансовой отрасли, а также узкоспециализированных услуг означает не только создание новых рабочих мест для профессионалов и административных работников высокого уровня, но и для неквалифицированных рабочих с низким уровнем заработной платы. В ходе своих исследований, проведенных в Нью-Йорке и других городах, я обнаружила, что от 30 до 50 % работников в ведущих отраслях экономики на са-

---

¹ См., напр.: Buechler S. Deciphering the local in a global neoliberal age...; Gugler J. World cities beyond the West. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004; Koval J. P., Bennett L., Bennett M. I.J., Demissie F., Garner R., & Kim K. The new Chicago: A social and cultural analysis. Philadelphia: Temple University Press, 2006; Parnreiter C. Mexico: The making of a global city. In S. Sassen (Ed.). Global networks/linked cities. New York: Routledge, 2002. P. 145–182; Schiffer R. S. Sao Paulo: Articulating a cross-border regional economy. In S. Sassen (Ed.), Global networks/linked cities, 2002. P. 209–236; Venkatesh S. A. Off the books: The underground economy of the urban poor. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.

мом деле являются низкооплачиваемыми¹. Эти тенденции – часть более масштабного процесса реконфигурации системы занятости в глобальных городах Севера и все в большей мере становятся типичными в странах глобального Юга².

Более того, современный образ жизни высококвалифицированных специалистов привел к появлению совершенно нового спроса на услуги домашнего персонала, в частности, горничных и нянь. Наличие такого быстро развивающегося сектора с поляризованным распределением доходов оказывает влияние на расширение сегмента низкооплачиваемых рабочих мест через систему потребления (или, если использовать более общую терминологию, через сферу социального воспроизводства). Быстрое формирование сфер деятельности, отличающихся сильной концентрацией рабочих мест с высоким и низким уровнем доходов, ведет к неизбежному расслоению структуры потребления, что оказывает обратное воздействие на систему организации труда и виды создаваемых рабочих мест. Появление широкого слоя населения с высоким уровнем доходов и новыми жизненными укладами привело к комплексному изменению городской среды в результате джентрификации, которая стала возможна благодаря труду большого количества низкооплачиваемых работников [11]. Товары и услуги, предлагаемые в дорогих ресторанах, роскошных отелях, магазинах для гурманов, бутиках, прачечных с ручной стиркой деликатных изделий, а также специальные услуги по содержанию и уборке элитного жилья и прилегающих территорий, являются более трудоемкими и дорогостоящими, чем аналогичные товары и услуги в более дешевом сегменте экономики.

Это привело к тому, чего уже давно не наблюдалось в обществе: к появлению обслуживающих классов в условиях современных обеспеченных домашних хозяйств [12]. Женщина-иммигрантка, обслуживающая белую женщину-специалиста, принадлежащую к среднему классу, заменила «черную рабыню, прислуживающую «белой госпоже». Все это лишь усиливает социальное расслоение в городах.

Таким образом, мы наблюдаем формирование глобальных рынков труда в верхнем и нижнем сегментах экономической системы. В нижнем сегменте большая часть трудовых ресурсов представлена в основном иммигрантами, которые предприняли самостоятельные ус-

---

¹ См., в частности: Sassen S. The global city... Гл. 8, 9. Табл. 8.13, 8.14.

² См.: Buechler S. Deciphering the local in a global neoliberal age...; Gugler J. World cities beyond the West. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004; Parnreiter C. Mexico: The making of a global city...; Schiffer R. S. Sao Paulo: Articulating a cross-border regional economy...

лия для выхода на рынок труда, несмотря на то что в последнее время отмечается значительное расширение сети организаций, специализирующихся на этом виде деятельности. Поиск лиц, готовых заниматься низкооплачиваемым ручным трудом, стать мелкими офисными сотрудниками или работать в сфере услуг, в основном осуществляется специальными фирмами. Удовлетворение спроса на домашнюю прислугу происходит главным образом через миграцию, и все более значимую роль в этом процессе начинают играть соответствующие агентства. Наконец, еще одной бурно развивающейся отраслью являются глобальные кадровые агентства, которые предоставляют фирмам работников различного типа, преимущественно для выполнения каких-либо стандартизированных операций. Некоторые из этих фирм, ранее специализировавшиеся на поиске высококвалифицированных специалистов со всего мира, открыли новое направление в своей деятельности – подбор домашнего персонала, как, например, компания Kelly Services, Inc., работающая по всему миру и входящая, по данным журнала Fortune, в список 500 крупнейших компаний. Эта компания, имеющая офисы в 25 странах, ранее оказывала услуги исключительно по подбору квалифицированных кадров. Однако с недавнего времени ею было открыто новое направление – подбор домашней прислуги и предоставление полного спектра услуг в этой области. В основном фирма ориентируется на людей, нуждающихся в ежедневной помощи. Однако она также обслуживает и тех, кому не хватает времени, чтобы заниматься хозяйством. Иными словами, роль, ранее принадлежавшая матери или жене, в настоящее время передана прислуге [13]. Более того, расширение сети глобальных кадровых агентств имеет непосредственное отношение к оказанию высококвалифицированным специалистам профессиональных услуг в бытовой сфере. Среди услуг такого рода можно отметить различные формы ежедневного ухода, в том числе: встречи, проводы и перевозку членов семьи, уход за ребенком, уборку и приготовление еды [14]. Одно из международных агентств по подбору нянь и помощников по хозяйству (действующее под эгидой разработанной в США программы культурного обмена EF Au Pair) рекламирует свои услуги непосредственно в корпорациях, призывая компании включать возможность найма прислуги в компенсационный пакет, предлагаемый потенциальным сотрудникам с целью решения их бытовых проблем и проблем, связанных с уходом за ребенком. Все чаще возникают ситуации, когда представители формирующегося транснационального класса высококвалифицированных специалистов имеют возможность получить доступ к услугам такого рода в любом из глобальных городов, между которыми они, вероятнее всего, и будут циркулировать.

В верхнем сегменте сферы услуг находится несколько крупных глобальных кадровых агентств (из списка 500 компаний, являющихся таковыми, по мнению журнала Fortune), которые занимаются поиском и наймом специалистов высокого уровня. В 2001 году самым крупным из них была швейцарская многонациональная компания Adecco, имеющая офисы в 58 странах мира. В течение 2000 года 3 млн чел. по всему миру нашли высокооплачиваемую работу именно через Adecco. Агентство Manpower, имеющее представительства в 59 странах, смогло предоставить работу 2 млн человек. Упомянутая ранее фирма Kelly Services в 2000 году помогла трудоустроить 750 тыс. специалистов. Еще более важно то, что существует уже целая система, защищающая права представителей транснационального класса специалистов и управленцев. Эта система находит свое отражение как в типовых трудовых договорах, заключаемых на свободном рынке в наши дни, так и в условиях выдачи новых типов виз, предоставляемых правительствами различных стран¹.

Таким образом, интернационализация рынка труда наблюдается как в его верхнем, так и в нижнем сегменте. Хотя подбор специалистов среднего звена также все чаще осуществляется через кадровые агентства, вряд ли этот сектор рынка будет столь же широко представлен на международной арене. Специалисты среднего уровня чаще всего занимают различные кадровые и административные должности, многие из которых, хотя и требуют умения работать на технически сложном оборудовании, однако являются достаточно специфическими для условий и политико-экономической системы своей страны, чтобы быть востребованными на международном рынке. К этому же сегменту можно отнести всех государственных служащих среднего звена и высокопоставленных чиновников, в частности, тех, кто работает на государственной гражданской службе [15]. Типы трудовой деятельности, относящиеся к верхнему и нижнему сегментам рынка, являются очень разными, но те и другие одинаково реагируют на любые глобальные изменения. Компаниям требуются надежные и желательно талантливые специалисты, которые должны иметь не только узкоспециализированное, но и стандартное образование, чтобы их опыт был применим на глобальном уровне. Со своей стороны эти специалисты предъявляют те же самые требования к прислуге, которую они нанимают для помощи по дому. Открытие в ряде кадровых агентств отделений по подбору домашнего персонала свидетель-

---

¹ Более подробно см.: Sassen S. Territory, authority, rights: From medieval to global assemblages. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006. Гл. 5.

ствуется, с одной стороны, о требованиях глобального рынка труда, а с другой – о необходимости стандартизации услуг, предоставляемых горничными, нянями и работниками по уходу на дому во всем мире.

Понятно, что гораздо легче признать, что главную роль в экономике развитых стран играют представители верхнего сегмента рынка труда, то есть высокооплачиваемые специалисты и ведущие корпорации, символизирующие собой аккумулированный инженерно-технический опыт, точность и мастерство. И совсем не просто заметить роль водителей грузовиков, горничных, нянь и других работников сферы обслуживания, хотя все они являются неотъемлемой составляющей экономики. Появляются все новые и новые профессии, компании и даже целые области деятельности, которые хотя и кажутся мало относящимися к городской экономике с доминированием финансов и специализированных услуг, на самом деле могут являться важнейшей частью экономической системы. Все это происходит на фоне резкого обострения социальных различий и различий в доходах, а также часто на фоне деления по признакам пола, расы или этнической принадлежности. Все низкооплачиваемые работники точно так же участвуют в динамичном и запутанном обороте глобального капитала, занимая при этом нижний сегмент рынка, развитие которого идет практически параллельно динамике оборота капитала, обслуживающего верхний сегмент рынка труда, то есть юристов, бухгалтеров, специалистов в области телекоммуникационных технологий и т. п.

Новый режим занятости в глобальных городах

Существуют три процесса экономической и пространственной организации, которые я считаю ключевыми при рассмотрении данного вопроса. Одним из них является расширение сектора производственных услуг с одновременной концентрацией корпоративных штаб-квартир в крупных городах. Хотя появление большинства новых рабочих мест не может быть объяснено только лишь развитием этого сектора, тем не менее его создание означает формирование нового режима экономической деятельности и связанных с ним пространственных и социальных преобразований, наблюдаемых в крупных городах.

Вторым процессом является снижение роли производственного сектора. Я использую это понятие для описания способа политической и технической реорганизации производства, который следует отличать от понятий упадка и морального износа, часто применяемых при описании устаревшей производственной деятельности. Снижение роли производственного сектора представляет собой способ его включения в экономику постиндустриального общества

и вовсе не означает старение и износ. Этот процесс предполагает адаптацию к ситуации, при которой, с одной стороны, все большее количество производителей должно конкурировать с дешевым импортом, а с другой, возможности для получения прибыли в сфере производства в целом оказываются более скромными по сравнению с ведущими секторами экономики, такими как телекоммуникационные технологии или финансы и связанные с ними области производства.

Третьим процессом является информализация или перевод все большего количества различных видов хозяйственной деятельности в область теневой экономики, что влияет и на снижение роли производственного сектора. Информализация также представляет собой режим реорганизации производства и распределения товаров и услуг в условиях, когда значительное количество компаний, имеющих стабильный локальный спрос на свои товары и услуги, тем не менее оказывается не в состоянии конкурировать с дешевым импортом или предложением более крупных высокодоходных фирм, возникших в результате быстрого развития передовой отрасли корпоративных услуг. Выход за формальные регулятивные рамки (пусть даже частичный) существенно повышает экономические возможности таких фирм.

В контексте данной главы прежде всего меня интересует, имеются ли какие-либо точки соприкосновения и обратная связь между этими обозначенными процессами. Если связь между различными экономиками и соответствующими им рынками труда действительно существует, то можно смело утверждать, что необходимо заново переосмыслить некоторые из основных положений, относящихся к постиндустриальной экономике, например, постулат о том, что такой экономике требуется значительное количество высокообразованных работников и высокотехнологичных фирм; что информализация и снижение роли производственного сектора касаются только лишь импорта из стран третьего мира или являются пережитком прошлого. Доказательством этому служит постепенное утверждение в городской экономике новой структуры трудовой занятости, характерной особенностью которой является преобладание сферы современных услуг, где создаются новые низкооплачиваемые рабочие места, не требующие высокого уровня образования. Политически и теоретически это указывает на то, что низкооплачиваемые рабочие места и низкорентабельные предприятия представляют собой одно из направлений системного развития экономики передовых городов.

Увеличение количества низкооплачиваемых рабочих мест, будучи особенностью общей тенденции роста, предполагает реорганизацию трудовых отношений. Чтобы убедиться в этом, следует рассмотреть различные характеристики рабочих мест в зависимости от их

отраслевой принадлежности¹. Стоит отметить, что даже в самых динамичных и технологически передовых секторах экономики может существовать большое количество низкооплачиваемых и «бесперспективных» рабочих мест. Кроме того, решающее значение имеет различие между отраслевыми характеристиками и отраслевыми моделями развития: например, отстающие сектора, такие как производственный или обслуживающий, предполагающий существование рабочих мест с низкой заработной платой, могут являться важнейшими составляющими развития передовых экономик. Несмотря на это, по-прежнему принято считать, что отстающие сектора характеризуются исключительно тенденциями к упадку. Более того, существует аналогичное устойчивое мнение, что в таких передовых отраслях, как, например, финансовая сфера, работа предлагается только лишь высокооплачиваемым специалистам. На самом деле это не так, поскольку и в этих сферах существует большое количество низкооплачиваемых рабочих мест, начиная от уборщиц и заканчивая мелкими служащими фондовой биржи [16].

Оформление трудовых отношений на основе срочных договоров

Сегодня мы наблюдаем процесс формирования новых типов сегментации рынков труда, который начался в 1980-х годах и получил дальнейшее развитие в 1990-е годы и позднее. В данном случае обращают на себя внимание две основные тенденции. Во-первых, передача ряда функций рынка труда и связанных с ними издержек домохозяйствам и сообществам. Во-вторых, ослабление роли компаний в структурировании трудовых отношений. По большей части эта функция теперь выполняется рынком.

Изменения на рынке труда и передача функций домохозяйствам или сообществам наглядно проявляются в случае с иммигрантскими общинами. Но возможно это всего лишь одна составляющая более общего механизма, требующего дальнейшего изучения. Существует большое количество доказательств, подтверждающих, что как только один или несколько иммигрантов нанимаются на работу в каком-то месте, они непременно привлекают к ней и других членов своих общин по мере возникновения вакансий. Также имеются многочисленные свидетельства того, что иммигранты часто оказывают помощь своим соотечественникам, обучая их непосредственно на рабочем месте (в том числе и языку), помогая войти в коллектив и адаптиро-

---

¹ Более подробную информацию об эмпирической спецификации этих различий см.: Sassen S. The global city... Гл. 8.

ваться к новым условиям. Это постепенно приводит к передаче таких традиционных функций рынка труда, как найм, отбор персонала и обучение, к общинам и домохозяйствам. Такая передача функций повышает ответственность сообществ и отдельных семей, а также умножает издержки, которые несут трудящиеся в связи с наймом на работу, даже если эти издержки не предполагают денежного выражения [17]. Все эти вопросы требуют дальнейшей проработки, принимаемая во внимание особенности того переходного периода, который мы сейчас переживаем.

Что касается ослабления роли компаний в организации трудовых отношений, то этот процесс способен принимать самые различные формы. Одной из них является снижение доли внутренних рынков труда в структуре занятости. Это проявляется как в сокращении удельного веса вертикально интегрированных компаний, так и в реструктуризации спроса на рабочую силу во многих фирмах в сторону биполярности, то есть роста спроса на узкоспециализированных и высокообразованных сотрудников, с одной стороны, с одновременным повышением потребности в неквалифицированных кадрах, с другой, независимо от того, будут ли это делопроизводители, работники сферы услуг и техобслуживания либо рабочие, занятые на производствах, не требующих особых знаний, о чем шла речь в предыдущей части. Сокращение спроса на сотрудников, имеющих средний уровень квалификации и профессиональной подготовки, в свою очередь снизило потребность фирм в наличии внутренних рынков труда с длинными очередями сотрудников, ожидающих продвижения по службе, тогда как ранее эти фирмы пользовались возможностями таких рынков в качестве механизмов организации учебы персонала прямо на рабочем месте. Децентрализация крупных вертикально интегрированных производственных предприятий, включая их офшорные отделения, привела к падению роли профсоюзов, понижению заработной платы, усилению потогонной системы и появлению производства на дому. Помимо прочего, этот процесс предполагает перевод в более низкую категорию ряда существовавших ранее или вновь созданных рабочих мест (например, в сфере сборки электронной аппаратуры). Более того, количество работающих неполный рабочий день или имеющих временную занятость растет более высокими темпами, чем численность тех, кто работает полный рабочий день. Так, в Соединенных Штатах быстрее всего возрастает доля работников сферы обслуживания, занятых неполный рабочий день. Этот показатель в два раза превышает средний рост занятости по стране. За первое десятилетие XXI века также значительно вырос показатель принудительной или вынужденной неполной занятости. Другим эм-

пирическим подтверждением казуализации труда является быстрое распространение агентств занятости, которые готовы предоставлять широкий выбор услуг, ориентируясь на изменчивые требования рынка. Начиная с 1980-х годов условия найма существенно изменились для значительной доли работников.

Представляется, что наблюдаемая сегодня тенденция к казуализации трудовых отношений затрагивает не только традиционно «временные» типы занятости, но также и те виды работ, в которых требуется высокий профессиональный уровень подготовки и которые во многих отношениях временными не являются¹. Необходимо четко дифференцировать трудовые отношения, строящиеся на временной основе, и «непостоянную работу» вообще. Последняя всегда ассоциируется с бесправием рабочих, то есть состоянием, которое никак не может относиться к некоторым категориям узкоспециализированных профессионалов, работающих неполный день или занятых на временных работах. Эта тема требует дальнейшего исследования [18].

Одной из крайних форм казуализации труда и изменений, происходящих в организации экономики, является информализация все большего числа различных видов деятельности и их переход в область теневых экономических отношений. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в таких городах, как Нью-Йорк, Париж, Лондон, Амстердам и ряде других [19].

Информализация труда

Привычным объяснением возникновения неформальной экономики, особенно распространенным в странах глобального Севера, является экономическая несостоятельность бедных стран. Ею, в частности, объясняется как массовый приток мигрантов в государства глобального Севера, так и перенос практик неформального экономического взаимодействия на новую почву передовых городских экономик – Нью-Йорка, Лондона, Парижа и др. Этот цикл воспроизводится благодаря неспособности правительств бедных стран модернизировать экономику, остановить миграцию в города и внедрить программы обеспечения всеобщего образования и грамотности среди населения.

Вместо того чтобы рассматривать иммиграцию из стран глобального Юга в качестве причины информализации, стоит критически проанализировать ту роль, которую в этом процессе могут играть ми-

---

¹ Sassen S. The global city...; Sassen S. A sociology of globalization...

гранты. С одной стороны, поскольку иммигранты, как правило, образуют сообщества, они вполне могут воспользоваться возможностями, представляемыми ростом неформальных отношений. Но при этом вовсе не обязательно, что иммигранты сами создают такие возможности. В моем представлении факты указывают на то, что эти возможности являются структурным результатом наблюдаемых сегодня тенденций развития передовых экономик¹, тех тенденций, которые распространяются и на политическую сферу².

Центральной гипотезой моих исследований неформальной экономики является утверждение о том, что процессы структурной перестройки, способствовавшие упадку конвейерного производства послевоенной эпохи и появлению нового хозяйственного комплекса, основанного на доминировании сферы услуг, представляют собой контекст, в который необходимо поместить и явление информализации, если мы хотим выйти за рамки простой констатации фактов теневых отношений. В ходе анализа я выяснила, что информализации благоприятствует сочетание двух факторов: (а) роста неравенства в доходах и связанной с этим реструктуризации потребления среди групп населения с высоким и низким уровнем доходов; (б) неспособности поставщиков многих товаров и услуг, спрос на которые является частью новой структуры потребления, конкурировать за необходимые ресурсы в условиях городской среды, где в ведущих отраслях резко взвинчиваются цены на аренду площадей, трудовые ресурсы, услуги вспомогательных служб и другие основные компоненты хозяйственной деятельности.

Одной из основных тенденций является то, что сокращение численности среднего класса, рост числа специалистов с высоким уровнем доходов, а также постоянное увеличение категорий малообеспеченных граждан оказали существенное влияние на структуру потребления, что отразилось на изменениях в организации труда, позволивших удовлетворить новые потребности населения. Одна составляющая спроса на товары и услуги, обеспечивающие рост теневой экономики, – это спрос, который не был удовлетворен официальной экономикой, а также результат фрагментации некогда достаточно однородного рынка среднего класса. Другая составляющая – внутренние потребности малообеспеченных слоев населения, более не способных покупать товары и услуги, предлагаемые в рамках легальной экономики.

---

¹ Sassen S. The global city...

² Sassen S. Territory, authority, rights...

Изменение модели бытового потребления, особенно очевидное в крупных городах, приводит к созданию иной системы организации трудовой деятельности, отличной от той, что утвердилась на крупных предприятиях с четко регламентированным порядком работы. Эта разница в организации труда видна как на уровне розничной торговли, так и на этапе производства. Высокий уровень доходов и джентрификация городской среды породили растущий спрос на товары и услуги, не производимые в массовых масштабах и не реализуемые через супермаркеты. Эксклюзивные брендовые товары и изысканные блюда создаются индивидуально или небольшими партиями, что является весьма трудоемким процессом. Такие товары продаются только через небольшие магазины, предлагающие полный спектр соответствующих услуг. Чаще всего эта продукция производится на основе субподряда, позволяющего снизить себестоимость за счет выполнения определенного ряда простых низкокзатратных операций. Кроме того, распространенным явлением оказывается производство в домашних условиях или в незаконных цехах, нередко использующих рабский труд. Система создания рабочих мест и круг фирм, участвующих в производстве и продаже такой продукции, значительно отличаются от тех, что предназначены для снабжения крупных универмагов и супермаркетов, в которых широко представлены стандартизированные продукты и услуги, поставляемые крупными предприятиями, как правило, расположенными за городской чертой. Близость к магазинам имеет гораздо большее значение при производстве штучных товаров. Кроме того, в отличие от индивидуальных производств, производство и поставка товаров в массовом масштабе способствуют объединению трудящихся в профсоюзы¹ [20].

Рост численности населения с низким уровнем доходов также способствует быстрому распространению небольших предприятий и отходу от крупных фабрик стандартизированного производства и сетевых магазинов. Это объясняется необходимостью снижения себестоимости товара. Потребности малообеспеченного населения удовлетворяются в основном за счет продажи товаров, изготовленных на малых предприятиях (часть из которых являются семейными). Довольно часто такие товары не соответствуют нормам безопасности и даже могут угрожать здоровью потребителей. Например, дешевая, произведенная в нелегальных цехах одежда по стоимости может конкурировать с недорогими товарами, импортированными из стран Азии, а маленький продуктовый магазин, принадлежащий

---

¹ Fantasia R., & Voss K. *Hard work: Remaking the American labor movement*. Berkeley: University of California Press, 2004; Tait V. *Poor workers' unions: Rebuilding labor from below*. Boston: South End, 2005.

иммигранту, вполне способен заменить собой крупный супермаркет. Постоянно расширяющийся ассортимент продуктов и услуг, от недорогой мебели, изготовленной где-нибудь в сарае, до услуг водителей-частников и семейных детских садов, способен удовлетворить любые потребности растущих групп малообеспеченного населения.

В любом крупном городе, как правило, наблюдается рост сети больших предприятий сферы обслуживания, что вызвано высокой степенью концентрации населения и ежедневным притоком приезжих и туристов. С одной стороны, это является серьезным стимулом для открытия таких предприятий, а с другой, приводит к жесткой конкуренции и значительно снижает доходы их владельцев. В таких условиях стоимость рабочей силы имеет решающее значение, и весьма вероятно, что именно это обуславливает наличие в городах огромного количества низкооплачиваемых рабочих мест.

Таким образом, можно предположить, что развитие значительной части неформальных экономических взаимодействий связано не столько со стратегиями выживания иммигрантов, сколько со структурными трансформациями системы городского хозяйства в крупных передовых государствах. Иммигранты быстро поняли, как воспользоваться возможностями и извлечь выгоду из сложившихся условий¹, но при этом нельзя сказать, что именно они являются причиной возникновения неформальной экономики. Информализация возникает как результат использования отдельными лицами и фирмами (потребителями и производителями) целого ряда схем и механизмов с целью получения максимальной эффективности в условиях растущего неравенства в доходах и возможностях для получения прибылей, о чем говорилось ранее. Эти условия являются неотъемлемой составляющей текущего этапа развития капитализма и наиболее отчетливо просматриваются в крупных городах, экономика которых характеризуется преобладанием новой структуры сферы услуг, ориентированной на мировые рынки, и возможностью получения чрезвычайно высоких прибылей. Эти условия вовсе не привнесены из стран «третьего мира».

Заключение

Представленный анализ показывает, что многие тенденции социально-экономического и политического развития, которые обычно

---

¹ Menjivar C. Fragmented ties: Salvadoran immigrant networks in America. Berkeley: University of California Press, 2000; Smith R. C. Mexican New York: Transnational worlds of new immigrants. Berkeley: University of California Press, 2005; Suarez-Orozco M. M., & Paez M. Latinos: Remaking America. Berkeley: University of California Press, 2002; Waters M. C. Black identities: West Indian immigrant dreams and American realities. New York: Russell Sage, 1999.

принято рассматривать на микроуровне, на самом деле имеют сложные взаимосвязи с некоторыми процессами реструктуризации экономики на макроуровне. Рассматриваемые здесь процессы не являются универсальными и всеобщими, а носят во многом частный и специфический характер. Например, трудовая миграция – это не просто вопрос стратегии выживания мигрантов и членов их семей. Это проявление на микроуровне более масштабных процессов структурной перестройки экономики в отправляющих и принимающих странах. К ним, в частности, относятся программы МВФ и Всемирного банка, внедрение которых привело к упадку традиционной экономики в странах глобального Юга и вынудило правительства этих стран перенаправить большую часть государственных доходов на обслуживание долга. Эти же процессы предполагают наличие растущего спроса на широкий спектр товаров и услуг, производимых низкооплачиваемыми работниками, задействованными в наиболее передовых, а вовсе не отстающих секторах экономики развитых стран.

Во-вторых, подробно рассматривается то, каким образом гендерный фактор приобретает стратегическую значимость для возникновения и функционирования описанных выше процессов реструктуризации и связанных с ними экономических изменений. И опять же речь здесь идет не об универсальных и всеобщих типах гендерной дифференциации, а об особых конкретных случаях. Так, проблема торговли женщинами касается не только контрабандистов и их жертв. Она имеет множество составляющих как на микро-, так и макроуровне, которые являются частью ключевых компонентов новой реструктурированной экономики. Торговля женщинами-иммигрантками, используемыми в секс-индустрии, дает подпитку системе более масштабных политико-экономических взаимодействий, создавая дополнительные возможности для деятельности мелких и крупных контрабандистов, и тем самым одновременно выступает дополнительным стимулом для развития индустрии туризма в целом и связанных с ней всевозможных потребительских услуг. Кроме того, такая торговля приносит определенный доход в государственную казну, что особенно существенно для стран, которые в соответствии с программами поддержки, навязанными МВФ и Всемирным банком, должны выделять значительный процент всех прибылей на обслуживание выданных ранее кредитов. Денежные переводы мигрантов являются важным источником иностранной валюты для целого ряда бедных стран. Но стоит заметить, что и здесь основной акцент в работе сделан скорее на специфике и особенностях этих процессов, нежели на их общезначимых последствиях.

Я полагаю, что сегодня мы выступаем свидетелями формирования альтернативной политической экономики, возникающей в результате наложения друг на друга основных глобальных тенденций, которые все более отчетливо проявляют себя во многих слаборазвитых странах. Одним из таких проявлений оказывается формирование альтернативных схем выживания отдельных домохозяйств, компаний и даже правительств за счет бедных и малообеспеченных недооцененных женщин.

Стратегическая значимость гендерного фактора наблюдается как в сфере производства, так и общественного воспроизводства передовых отраслей экономики глобальных городов. Макроуровневый контекст в данном случае определяет то, что в этих городах уже сформирована инфраструктура, необходимая для специализированного обслуживания, финансирования и управления глобальными экономическими процессами. Все элементы этой инфраструктуры должны функционировать как часы, включая и профессиональных работников. При этом особая значимость гендерного фактора объясняется тем, что именно женщины чаще всего преуспевают в решении вопросов культурного посредничества, выстраивании доверительных отношений и сглаживании острых углов межнациональных различий. За последнее время важность культурного посредничества существенно возросла в результате процесса глобализации компаний и рынков и, как следствие, постоянной необходимости проникать в новую среду как внутри страны, так и за рубежом. Причем в каждом случае со своими особенностями.

Что касается сферы общественного воспроизводства, то гендерный фактор приобретает особое значение для работающих в глобальном городе специалистов высокого класса по двум причинам. Во-первых, в современной городской семье исчезает классическое понятие «жены», так как женщина вынуждена проводить долгие часы на работе, где к ней предъявляются высокие требования. Результатом этого выступает широкое распространение в глобальных городах такого явления, как «домохозяйства без “жены”». Причем это происходит именно в то время и в тех условиях, когда семьи должны не просто обеспечить выживание, а создавать качественный микроклимат, необходимый для нормального отдыха их работающих членов в комфортных домашних условиях. Я полагаю, что такой тип семей должен рассматриваться в качестве составляющей стратегической «инфраструктуры» глобальных городов, а используемая в них домашняя прислуга, труд которой оплачивается довольно низко, на деле является категорией работников, обеспечивающих функционирование этой инфраструктуры. Я считаю, что социальные системы,

представленные такими типами семей, не могут рассматриваться исключительно в категориях патриархальных отношений, хотя это явно динамичное образование, где специалисты, неважно мужчины это или женщины, всегда выполняют мужские функции. Вместе с тем такие домохозяйства нельзя рассматривать и как возврат к системе, в которой существуют обслуживающие классы. Наконец, также нельзя ограничиться исключительно анализом плохих условий труда, эксплуатации и полной незащищенности работников семьи. Все эти подходы подчеркивают важные особенности таких домохозяйств. Но в аналитическом плане они не объясняют стратегической значимости нормального функционирования современных городских семей для ведущих секторов экономики глобальных городов. Я считаю, что такие домохозяйства фактически поддерживают существование всей стратегической инфраструктуры – они являются частью глобальной корпоративной экономики, а следовательно, и оцениваться должны соответствующим образом.

Иммигранты и женщины, принадлежащие к национальным меньшинствам, оказываются наиболее востребованной категорией для работы в таком типе домохозяйств. Их положение как бы символизирует точку пересечения между условиями существования в странах глобального Юга и городах глобального Севера. Кроме того, принадлежность женщины к категории иммигрантов или национальных меньшинств фактически разрушает устойчивый принцип, согласно которому выполнение важных функций в глобальной корпоративной экономике предполагает возможность стать самостоятельной и влиятельной рабочей силой, что, в частности, демонстрировал опыт индустриальных экономик. В этом смысле категория «женщины-иммигрантки» выступает в качестве системного эквивалента «офшорного» женского пролетариата.

Примечания

- ¹ Существуют также важные исследования, посвященные новым формам трансграничной солидарности, в частности, организациям, борющимся с насилием и чрезмерной эксплуатацией женщин. В других своих работах я анализировала возможности распространения этой практики, в том числе касаясь вопроса, в какой степени эти организации могут функционировать в глобальном масштабе, используя сложившиеся «инфраструктуры» экономической глобализации – коммуникационную, культурную и правовую (см.: Sassen S. Territory, authority, rights...; более полную информацию об «инфраструктуре» можно найти в: Brenner N., & Keil R. The global

cities reader. New York: Routledge, 2005; Taylor P. J. Cities in globalization: Practices, policies, and theories. New York: Routledge, 2006).

- ² Осуществление программ структурной перестройки стало новым требованием, выдвигаемым Всемирным банком и Международным валютным фондом на основании того, что этот процесс должен гарантировать долгосрочное стабильное развитие стран и трезвую государственную политику. При этом все страны, взявшие кредиты, оказались в долговой ловушке. Из них 41 страна имеет крайне высокую степень задолженности. Целью таких программ было повышение конкурентоспособности государств, что обычно означает резкое снижение расходов на различные социальные программы. К 1990 году было выдано почти 200 кредитов такого рода. В 1990-е годы еще несколько стран стали должниками МВФ, получив кредиты, направленные на реализацию программ структурной перестройки. Большая часть этого долга должна быть выплачена международным институтам (МВФ, Всемирный банк и региональные банки развития), двусторонним учреждениям по финансированию развития, отдельным странам и Парижскому клубу кредиторов.
- ³ Фактическая структура этих долгов, их обслуживание и то, как они вписываются в экономики стран-должников, предполагают, что в нынешних условиях большинство из этих стран не сможет выплатить свой долг в полном объеме. Программы структурной перестройки во многом усугубили ситуацию, поскольку требовали проведения экономических реформ, которые вели к росту безработицы и банкротству многих небольших государственных компаний. Одним из признаков провала этих программ является тот факт, что в начале 2006 года страны-кредиторы проголосовали за формальное списание задолженности 18 беднейших государств и предложили рассмотреть возможность списания долгов еще нескольких наиболее отсталых стран.
- ⁴ Основным источником информации о денежных переводах является центральный банк каждой из получающих переводы стран. Данные по неформальным переводам не учитываются.
- ⁵ См.: http://www.livelihoods.org/hot_topics/migration/remittancesindex.html
- ⁶ Существуют многочисленные доказательства фактов совершаемого в ряде стран насилия в отношении «невест по переписке», независимо от их национального происхождения. В США Служба иммиграции и натурализации неоднократно заявляла о домашнем насилии в отношении жен, знакомство с которыми происходило по переписке, как об острой проблеме (см.: Yamamoto S. Intermediaries and migration in the United States. Unpublished doctoral dissertation, Department of Sociology, University of Illinois at Urbana-Champaign, 2008). Опять же закон здесь направлен против таких женщин, поскольку в случае обращения за помощью менее чем через два года после заключения брака, они подлежат задержанию и высылке. В Японии жены-иностранки, познакомившиеся со своими мужьями по переписке, не имеют равного правового статуса с другими гражданами страны. При этом существует немало свидетельств того, что многие из

них постоянно подвергаются насилию не только со стороны мужа, но и со стороны других членов его семьи.

- ⁷ До 1989 года правительство Филиппин выдавало разрешения на работу большинству брачных агентств, однако при правительстве Корасон Акино такая деятельность была запрещена в связи со вскрывшимися многочисленными фактами насилия со стороны иностранных мужей. Тем не менее полностью ликвидировать эти организации не получилось, и некоторые брачные агентства продолжают оказывать свои услуги в нарушение закона.
- ⁸ Исследования по проблемам, рассматриваемым во второй части данной работы, огромны. Указать в ссылках все основные источники, в которых упоминаются обсуждаемые здесь вопросы, не представляется возможным. В своих более ранних работах я уже рассматривала большую часть этих трудов (см.: Sassen, S. *The global city...*; Sassen S. *Territory, authority, rights...*; Sassen S. *A sociology of globalization...*).
- ⁹ Это совершенно самостоятельный предмет исследования, которому посвящен стремительно увеличивающийся объем литературы (для полного обзора см.: Bryson J. R., & Daniels P. W. (Eds.). *The handbook of service industries*. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2006. В рамках данной работы не представляется возможным подробно развить эту тему, поэтому здесь приводится лишь несколько обобщающих суждений (более обстоятельное рассмотрение и подробный список источников даны в моих ранних статьях, см.: Sassen, S. *The global city...*; Sassen S. *Territory, authority, rights...*). С моей точки зрения, рост спроса на услуги и в особенности на покупаемые услуги во всех отраслях экономики является, пожалуй, самым главным условием изменений, происходящих в экономических системах развитых странах. Одним из признаков этого можно считать стоимость покупаемых услуг во всех отраслях хозяйственной деятельности. С целью изучения такой стоимости я проанализировала национальные отчетные данные, полученные в различных секторах производства и сферы услуг за разные периоды начиная с 1960 года. Результаты показали, что стоимость услуг, приобретаемых компаниями в это время, неуклонно возрастала во всех отраслях. Это оказало заметное воздействие на распределение доходов, организацию производства и пространственное рассредоточение точек экономического роста. Кроме того, это способствовало серьезному росту спроса на услуги со стороны компаний всех отраслей экономики (от добывающей и обрабатывающей промышленности до сферы финансов и обслуживания), а также со стороны домохозяйств как богатых, так и бедных.
- ¹⁰ Например, данные, проанализированные Смидингом (см.: Smeeding T. *Globalization, inequality, and the rich countries of the G-20: Evidence from the Luxembourg Income Study (LIS) (Working Paper No. 320)*. Paper prepared for the G-20 meeting, *Globalization, Living Standards and Inequality: Recent Progress and Continuing Challenges*, Sydney, 2002) и полученные в 25 развитых или развивающихся странах, показали, что начиная с 1973 года доходы 5 % верхушки общества выросли почти на 50 %, в то время как доходы 5 % самых малообеспеченных групп населения сократились примерно

на 4 %. По данным Бюро переписи населения США, в период с 1970 по 2003 год доля 5 % богатейших семейств в совокупном национальном доходе Соединенных Штатов выросла с 16 до 21 %, а доля 20 % состоятельных граждан – с 41 до 48 %. Все эти цифры, однако, не дают возможности надлежащим образом оценить истинное неравенство в доходах, поскольку самые высокооплачиваемые работники, кроме всего прочего, имеют независимые от зарплаты доходы, а в группу, к которой отнесено 5 % малообеспеченного населения, как правило, не включаются те, кто вообще не имеет никаких источников дохода и зависят от друзей или родственников либо становятся бездомными и надеются на помощь благотворительных организаций.

¹¹ Потребительские нужды растущих групп малообеспеченного населения в крупных городах также чаще всего удовлетворяются скорее за счет более трудоемких производств, нежели за счет производства стандартизированных товаров и услуг на предприятиях, контролируемых профсоюзами. Такие трудоемкие производства включают в себя небольшие, основанные на семейном труде предприятия розничной торговли, где часто не соблюдаются даже минимальные требования безопасности и гигиены труда. Постоянно расширяющийся ассортимент продуктов и услуг, от недорогой мебели, изготовленной где-нибудь в сарае, до услуг водителей-частников и семейных детских садов, способен удовлетворить любые потребности малообеспеченного населения. Существуют многочисленные примеры того, как усиливающееся неравенство в доходах перекраивает структуру потребления и как это воздействует на организацию производства как в формальной, так и неформальной экономике.

¹² Некоторые из этих вопросов хорошо описаны в исследованиях, посвященных работе домашней прислуги (в частности, см.: Hochschild A. *Global care chains and emotional surplus value*. In A. Giddens & W. Hutton (Eds.), *On the edge: Globalization and the new millennium*. London: Sage, 2000. P. 130–146; Parreñas R. S. (Ed.). *Servants of globalization...*; Ribas-Mateos N. *Una Invitación a la Sociología de las Migraciones [An invitation to the sociology of migrations]*. Barcelona: Edicions Bellaterra Ribas-Mateos, 2004; Ribas-Mateos N. *The Mediterranean in the age of globalization: Migration, welfare, & borders*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 2005). Кроме того, свидетельством актуальности этих вопросов является быстрый рост числа международных организаций, предлагающих услуги различного домашнего персонала. Более подробную информацию о проблемах экспатриантов можно найти в публикациях Хиндмана (см., напр.: Hindman H. *Outsourcing difference: Expatriate training and the disciplining of culture*. In S. Sassen (Ed.), *Deciphering the global: Its spaces, scales and subjects*. New York: Routledge, 2007. P. 153–176).

¹³ Услуги по уходу на дому включают в себя помощь в купании и одевании, приготовление пищи, прогулки, помощь со вставанием с кровати и укладыванием на кровать, напоминание о приеме лекарств, перевозку, уборку, разговоры и дружеское общение. Хотя такие услуги в меньшей степени

связаны с бытовыми потребностями состоятельных семей высококвалифицированных специалистов, это тот случай, когда многие из этих домашних дел ранее были обязанностью домохозяйки в любой из стран глобального Севера.

¹⁴ Самыми заметными представителями этого рынка являются международные агентства по найму нянь и помощников по хозяйству: International Nanny and Au Pair Agency со штаб-квартирой в Великобритании; Nannies Incorporated, базирующееся в Лондоне и Париже и International Au Pair Association, размещающаяся в Канаде.

¹⁵ Следует отметить, что хотя приток специалистов для работы в правительственных органах не носит международного характера, тем не менее сегодня наблюдаются две важные тенденции, которые в некотором роде можно считать интернациональными. Одной из них является прием на работу видных иностранных специалистов, которые ранее зарекомендовали себя на высокой должности в правительстве своей страны (известным примером этого может служить прием на работу высокопоставленного представителя транспортного департамента Нью-Йорка с целью совершенствования работы общественного транспорта в Лондоне). Другой тенденцией является интенсивное развитие глобальной сети особых правительственных учреждений, в частности, в областях конкурентной политики, иммиграции или борьбы с терроризмом (Sassen S. A sociology of globalization...); причем эти сети могут носить неформальный характер или выходить за рамки формальных установлений.

¹⁶ Для того чтобы показать пространственный аспект этих взаимосвязей, я разработала понятие цепочек распределения и процедуры проведения хозяйственных операций, которое использую как аналитический инструмент, позволяющий отслеживать полный спектр создаваемых рабочих мест, а также все формы, виды деятельности и пространства, образующие тот или иной сектор либо отрасль экономики. Кроме того, это понятие позволяет отразить все разнообразие видов экономической деятельности, трудовых культур и городских жилых районов, которые являются неотъемлемой составляющей, например, финансового сектора Нью-Йорка, но которые обычно с этим сектором не ассоциируются. В частности, условия жизни и работы водителей грузовиков, поставляющих программное обеспечение, или уборщиц кардинально отличаются от условий жизни и работы финансовых экспертов, однако при этом все они являются частью одной отрасли. Эти цепочки также дают возможность опровергнуть устойчивое аналитическое заключение о том, что применение низкооплачиваемого труда иммигрантов ограничено исключительно «отстающими отраслями», которое основано на чисто внешних признаках таких профессий. И, наконец, они позволяют нам быть более гибкими в теоретическом плане и преодолевать узкие рамки устоявшихся представлений об «экономике», рассматривая те явления, которые обычно оказываются за пределами этих границ (Sassen S. Territory, authority, rights...).

- ¹⁷ Здесь можно увидеть интересную параллель с ранними работами Гершуни и Майлза (Gershuny J., & Miles I. *The new service economy: The transformation of employment in industrial societies*. New York: Praeger, 1983), в которых показано, что одной из составляющих экономики сферы услуг является передача семье функций, ранее традиционно выполнявшихся компаниями. Например, мебель и даже техника сейчас нередко продаются в разобранном виде и собираются покупателем самостоятельно.
- ¹⁸ Эти обстоятельства делают актуальными несколько вопросов, связанных с трудоустройством мигрантов, требуя дальнейших эмпирических исследований. Наиболее общим из них является вопрос о том, каким образом казуализация трудовых отношений влияет на возможность трудоустройства иммигрантов в конкретных отраслях экономики и, наоборот, каким образом наличие большого количества временных работников влияет на характеристики самого рынка труда? А если быть более конкретными, зависит ли стремление нанимателей оформлять срочные трудовые договора от наличия на рынке большого количества рабочих-иммигрантов, и если да, то каким образом это происходит? Второй вопрос, в какой мере иммигранты являются эффективной рабочей силой для многих из этих временных вакансий? И, в-третьих, как иммиграционная политика влияет на характеристики предлагаемых трудовых ресурсов и, в частности, каким образом это способствует росту или сокращению спроса на временные рабочие места на рынке труда?
- ¹⁹ Хотя этот предмет изучения является противоречивым из-за недостатка точных данных, тем не менее все большее количество обстоятельных полевых исследований дает важную информацию о масштабах и динамике развития неформальной экономики. См., напр.: Tabak F., & Chrichlow M. A. (Eds.). *Informalization: Process and structure*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2000; Martin P. *Economic integration and migration: The case of NAFTA*. In *Proceedings of the Conference on International Migration at Century's End: Trends and Issues*. Liege, Belgium: International Union for the Scientific Study of Population, 1997; Roulleau-Berger L. (Ed.). *Youth and work in the postindustrial cities of North America and Europe*. Leiden, the Netherlands: Brill, 2003; Fernández-Kelly M. P., & Shefner J. *Out of the shadows*. College Station, PA: Penn State University Press, 2005; Venkatesh S. A. *Off the books: The underground economy of the urban poor*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006; и Zolniski C. *Janitors, street vendors, and activists: The lives of Mexican immigrants in Silicon Valley*. Berkeley: University of California Press, 2006. При этом они представляют собой лишь незначительную часть всех работ, посвященных проблемам неформальной экономики в высокоразвитых странах.
- ²⁰ Существуют многочисленные примеры того, как усиление неравенства в доходах перекраивает структуру потребления в таких городах, как Нью-Йорк, и, как это влияет на организацию работы в формальной и неформальной экономиках. Например, создание специального парка такси, обслуживающего исключительно финансовый район, происходило па-

раллельно с ростом количества частников, работающих только в малообеспеченных районах, куда не выезжают обычные такси. Другим примером могут служить индивидуальный ландшафтный дизайн в джентрифицированных районах и недорогое благоустройство бедных гетто. Еще одна иллюстрация – рост количества надомников и работников подпольных цехов, производящих либо очень дорогие дизайнерские вещи, предназначенные для бутиков, либо очень дешевые товары для бедняков.

Пер. Е. Новиковой, ред. М. Ильченко

Глава 5. КРИЗИС ПЛАНИРОВАНИЯ И ПОСТФОРДИСТСКИЙ ГОРОД

Создание первой линии конвейерной сборки автомобилей «Форд Т» в 1912–1914 годах стало кульминационной точкой в развитии массового промышленного производства. Еще в 1776 году Адам Смит, описывая существующий в то время способ изготовления булавок, раскрыл основные принципы, которые впоследствии привели к формированию фордизма: разделение всего производственного процесса на ряд простейших коротких операций, каждая из которых выполняется отдельным работником, а все вместе являются мощным средством повышения эффективности производства и производительности труда. Смит писал: «Таким образом, сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими...»¹ Разнообразные эксперименты с конвейерными лентами, проводимые со второй половины XIX века, и создание технократических теорий, таких как тейлоризм, подготовили дорогу для появления фордизма как одного из проявлений индустриализации. К концу Первой мировой войны в России, Великобритании, Германии и других странах инновационные идеи Форда стали популярны среди инженеров, политиков, чиновников, художников и других профессионалов².

Несмотря на то что первоначально идеи Форда касались исключительно реорганизации процесса производства и использования трудовых ресурсов на его собственном заводе, влияние фордизма впоследствии оказалось намного глубже и охватило весь цикл производства и потребления. Форд показал, что появление сборочной линии и стандартизация операций ведут к росту эффективности и производительности труда, что позволяет значительно повысить заработную плату рабочим, которые в результате становятся более надежными и лояльными со-

---

¹ Adam Smith. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Amsterdam: MetaLibri, 2007. P. 9.

² Mark Swenarton. Introduction. Building the New Jerusalem. Bracknell: IHS BRE Press, 2008. P. 2–3.

трудниками предприятия. Кроме того, все это также ведет к расширению рынка, являющегося ключевым фактором экономического роста, так как теперь рабочие имеют более высокие доходы, что позволяет им приобретать большее количество продуктов собственного труда.

Для установки конвейерных систем требовалось строительство больших одноэтажных зданий, которые должны были заменить собой многоэтажные корпуса заводов, существовавших до начала 1900-х годов. Поэтому фабрики начали переезжать из центра городов на периферию, где земля была более доступна и дешева. Многие компании также построили здесь дома для своих сотрудников, что еще в большей мере увеличило зависимость рабочих от своих работодателей и освободило компании от необходимости повышать зарплату вслед за повышением арендной платы владельцами сдаваемых квартир¹. Следовательно, фордизм привел к субурбанизации, то есть выведению основных отраслей промышленности из городов и переселению квалифицированных рабочих на окраины, что фактически означало конец развития промышленного города XIX века. Таким образом, город как центр промышленного производства потерял свою экономическую значимость, хотя более очевидным этот факт станет несколько позже – в XX веке, так как массовый вывод производств и выезд квалифицированных рабочих значительно изменят городскую демографическую картину.

Повсеместное увлечение идеями конвейерного производства, предложенными Фордом, в сочетании с опытом плановой экономики, приобретенным в ходе войны 1914–1918 годов, и биржевым крахом 1929 года, привело в 1930 году к созданию общей теории Кейнса (полагавшего, что плановая экономика должна стать средством, которое поможет избежать циклических кризисов, типичных для нерегулируемого рынка), а также к появлению технократической теории *планизма*, сформулированной Анри де Маном и независимо от него группой X–Crise. Все эти факторы сыграли ключевую роль в окончательном законодательном и административном закреплении прав городских властей осуществлять планирование как реализацию идей *планизма* в сфере территориального распределения населения и организации городской жизни². С конца XIX века в различных странах планиро-

---

¹ Peter Marcuse. Do Cities Have a Future? In Robert Chery [ed.]. The Imperiled Economy: Through the Safety Net. New York: Union of Radical Political Economists, 1988. P. 189–200.

² Все сказанное здесь, будучи типичным для общих тенденций, не учитывает особенности отдельных стран и относится исключительно к Европе. В США даже в период пика планирования в 1950-х годах архитекторы и застройщики имели весьма ограниченные возможности и часто были вынуждены работать в рамках существующих регламентов и зон, что в полном смысле этого слова не позволяло осуществлять кардинальное планирование.

вание стали использовать в качестве инструмента для предотвращения хаотичности городского развития и, следовательно, подчинения городского хозяйства интересам и потребностям общества, для чего в таких странах, как Германия, Франция и Великобритания, на протяжении ряда лет были приняты соответствующие законы. При этом именно фордизм, Первая мировая война, 1929 год и теория *планизма* явились теми самыми рычагами, которые помогли сплотить все силы, необходимые для создания мощного аппарата планирования.

В результате после Второй мировой войны было сформировано плановое общество, плановая экономика и плановое развитие городского хозяйства. В период холодной войны выяснилось, что, несмотря на различие политических систем Западного и Восточного блоков, реалии *планизма* были очень похожи. Единственной разницей между странами Западной и Восточной Европы являлась степень выполнения плана – значительно более централизованного и строгого на Востоке, где правительство гораздо чаще, чем требовалось, осуществляло контроль над развитием городской среды.

Логика *планизма* в том виде, в каком он был разработан и внедрен в различные сферы жизни, может быть описана как превращение общества в завод-гигант или огромный сборочный конвейер, то есть создание общества максимальной эффективности и стандартизации. Следовательно, фордизм означает нечто гораздо большее, чем простая реорганизация заводов, и в послевоенном обществе его влияние оказалось значительно более весомым.

Историк архитектуры Манфредо Тафури считает, что архитектура в какой-то мере явилась предшественницей идеи *планизма*, так как именно в этой сфере можно было наглядно выразить идеологию существующего в то время общества, и именно на начальном этапе развития модернизма в 1922 году в архитектуре впервые проявилась логика планирования¹. Однако это стало возможным лишь в связи с широким распространением идей Форда сразу после Первой мировой войны. Вальтер Гропиус, учредитель Баухауза, известный тем, что

---

¹ Manfredo Tafuri. Towards a critique of architectural ideology [1969] / Hays K. M. (ed.) Architecture Theory since 1968. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 2000. P. 9, 28, 31–32; «Таким образом, превращение идеологии в утопию стало необходимостью, – пишет Тафури об интеллектуальном труде, – ибо, чтобы выжить, идеология должна была отрицать саму себя как таковую, сломать все выкристаллизовавшиеся и закрепленные формы и полностью окунуться в «строительство будущего». Следовательно, пересмотр идеологии был обусловлен потребностью создания предпосылок для доминирования идеологии над формами», см.: Manfredo Tafuri. Architecture and Utopia: Design and Capitalist Development [1973], trans. B. Luigia La Penta. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1976. P. 50 (Тафури М., Архитектура и утопия: дизайн и развитие капитализма. [1973] / пер. Б. Луиджи Ла Пента).

первым переориентировал работу своего проектного института на решение вопросов массового производства, после нескольких лет увлечения экспрессионизмом постепенно вытеснил Йоханнеса Иттена и всю его мистическо-экспрессионистскую когорту¹. В разработанном Корнелисом ванн Эстереном плане развития Амстердама от 1929/30 года уже отображаются все типичные характеристики планируемой городской застройки. И в то же самое время Тафури утверждает, что идея вертикального города, выдвинутая Хильберзеймером, представляет собой логическую и формальную реорганизацию общества и уподобление его заводу², так как при этом планировка целого города представляет собой копирование одной и той же ячейки или одного и того же элемента, то есть массовость производства берется за основу проектирования городских пространств. Хильберзеймер писал: «Современная архитектура в значительной мере зависит от решения двух задач: планировки индивидуальной ячейки или помещения и планировки коллективного городского организма. Решение будет зависеть от того, каким образом отдельное помещение будет проявляться как элемент здания, которое в свою очередь будет включено в ансамбль всего квартала. Таким образом, каждый отдельный элемент становится фактором формирования городской структуры, что и является целью архитектуры»³.

Кризис планирования

До конца 1950-х годов при восстановлении европейских городов, пострадавших во время войны, и в особенности при строительстве «городов нового типа» явно прослеживалась логика, свойственная фордизму. Города были столь же функциональны, как и конвейер любого предприятия. Каждый градостроительный элемент имел свое собственное место в плане, подобно тому, как каждый элемент в машине имеет свою собственную форму в зависимости от роли в производственном процессе. Все стало более стандартизированным и организованным, каждый элемент был взаимозаменяемым.

---

¹ Kai-Uwe Hemken. Clash of the Natural and the Mechanical Human: Theo van Doesburg versus Johannes Itten, 1922. In Philipp Oswalt et al (eds), *Bauhaus Conflicts, 1919–2009: Controversies and Counterparts*. Ostfildern: HatjeCantz, 2009. P. 34–45.

² Manfredo Tafuri, *Architecture and Utopia: Design and Capitalist Development* [1973], trans. B. Luigia La Penta. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 1976, P. 104–109; Manfredo Tafuri. *Towards a critique of architectural ideology* [1969] / Hays K. M. (ed.) *Architecture Theory since 1968*. Cambridge, Mass.; London: MIT Press, 2000. P. 21–23, 26–27.

³ Ludwig Hilberseimer. *The Will to Architecture*. In *Metropolis-Architecture and Selected Essays*, ed. by Richard Anderson. New York: Columbia GSAPP, 2012. P. 287.

Появилось функциональное зонирование городских земель, то есть возникли районы, предназначенные для строительства жилья, промышленных предприятий, офисов, зон отдыха и торговли, где были расположены однотипные здания, имелись широкие автострады и достаточно мест для парковки. Проблема хаотичности городского развития была решена, и появились возможности для создания социального равновесия.

Однако не все было так уж хорошо в этом «Новом Иерусалиме». В 1960-х годах все чаще и чаще стали раздаваться критические высказывания. Молодое поколение, выросшее после войны в богатом западном обществе, считало фордистские города пустыми, скучными и не дающими возможностей для творчества или свободы. Это же поколение начало атаку на все аспекты жизни фордистского общества – овеществление повседневной жизни, отношение к человеку как винтику в машине, бюрократические излишества, отсутствие свобод. Эта критика, известная как «художественная критика общества» (понятие, сформулированное художниками XIX века) была направлена против идеи планирования всех сфер жизни, в том числе архитектуры и городской застройки¹.

Влиятельной силой в полемике против планирования стала концепция Non-plan («не-план», или отказ от существующих планировочных законов), разработанная Седриком Прайсом, Рейнером Банхемом, Питером Холлом и Полом Баркером и представленная в журнале *New Society* в марте 1969 года. Non-plan был манифестом против планирования и регулирования, «экспериментом по развитию свободы». Предлагалось полностью упразднить планирование городской застройки и дать архитекторам полную свободу творчества как средству эмансипации отдельных горожан и города в целом. «В настоящее время планирование застройки городских и сельских населенных пунктов, несомненно, стало устаревшим требованием, – говорится в статье. – Только некоторые из связанных с этим процедур и согласований могут считаться необходимыми и целесообразными, а в основном они лишь ведут к ненужным задержкам. Почему бы не иметь мужество и не признаться в том, что необходимо позволить людям формировать свою собственную среду?»² Таким образом, именно архитекторы и застройщики начали фронтальное наступление на идею всеобщего планирования.

---

¹ Tahl Kaminer. *Architecture, Crisis and Resuscitation: The Reproduction of Post-Fordism in Late-Twentieth-Century Architecture*. London; New York: Routledge, 2011. P. 17–31.

² Reyner Banham, Barker P., Hall P., and Price C. *Non-Plan: an Experiment in Freedom*. P. 435.

К концу 1960-х годов, кризис западных городов стал очевиден; в то время как на Востоке вследствие жесткой реализации идеи *хозяйственного планирования* под строгим контролем политических партий кризис был загнан в саму систему общественного устройства, что сдерживало его проявление до падения Берлинской стены. Переезд населения западных городов (и в первую очередь среднего класса и квалифицированных рабочих) в пригородные зоны опустошил городские центры, которые стали заселяться низкоквалифицированными работниками, а после автоматизации производства в 1950-х годах также и безработными, что превратило центр и пригороды в полную противоположность друг другу. Появление гетто, безработица, массовые беспорядки, постепенное обветшание зданий и сооружений, падение стоимости недвижимости – все эти черты сегодня характерны для многих городских районов. И главная роль в этом принадлежит фордизму, который показал, что с выводом заводов за городскую черту и переселением рабочих в пригороды сам город как таковой становится ненужным. Вместо «вертикальных городов» Хильберзеймера появились города, разрастающиеся виришь, при этом заменяя собой мегаполисы XIX века, что наилучшим образом демонстрирует влияние фордизма на городской уклад жизни.

Кризис городов, таким образом, был связан с утратой их роли как места промышленного производства, а новая роль для них в 1960-х и 1970-х годах еще не была подобрана. Даже Нью-Йорк, вероятно, величайший из всех городов XX века, в 1970-х годах страдал от грабежей и насилия. Он столкнулся с банкротством, крахом рынка недвижимости, выездом из центра основных корпораций, ростом территорий гетто и физическим обветшанием больших кварталов. Многие из участков, здания на которых были снесены, так и остались незастроенными. Неразрешимые противоречия Нью-Йорка нашли свое отражение в таких фильмах, как «Таксист» и «Полуночный ковбой», где город предстает в виде пустыни, в которой царят заброшенность и страдания.

Упадок городов стал наиболее очевидным, когда мировой кризис поставил вопрос о целесообразности кейнсианской модели экономики. Во многих странах возникла стагфляция, то есть сочетание стагнации и высокой инфляции, одновременно усугубляемое высоким уровнем безработицы. Централизованные, профордистски настроенные правительства западных стран столкнулись с растущим недовольством молодого поколения, которое все чаще и чаще стало считать свои государства репрессивными, а их лидеров некомпетентными. Идея планирования рушилась одновременно с концепцией фордистского компромисса.

Новый город

К концу 1970-х годов на Западе началась деиндустриализация, в процессе которой промышленное производство все чаще переводилось с городских окраин в зарубежные страны, где имелись более дешевая рабочая сила и менее строгое законодательство в области охраны труда. Следовательно, процесс, который в предыдущие десятилетия проходил на уровне отдельных городов, начал охватывать значительные территории во всем мире. Это подготовило почву для установления «нового порядка», озвученного правительством Маргарет Тэтчер в Великобритании и в несколько менее радикальном виде Рональдом Рейганом в США. 1980-е годы были эпохой возврата к неолиберализму. В то же время были свернуты некоторые программы правительственного контроля, а также предприняты первые шаги по дерегулированию и либерализации рынков. Постепенно снижалась и роль профсоюзов, являвшихся одним из ключевых аспектов концепции фордистского компромисса. Вместо того чтобы сосредоточиться на производстве, как это происходило в XIX веке на более раннем этапе развития свободной рыночной экономики, неолиберальный порядок был нацелен на развитие финансового капитала, информационных технологий и обслуживающего сектора.

В начале 1980-х годов в США, а чуть позже и в Великобритании появились зоны свободного предпринимательства, географически ограниченные территории, в которых инвесторам предлагались налоговые льготы или имелась дешевая земля и другие стимулы для ведения хозяйственной деятельности. Многие из этих зон включали в себя заброшенные участки в центральных районах городов и выделялись с целью привлечения инвестиций на рынок недвижимости, возрождения городских центров и возвращения среднего класса из пригородов.

Все эти годы были также отмечены ростом инвестиций в крупные городские проекты. Их финансирование велось разнообразно, но часто включало в себя значительные государственные вложения в виде развития инфраструктуры, бесплатного предоставления находящихся в общественной собственности земельных участков или их продажи по сниженным ценам, освобождения инвесторов от налогов и согласований и т. д. С точки зрения городской администрации логика таких проектов была обусловлена ограниченностью имеющихся ресурсов, возникшей по причине общего сокращения государственных расходов. В связи с этим решение потратить имеющиеся в муниципалитете ресурсы на осуществление важнейших для города проектов преследовало цель создания «эффекта снежного кома», то есть

существовало мнение, что благодаря таким проектам будут продемонстрированы жизнеспособность и устойчивость развития города, что приведет к привлечению дополнительных инвестиций, а значит, остановит процесс деградации городского хозяйства¹.

Многие из этих проектов предусматривали строительство крупных торгово-развлекательных центров и спортивных дворцов. Архитектура того периода в первую очередь носила общественный характер. Вот лишь несколько примеров такого рода: спортивный комплекс «Глобен Арена» в Стокгольме (открыт в 1989 году)² или более поздние Центр искусств в Нью-Джерси (1997)³ и огромный торговый центр «Провиденс Плейс» (1999), построенный на окраине города Провиденс. Многие из этих проектов можно считать «анти-городскими» в том смысле, что они представляют собой «автономные города внутри городов». Все они являются как бы «инородными телами» в существующей окружающей застройке и, следовательно, оказывают негативное влияние на окружающую архитектурную среду. Такое развитие городской структуры, осуществляемое по частям, часто приводило к дальнейшему нарушению целостности городского пространства, которое все в большей мере дробилось на отдельные, не связанные друг с другом фрагменты.

Для администрации многих городов успехи в развитии городской структуры и привлечении инвестиций в любой форме оказались достаточной причиной для того, чтобы объявить свой город Городом Возрождения, как будто бы кризис закончился и началась новая эра экономического роста⁴. Тем не менее основная проблема не была решена: города потеряли свою особую роль в политической экономике.

В Европе одним из примеров проектов этой эпохи является реконструкция лондонских доков. Аналогично тому, как это происходило повсеместно, развитие контейнерных перевозок в 1950-х годах привело к закрытию доков. Новые порты были построены ближе к морю, где имелись все условия для приема больших кораблей, что фактически означало конец использования лондонских доков. В свое время доки являлись важным звеном британской имперской экономики

---

¹ Mark Krasovic. The Culture of Development in the Brick City. In T. Kaminer, H. Sohn & M. R. Duran (eds.), *Urban Asymmetries: Studies and Projects on Neoliberal Urbanization*. Rotterdam: 010 Publishers, 2011. P. 208–25.

² Helena Mattsson. *Third Way Architecture: Building the new utopia of individualism*. Paper delivered at the Rethinking the Social in Architecture, Umea, February 2013.

³ Tahl Kaminer. Newark: The Continuous Crisis of the Obsolete City. In T. Kaminer, H. Sohn & M. R. Duran (eds.), *Urban Asymmetries: Studies and Projects on Neoliberal Urbanization*. Rotterdam: 010 Publishers, 2011. P. 192–207.

⁴ Tahl Kaminer. Newark: The Continuous Crisis of the Obsolete City.

и играли огромную роль в доставке на британские заводы сырьевых ресурсов, вывозимых из колоний, и экспорте товаров, произведенных в стране. Автоматизация, контейнеризация и упадок производства в Великобритании привели к тому, что в начале 1970-х годов доки стали не нужны.

В качестве эксперимента в 1984 году по инициативе премьер-министра Маргарет Тэтчер была сформирована «Корпорация Развития “Доклендс”» (London Development Docklands Corporation, LDDC), представлявшая собой частно-государственное предприятие. Политически оно находилось скорее под контролем государства, чем местного самоуправления, что позволяло избежать вмешательства городской администрации, находившейся в оппозиции по отношению к правительству консерваторов. Задача проекта состояла в том, чтобы продемонстрировать, что частный сектор может взять на себя роль движущей силы, заменив правительство, и создать необходимые условия для развития района. Дешевая земля, зоны свободного предпринимательства, передача вопросов планирования в ведомство самих корпораций, отмена различных ограничений, наличие налоговых льгот – все это было частью инновационных стимулов, предлагаемых правительством Великобритании¹. Передача вопросов планирования корпорациям была позже названа экспериментом «по непланированию», то есть реализацией некоторых идей, выдвинутых в ходе полемике 1969 года².

Разработка проекта превратилась в сагу: основные застройщики, «Олимпия» и «Йорк», обанкротились, когда рухнул рынок недвижимости. Для спасения гибнущего проекта потребовались огромные вливания государственных средств. В силу сложившихся обстоятельств обещанное доступное жилье, возведение которого первоначально являлось одной из задач «Корпорации Развития “Доклендс”», так и не было построено в полном объеме. К началу 1990-х годов проект был признан провальным, что нанесло серьезный удар по правительственным планам продемонстрировать возможности и эффективность привлечения частных компаний для решения задач, стоящих перед городом.

---

¹ Tahl Kaminer. Expelling the Slum. In J. J. Berg, T.Kaminer, M.Schoonderbeek, J. Zonneveld (eds). Houses in Transformation: Interventions in European Gentrification. Rotterdam: NAI Publishers, 2008. P. 58–71.

² Бен Франкс утверждал, что целесообразность идеи «Non-plan» хорошо видна на примере лондонского делового квартала Кэнэри-Уорф. Ben Franks. New Right / New Left: an Alternative Experiment in Freedom. In Hughes, J., Sadler, S. (eds). Non-Plan: Essays on Freedom, Participation and Change in Modern Architecture and Urbanism. Oxford: Architectural Press, 2000. P. 37–43.

Однако экономический подъем, который начался в 1996 году, а вместе с ним и период развитого неоллиберализма в Великобритании, изменил провальный имидж «Доклендс» на успешный. Как только возник спрос на ранее пустовавшие офисные помещения, завершился переход всего района от нацеленности на промышленное производство к ориентации на финансовый капитал. Новый центральный деловой квартал украшают блестящие стеклянные башни (построенные по образцу американских), которые заменили трущобы, когда-то находившиеся в самом сердце промышленной Великобритании. Планирование и организация пространства осуществлялись самими корпорациями и не контролировались правительством. Вместе с тем был создан имидж нового постфордистского города, отличительной чертой которого стало появление центра, застроенного башнями из стекла и бетона.

Новая роль городов

Появление центральных деловых кварталов – это лишь одна из составляющих развития городов. Тем не менее именно этот процесс выявил новую тенденцию – ориентированность на финансовый капитал, а не на производство. Преобразования, происходящие в информационном обществе, были вызваны потребностью в создании неких «узлов», даже если эти «узлы» являлись частью какой-то сети. Такими узлами должны были стать штаб-квартиры огромных транснациональных корпораций, то есть административные центры, в которых было бы сосредоточено все управление. Подобные центры начали возникать в конце 1980-х годов и стали типичной чертой нового современного города, в котором в первую очередь создаются все условия для привлечения международного капитала. То есть город эпохи индустриализации, представлявший собой региональный центр, куда поставляются ресурсы и откуда вывозится готовая продукция, в настоящее время превращается в город, ориентированный на международный уровень. При этом возникает жесткая конкуренция между городами, борющимися за такой статус и пытающимися привлечь как можно больше иностранных инвестиций, а значит и за перевод на территорию своих деловых кварталов штаб-квартир многонациональных корпораций. Совершенно очевидно, что не все города смогут стать международными хабами – этот статус гарантирован только самым крупным городам с развитой инфраструктурой.

Соперничество между городами принимало различные формы. Зоны свободного предпринимательства, которые первоначально были нацелены на привлечение региональных инвесторов, позднее

были переориентированы на международный уровень. Брендинг городов, первоначально представленный одним только брендом «Город Возрождения», в 1990-х годах стал отдельной дисциплиной и вместо того, чтобы подчеркивать уникальность городов, был ориентирован на проверку их соответствия требованиям иностранных инвесторов и таким характеристикам, как «открытые», «инновационные», «мобильные», «мультикультурные», «международные», «толерантные» или «оживленные и энергичные».

В 1990-х годах произошло усложнение всех процессов, связанных с брендингом городов. Постепенно возникла новая дисциплина, отмежевывавшаяся от предпринимаемых в 1980-е годы довольно неуклюжих попыток привлечения внимания к отдельным городам. Этот процесс был обусловлен общим повышением культурного уровня. Ключевым аспектом здесь явилось то, что не может быть ограничено исключительно лишь рамками рекламных текстов и графического оформления, а именно инвестиции в новое поколение зданий-символов, которые демонстрируют культурную зрелость и жизненные силы общества, опытность руководства и высокий международный статус города. Новые сооружения – это больше не огромные торгово-развлекательные или спортивные центры. Новые статусные здания теперь обычно представляют собой музеи. В качестве примера можно привести музей Гуггенхайма в Бильбао, галерею современного искусства «Тейт Модерн» в Лондоне, Еврейский музей в Берлине, Гетти-центр в Лос-Анджелесе. Все эти здания отличаются высоким качеством архитектурного замысла. К их созданию были привлечены не просто архитекторы, а звезды архитектурного мира, получившие полную свободу творчества. Результаты их работы репрезентировали особые черты, уникальность, изобретательность и даже гениальность. Музеи, а также библиотеки и другие общественные здания создают положительный имидж городов, так как становятся их символами и способствуют узнаваемости. Как утверждал Шарон Зукин¹, этот процесс продемонстрировал изменение логики развития городов: после того как был достигнут определенный уровень материального достатка горожан, вместо направления основных капиталов на строительство типовых зданий высокого класса, демонстрирующих успехи и достижения общества, средства преимущественно вкладывались в сооружение зданий-символов, способствующих созданию положительного международного имиджа города, в котором они расположены, что впоследствии вело к привлечению новых инвестиций, а значит, и росту достатка жителей.

---

¹ Sharon Zukin. *The Cultures of Cities*. Cambridge, MA; Oxford: Blackwell, 1995.

Новые деловые кварталы и здания-символы стали ключевыми составляющими реорганизации городов в центры международного финансового капитала и сосредоточие корпоративных штаб-квартир. С ростом и развитием финансового капитала, информационных технологий и обслуживающего сектора выделилась новая социальная группа – молодые офисные сотрудники, работающие в центральной части города и часто проводящие на работе много часов в неделю. Культура в самом широком смысле являлась одним из средств мотивации этой социальной группы: бары, рестораны, клубы, художественные галереи, просторная элитная недвижимость в центре, специализированные магазины – все это образ жизни и возможности, предоставляемые и доступные в бывших рабочих, мигрантских и промышленных районах центральной части городов¹.

И в завершении рассказа о реорганизации городов хотелось бы упомянуть две тенденции, связанные с появлением этой новой социальной группы: повторное использование промышленных зданий, реконструкция отдельных исторических кварталов с последующим поселением здесь состоятельных людей. Вывод промышленности за пределы внутригородских кварталов, охватывающий период 1930–1980-х годов, в сочетании с падением стоимости недвижимости в этих районах привел к тому, что большие участки в центре города были заняты заброшенными промышленными зданиями – заводами, складами и т. п. Естественным первоначальным желанием было снести все эти реликвии прошлой эпохи, которые выглядели как бельмо на глазу и ассоциировались с разрухой и запустением, и заменить их на новые современные здания. Однако возможности для сноса и возведения новых объектов возникали довольно редко, учитывая сокращение капиталовложений в центральной части городов и снижение интереса к внутригородским кварталам в этот период. Но именно в это время с ростом культурного уровня населения возникает и начинает постепенно оформляться идея повторного использования этих заброшенных зданий.

В истории переосмысления исторического наследия, красноречиво описанной Зукиным и другими авторами², ведущую роль сыграли художники: ведь именно они начали повторное использование бывших промышленных чердаков в районе Сохо в Нью-Йорке и в других городах. Именно они разместили там свои студии, пользуясь тем, что

---

¹ Peter Marcuse. Do Cities Have a Future?

² Sharon Zukin. Loft Living: Culture and Capital in Urban Change. London: Radius-Hutchinson, 1988.

здесь были высокие потолки, хорошее освещение и небольшая арендная плата. Чтобы сократить общие расходы, некоторые художники превратили эти чердаки не только в свои студии, но и в свои жилища. Кроме того, к концу 1960-х годов многие заброшенные склады стали использоваться в качестве галерей, где выставлялись произведения искусства, причем художники могли распоряжаться этими помещениями по своему усмотрению. Все эти начинания показали, каким образом можно придать новую ценность пустующим и заброшенным промышленным объектам, каким образом они могут быть использованы не как помещения для промышленного производства, но как пространство для культурного созидания. Появился новый смысл в самом существовании этих сооружений, обретших новую стоимость. Все эти заброшенные здания, ранее считавшиеся бельмом, теперь приобрели высокую ценность как исторические объекты промышленного наследия, придавая особый шик обновленным городским районам и возвышая их архитектуру до уровня искусства. Позднее стиль «лофт» («жизнь на чердаке») был широко разрекламирован с помощью газет, книг, телевизионных программ и фильмов как альтернативный стиль организации работы и отдыха. Он стал новым образом жизни, предлагая нечто совсем иное, чем просто банальное существование в пригороде.

Одновременно с этим производилась реконструкция отдельных исторических кварталов. Этот процесс был первоначально описан в исследовании Рут Гласс¹, проведенном в Лондоне. При осуществлении данной программы в этих районах слабые социальные группы – низкоквалифицированные рабочие, малоимущие, мигранты – постепенно заменялись на более сильную социальную группу, как правило – на средний класс. При этом учитывалось, что заселение определенной городской территории в значительной мере производилось хотя и за счет представителей среднего класса, но с ограниченными финансовыми возможностями и ограниченными возможностями выбора места работы или места жительства. Художники, студенты, а позднее и представители среднего класса с низкими доходами помогли изменить имидж таких кварталов и подготовить их к притоку более состоятельной части населения. Благодаря особому вниманию, которое всегда уделялось культуре и в особенности искусству в средствах массовой информации, эти две составляющих стали движущей силой в процессе трансформации образа ранее запущен-

---

¹ Ruth Glass. Introduction: aspects of change. In London: Aspects of Change. Ed. by the Centre for Urban Studies. London: Macgibbon and Kee, 1964. P. xiii–xlii.

ных территорий¹. Не только галереи, но и бары, кафе, пабы и магазины, рассчитанные на культурные слои общества и творческую интеллигенцию, являлись неотъемлемой частью процесса преобразования. Неоднородность таких районов, этническая, культурная и социальная, постепенно становится частью их романтизированного образа и дает возможность отдельным представителям среднего класса получить достаточную степень свободы от суждений, характерных для общественного мнения, сформировавшегося в рамках данной социальной группы. Джентрификация считается негативным явлением, так как этот процесс обычно сопровождается выселением уязвимых групп населения или насильственным перемещением незащищенной части населения в районы, где спрос на недвижимость, а значит, и качество жилья существенно ниже². Чтобы полностью понять процесс джентрификации, необходимо осознать, что это *исторический* процесс, непосредственно связанный с переходом от индустриального общества к постиндустриальному и от фордизма к постфордизму, а не рассматривать его как квазиестественное явление.

Креативный город

Культура сыграла огромную роль в процессе джентрификации, появлении стиля «лофт» как выбора образа жизни и в сооружении зданий-символов в конце 1990-х годов. Она внесла значительные изменения в городской уклад и выявила новый статус-кво городов. Социальные преобразования, начавшиеся на Западе в послевоенные годы, были связаны с ростом благосостояния общества, к которому привело «экономическое чудо» 1950-х годов. Создание так называемого государства всеобщего благосостояния и применение кейнсианской модели перераспределения доходов привели к изменению требований, предъявляемых обществом правительству. Возрастающее значение свободы, уникальности и самобытности привело к росту гипериндивидуализма и противостояния тому, что считалось тоталитарным, бюрократическим, ориентированным на достижение единой цели за счет таких аспектов общественной жизни, как гарантии занятости, повышения заработной платы и стабильности. Культура была удобным средством выражения индивидуализма, самосознания

---

¹ Rosalyn Deutsche and Cara Gendel Ryan. The Fine Art of Gentrification. October. Vol. 31. Winter, 1984. P. 91–111.

² Neil Smith. The New Urban Frontier: Gentrification and the Revanchist City. London; New York: Routledge, 1996; David Ley. The New Middle Class and the Remaking of the Central City. Oxford: Oxford University Press, 1996.

и уникальности. Таким образом, понятие «культура» заменило собой понятие «классы» как важный аспект самоидентификации и определения групповой принадлежности отдельной личности. При этом иногда сохранялась культурная самобытность, присущая тому или иному классу, а с другой стороны, субкультура в целом всегда носила надклассовый характер.

Постепенно в западных странах культура превращалась в важную индустрию¹. В то время как Шарон Зукин, Розалин Дойче и другие критиковали роль культуры в процессе джентрификации², Ричард Флорида и в особенности Чарльз Лэндри продвигали идею того, что культура и творчество являются средством осуществления положительных городских преобразований³. Следовательно, все проекты реконструкции городской среды должны были включать в себя культурную составляющую в качестве одного из аспектов таких планов. В частности, в Нидерландах художники и деятели искусств получали финансовую поддержку, если участвовали в разработке планов развития пустующих территорий, представляющих интерес для общества. Примером такой деятельности можно считать реконструкцию районов Urenburg и IJburg, в которых достижения культуры использовались для создания ярких, живых образов, и поэтому построенные здесь новые квартиры легко были проданы высококвалифицированным представителям среднего класса, которые обычно стараются избегать как «скуки» пригорода, так и чрезмерной «мрачности» бедных кварталов. В Великобритании эта задача была поставлена перед передовыми компаниями, занимающимися реконструкцией и развитием старых городских кварталов, такими, например, как компания Urban Splash, во всех проектах которой просматривается определенный баланс между их культурной составляющей и высокой стоимостью вновь создаваемой недвижимости.

---

¹ Между 1997 и 2006 годом эффективность деятельности творческих коллективов в Великобритании выросла на 20 % в год, по сравнению с ростом экономики в целом, составившим менее 6 %.оборот творческого сектора в Соединенном Королевстве в 2001 году составлял 165,43 млрд евро, что означало дополнительные 6,8 % в стоимостном выражении в ВВП страны.оборот арт-рынка в Европе и США в 2002 году составил 24,6 млрд евро (в том числе в Великобритании 6763,39 млн). Эта подборка статистических данных позволяет получить представление об экономических успехах в области культуры (КЕА, 2006. Экономика культуры в Европе, исследование европейской комиссии по культуре; подробную информацию см.: http://ec.europa.eu/culture/eac/sources_info/studies/economy_en.html (дата обращения: 12.12.2007).

² Deutsche and Gendel Ryan. The Fine Art of Gentrification; Zukin. The Cultures of Cities.

³ Richard Florida. The Rise of the Creative Class: and How it's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. New York: Basic Books, 2002; Charles Landry. The Creative City: A Toolkit for Urban Innovation. London: Routledge, 2008.

В частности, в процессе реконструкции Парк-Хилла, знаменитого жилого квартала, расположенного на холме, с которого открывается прекрасный вид на Шеффилд, Urban Splash смогла выявить и подчеркнуть логику постфордизма¹. Архитектурное решение, на основе которого производилось восстановление Парк-Хилла, полностью противоречит идеям авторов первоначального проекта Джека Линна и Айвора Смита (с Фредериком Никлином), а именно идеям «верности материалам», простоты, типичной для «человека с улицы», и практичности. Вместо этого коллективизм был заменен индивидуализмом, а бывшие муниципальные квартиры реконструированы и выставлены по рыночной цене на продажу. При этом были уничтожены все исторические признаки фордизма, равно как и воспоминания о государстве всеобщего благосостояния.

Реконструкция Парк-Хилла была отмечена несколькими противоречиями. Наряду с тем, что это был чисто хрестоматийный проект создания элитного жилья 2000-х годов, комплекс еще и оказался внесенным в 1998 году в список объектов культурного наследия Англии. Внесение в этот список было осуществлено, несмотря на активные возражения со стороны антагонистов Парк-Хилла, и это означало, что разрушение идеалов социального государства не может происходить в виде обычного демонтажа, но должно принимать совершенно иные формы. Компании Urban Splash пришлось выяснять, что мешало повышению реальной стоимости недвижимости в Парк-Хилле и что необходимо сделать в будущем, чтобы устранить эти «препятствия». Таким образом, внутри самого проекта существовали серьезные противоречия: с одной стороны, между требованием сохранить комплекс в том виде, в каком он попал в список объектов культурного наследия Англии, а с другой стороны, повысить реальную стоимость недвижимости, придав ей совершенно иные качества. То есть, с одной стороны, Парк-Хилл должен был оставаться в своем первоначальном виде, а с другой стороны, полностью измениться. Естественным выходом из сложившейся ситуации стало выселение как можно большего количества арендаторов. Следовало очистить мрачные кирпичные стены от въевшейся в них грязи и копоти, сохранив в неприкосновенности монолитный характер комплекса и горизонтальные повторения некоторых объемов, при этом устранить присущую ансамблю тяжеловесность и массивность и добавить некоторой легкости и яркости. Было предложено следующее решение: железобетонный каркас остается в первоначальном виде, все осталь-

---

¹ Tahl Kaminer. The Ruins of the British Welfare State. Footprint. Issue 9. Autumn 2011. P. 95–102.

ное сносятся; вместо внутренних кирпичных стен устанавливаются блестящие разноцветные алюминиевые панели; расположенные наверху холма улицы отделяются от низлежащих, а в ансамбль некоторых входных групп добавляются дополнительные вертикальные объемы, что нарушает тем самым монотонность горизонтальных блоков. Все это позволило значительно повысить стоимость многих квартир, которые были предложены на свободном рынке как символ новых культурных возможностей и нового «образа жизни».

В специфических условиях Британии 2000-х годов у комплекса Парк-Хилла была следующая альтернатива. Будучи внесенным в список объектов культурного наследия Англии, ансамбль не мог быть снесен, но, вероятнее всего, был бы заброшен. Еще со времен Маргарет Тэтчер городская администрация не имеет права брать кредиты и поэтому не может осуществлять подобные проекты без участия частного капитала, а частный капитал, в том числе и некоммерческие и коммерческие застройщики, должен быть заинтересован в финансировании проектов. Отсюда возникает необходимость замены муниципального жилья на недвижимость, которую можно было бы предлагать по рыночным ценам, а следовательно, и необходимость реконструкции зданий в соответствии с этими требованиями. В этом смысле усилия Urban Splash, направленные на восстановление Парк-Хилла, можно рассматривать как смелый и симптоматичный проект: смелый, потому что существовали определенные риски (в конце концов есть гораздо более безопасные способы, позволяющие застройщикам получить прибыль); а симптоматичный, потому что существовал выбор из двух зол, или скорее всего выбора не было вовсе: либо демонтаж того, что считалось символом фордизма, либо медленное вымирание квартала Парк-Хилл.

Таким образом, проект демонстрирует крах государства всеобщего благосостояния и конец фордизма и не только символически, но и во вполне конкретной форме: путем преобразования муниципального жилья в жилье, предлагаемое по рыночной стоимости, с одновременной переработкой всего архитектурного решения. Такой подход дает возможность определить, какие из архитектурных элементов, типичных для эры фордизма, больше не приемлемы в постфордистском, неолиберальном обществе. Он же позволяет объяснить соотношение между архитектурой и политэкономией, мировоззрением и идеологией конкретного общества в конкретный момент времени и раскрывает идеологические различия между Британией 1950-х и 2000-х годов, показывая, как эти идеологические различия материализуются в архитектурно-строительных решениях.

Как выяснилось в последние десятилетия, постфордистский город – это глобальный центр, ориентированный на привлечение финансового капитала. Его основные жители – представители богатых слоев общества. Главными составляющими, учитываемыми при реконструкции центральной части городов, являются исторические здания, перестраиваемые в элитное жилье, отличающееся изысканным дизайном, высоким качеством внутренней отделки и уникальностью. Появление элитного жилья в центре города является средством расселения бедных кварталов. При этом культура, являющаяся одним из ключевых аспектов нового города, проявляется, в частности, в повторном использовании зданий заброшенных промышленных предприятий. Недавно возникшая новая дисциплина «брендинг городов» становится инструментом позиционирования и узнавания городов во всем мире, а воздвигаемые в центральных кварталах стеклянные башни способствуют привлечению транснациональных корпораций.

Хотя все описанное выше стало схемой, в соответствии с которой обычно строится работа городской администрации и застройщиков, существуют опасения, что эта программа может оказать негативное влияние на представителей бедных и малоимущих слоев населения. Глобальный кризис последних лет только усилил это беспокойство, хотя некоторые признаки отрицательных последствий впервые проявились еще до 2008 года. Так, например, в Нидерландах появилось чрезмерное количество проектов городского развития, ориентированных на продажу одного и того же продукта одной и той же социальной группе – семьям молодых профессионалов среднего класса. Несмотря на то что количество художников и деятелей культуры было достаточным для заселения пустующих новых квартир и что спрос по-прежнему оставался высоким, возник недостаток в отдельных типах «творческих личностей», которые имели бы доступ к информационным технологиям и обладали бы качествами, необходимыми для работы по созданию «брендов» данных территорий¹. Все

---

¹ Примером трудностей, возникающих в процессе современной реконструкции городского хозяйства, является восстановление квартала Archiefsterrein в районе Амстердама Де Пийп. Весной 2008 года городская администрация объявила тендер на участие в конкурсе по перепланировке этой зоны, представлявшей собой большой городской квартал, в котором было расположено старое здание алмазной фабрики, сдаваемое в аренду многочисленным мелким «творческим организациям». Участниками конкурса выступило несколько застройщиков, прошедших предварительный отбор. Они должны были объединиться с консультантами и архитекторами для того, чтобы подготовить свои предложения. Предполагалось, что все проекты будут оцениваться в первую очередь по количеству денежных средств, которые по предложению застройщиков должна будет выплатить администрация, и в меньшей степени

чаще проекты начали возвращаться к одному и тому же: перепланировке офисов в жилье, жилья в офисы и так далее. Оглядываясь назад, можно сказать, что идея «креативного города» есть не что иное, как мыльный пузырь, который держится исключительно на вере и финансовых пирамидах в духе Понци. Это просто мираж, готовый лопнуть в каждую минуту. Будущее покажет, означает ли банкротство «креативного города» обязательный крах постфордистского города. Все это в значительной мере зависит от того, произойдет ли в ближайшие годы реструктуризация мировой экономики и общества.

Пер. Е. Новиковой

по качеству разработанной программы и особенностям дизайна. Все застройщики начали поиски «творческих личностей» высокого класса, чьи имена могли бы стать брендом проекта, а значит, и заменить множество мелких «творческих компаний» одной, но имеющей больший капитал и лучшую репутацию. Это оказалось труднее, чем ожидалось, и застройщики обратились к «сетевым консультантам» с просьбой помочь в поиске таких специалистов. Культурный аспект программ, хотя и был омрачен налетом потребительства, явился сутью большинства предложений. В материалах, предоставленных городской администрацией и находящихся в свободном доступе, отсутствуют какие-либо упоминания о тендере на реконструкцию квартала Archiefsterrein. Последние планы и краткий обзор проекта можно найти здесь: [>](http://www.zuid.amsterdam.nl/@317208/pagina/); и здесь: <http://www.zuid.amsterdam.nl/@346758/pagina/> (дата обращения: 09.03.2012; на голландском языке). Эту историю рассказал нам в интервью специалист, принимавший участие в тендере и пожелавший остаться анонимным. Несмотря на несколько запросов, отправленных в Управление по планированию и проектированию городской администрации Амстердама, и полученное оттуда обещание дать полный ответ, организаторы тендера и менеджеры проектов до сих пор не предоставили никакой информации, и, следовательно, в основе всей этой истории лежит всего лишь один неофициальный источник.

Глава 6. ПРОЕКТЫ И МУЗЕИ: ПОСТФОРДИСТСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА

Пролог: основная идея

Главная мысль данной главы основывается на выводах, полученных в результате серии исследований¹, в которых объясняется, что существует четкая взаимосвязь между обществом, трудовой этикой в мире искусства, постфордизмом и неолиберализмом. Специалистам в области социологии труда хорошо известно, что производственная система, построенная на концепции фордизма, еще в начале 1960-х годов попала в зону усиливающейся критики. Лидеры рабочего движения все чаще и чаще выдвигали в качестве своих первоочередных задач установление более гибкого графика работы (в том числе права работать неполный рабочий день), создание консультативных структур в иерархии компании, повышение независимости работников, уважение к личности и не в последнюю очередь «дифференциацию» труда. В своей книге «Новый дух капитализма» (2005) французские социологи Люк Болтански и Эв Кьяпелло называли такие действия профсоюзного движения «художественной критикой».

В конце концов такие ценности, как независимость, самоопределение, самобытность, творческие способности и индивидуальные особенности личности стали составляющими художественной этики еще в XIX веке и были горячо поддержаны художественной богемой. Начиная с 1970-х годов капитализм все в большей мере признавал справедливость этой критики, что одновременно ознаменовало переход от фордизма к постфордизму. Руководство, которое ранее лишь контролировало массовое производство на безопасном расстоянии, направляя его в нужное русло, постепенно превращалось в так на-

---

¹ Gielen P. *The Murmuring of the Artistic Multitude: Global Art, Memory and Post-Fordism*. Amsterdam: Valiz, 2009; Gielen P., and De Bruyne P. (eds). *Being an Artist in Post-Fordist Times*. Rotterdam: NAI Publishers, 2009; Gielen P., and De Bruyne P. (eds). *Teaching Art in the Neoliberal Realm: Realism versus Cynicism*. Amsterdam: Valiz, 2012.

зываемых новых менеджеров, которые стали все чаще пытаться стимулизовать творчество отдельных работников, продвигая при этом идею совместной ответственности. Начиная с 1980 года индивидуальные аттестации и собеседования с каждым работником, включая ежегодное направление отдельных сотрудников в творческие командировки, в том числе и за границу, оказались частью инструментария новых менеджеров. С тех пор критериями оценки работника стали его активная жизненная позиция, креативность, гибкость и коммуникабельность. Креативная экономика оказалась связанной с постфордизмом. Творчество работников превращается в необходимую составляющую производства и всячески стимулируется новыми менеджерами, которые, в частности, предоставляют креативному сотруднику полную автономию, поскольку прекрасно понимают, что хорошие идеи могут возникать только в атмосфере свободы. Более того, новые менеджеры в явной или скрытой форме должны уметь извлекать выгоду из этих активов.

И, наконец, существует очевидная связь между постфордизмом и неолиберализмом. Исторически сложилось так, что они оба появились и развивались параллельно на протяжении целого ряда лет. Поиск выхода из тупика кейнсианской экономической модели заставил многих либеральных политиков прийти к выводу о том, что было бы лучше, если бы правительство больше не вмешивалось в экономическую жизнь, и что достаточно свободной конкуренции и контроля со стороны рынка, действующего на основе законов спроса и предложения, чтобы все работало в интересах общества. Это привело, в частности, к процессу приватизации государственных предприятий, государственных земель и других активов в достаточно сжатые сроки. Вскоре неолиберализм уже не ограничивался только рамками взаимоотношений внутри правого либерального блока: после падения Берлинской стены в 1989 году его принципы стали общепринятыми практически на всей политической арене. Именно такие отношения стали впоследствии обозначаться концептуальным понятием «постполитика». Политика отошла в сторону, так как начала или по крайней мере сделала вид, что начала реагировать исключительно на рыночные факторы или же просто обеспечивать их эффективность. Для экономики политика по-прежнему остается политикой. Однако когда почти каждый политический блок разделяет одни и те же взгляды, исчезает сама необходимость ведения диспутов на основе различий в идеологии.

С тех пор как в Европе рухнула стена между Западом и Востоком, а Дэн Сяопин переориентировал развитие экономики Китая в капиталистическом направлении, практически весь мир живет во власти

неолиберализма, который позиционируется как неизбежное, логичное и положительное явление в жизни общества, то есть в качестве доминирующей, если не сказать, единственно возможной идеологии.

Однако на самом деле неолиберализм является довольно-таки репрессивной политикой, которая пытается осуществлять контроль над трудовыми ресурсами в постфордистском обществе. Чтобы понять это, необходимо провести четкое различие между либерализмом и неолиберализмом. Разница между этими исторически различными программами имеет решающее значение для понимания перехода от политики поддержки к политике репрессий. Хотя неолиберализм, как и его исторический предшественник, твердо уверен в благотворном влиянии свободной культуры, конкуренции и свободного рынка на любую экономику и хотя и тот и другой декларируют идею создания малочисленного правительства, практически не вмешивающегося в дела рынка, они принципиально отличаются друг от друга в трактовке основной идеи своего учения, которую можно обозначить просто: свобода.

Исторически классический либерализм никогда не ставил индивидуальную свободу в качестве своей единственной политической и социальной цели. Кроме того, либералы отличались достаточно оптимистичным взглядом на человечество, полагая, что мир станет лучше, если каждый человек получит полную свободу. В соответствии с либеральными взглядами свобода – это не только цель, но и условие строительства нового лучшего общества. Другими словами: либерализм предполагает, что результаты труда свободно действующего индивидуума будут значительно более полезными для общества. Именно поэтому рынок должен быть настолько свободным, насколько это возможно, хотя, будучи доведенной до крайности, эта идея привела к созданию «чистого капитализма». Вместе с тем предоставление максимальной свободы с целью создания условий для творчества и повышения благосостояния является достаточно рискованным делом. Из-за своей веры в положительные результаты труда свободно действующих субъектов либерализм расчистил место как для крайне дерзких предпринимателей, так и для неординарных художников и других творческих личностей. Но в конце концов именно они, как никто другой, эффективно продвигают идею индивидуальной свободы и автономности в работе.

Неолиберализм, однако, смотрит на человечество с меньшим оптимизмом. Возможно, он извлек исторические уроки из ряда драматических событий, которые произошли в результате слепой веры в свободу человека. Именно поэтому неолиберализм с большой осторожностью говорит о свободе для отдельных граждан. Будут ли они

пользоваться ею с умом и надлежащим образом? Возможно, из-за такого недоверия неолиберализм целенаправленно пытается контролировать и сдерживать свободу, которую он провозглашает. Он создает различные виды репрессивных инструментов, позволяющих дозировать свободу, делая ее контролируемой и управляемой. Именно на современный период приходится бум творческой индустрии, создающий у постфордистских работников и потребителей впечатление о том, что они имеют право выбирать все что угодно, в соответствии со своими желаниями и мечтами, тогда как на самом деле им предоставляется серийный стандартизированный формат производства и продукции или, что еще более парадоксально, серийные индивидуальные инструменты и продукты. Кроме того, каждый потребитель, который приобретает стандартизированную продукцию, постоянно находится под угрозой уголовного преследования со стороны владельцев авторских прав, что сильно ограничивает возможность повторной творческой переработки уже купленного.

Творческая индустриализация предполагает, что культурное самовыражение и культурные ценности в настоящее время имеют свою стоимость и прекрасно продаются на рынке, что означает по крайней мере две вещи. Во-первых, отчуждение культурных товаров от их производителей должно происходить достаточно легко, поэтому необходимо сохранять некоторую эмоциональную и психологическую дистанцию, чтобы продавать за деньги свои собственные творения, которые в буквальном смысле слова становятся отчужденными от авторов. Во-вторых, индустриализация требует использования таких форматов, с которыми легко обращаться и, что особенно важно, которые можно легко посчитать. Вещи, которые нельзя посчитать или хотя бы измерить в обозримом будущем, вряд ли смогут без проблем найти выход на рынок. Решающим здесь оказалось то, что неолиберализм ради такого преобразования, по сути, отказался от собственных фундаментальных концепций, так как объявил, что в основе всех культур должно лежать число (как мерило накопления и максимизации прибыли). Число становится единственной основой общества, что, по сути, делает неолиберализм неотличимым от других учений, признающих только что-то одно (священную книгу, образ Бога и т. п.).

Как и все фундаментальные учения, неолиберализм питается страхом. Страхом перед собственным стимулом и утопическим идеалом: свободой. Неолиберализм не способен прямо взглянуть в глаза своим собственным идеалам. Вместо этого он постоянно создает жесткие законы (например, закон о праве собственности, патентное законодательство), чтобы обуздать творчество. Эти законы маскируют страх – боязнь свободы, своего народа, своего общества и в конеч-

ном счете самого себя (человечества). Эстетика измеримости есть не что иное, как производная присущего фундаментализму страха перед творческим потенциалом каждого человека. А так как неолиберализм скрывает свою неуверенность за красивыми рассуждениями о пользе, практической значимости и реализме, то это глубоко циничная идеология. В этом смысле данная идеология напоминает коммунизм, который пытались построить за «железным занавесом». *Крайности сходятся* (Les extrêmes se touchent)¹. Ведь именно сталинский бюрократический коллективизм проложил дорогу новому менеджменту вкупе с бюрократией, которые воздействуют на отдельного человека (и которые ломают структуры коллективной солидарности государства всеобщего благосостояния). В сфере культуры и искусства эта необюрократия называется «творческой индустрией», так как она поставляет на рынок свободные творения в соответствии с принятыми строгими процедурами и заранее определенными форматами. Именно в этом политическом контексте следует рассматривать описанную ниже трансформацию музеев.

От художественной критики к креативному капитализму

Классический музей XIX века давал возможность проникнуть в глубину истории, предлагал определенные критерии в виде общепризнанных канонов и давал ощущение «величия» любому, кто выставлял там свои работы, и даже тем, кто просто заходил побродить по его залам. Произведение искусства может стать «высоким» только при условии, что оно нашло свое место в анналах истории. Такие учреждения, как музеи, действительно, позволяют создать более или менее объективизируемые иерархии ценностей. Не пытаясь идеализировать их функции (каноны, которым следуют музеи, могут быть просто сокрушительными, а действия бюрократии, которая их насаждает, слишком жесткими и способными подавить любое сопротивление или малейшие признаки «бунта»), тем не менее можно с уверенностью сказать, что классические музеи придерживались существовавшей иерархии ценностей (большей частью буржуазных или общенациональных), позволявших производить качественную и количественную оценку творчества, но делали это иначе, чем предлагается современной системой арт-проектов. Начиная с 1970-х годов функция музея как хранителя исторического наследия медленно, но верно сходит на нет в круговороте постоянно обновляемых временных выставок и биеннале, что представляет собой структурную амнезию в области ис-

---

¹ Gielen P., and De Bruyne P. (eds). Teaching Art in the Neoliberal Realm...

куства, заставляя его страдать от потери исторической глубины¹. По словам Петера Слотердайка, «за последние несколько десятилетий музеи потеряли свою способность на уровне культуры, то есть на самом высоком уровне, связывать различные поколения»².

Парадоксально, но художественный дискурс креативности ориентирован на последовательную борьбу с классической моделью музея. Если бы лет тридцать назад художники и другие сторонники так называемой институциональной критики в мире искусства понимали, что они подрывают свою институциональную основу, то, возможно, запели бы совсем иную песню. Или по крайней мере выбрали бы более удачную стратегию. Однако такой анализ оказывается не совсем честным и корректным. Встав на путь «медленной критики» (медленной, поскольку сторонники этой критики всегда отличались двойственным отношением к музею), эти деятели были вынуждены догонять набравшую высокую скорость неолиберализацию, которая благополучно развивалась в постфордистских условиях при так называемом креативном капитализме. Другими словами, в самом мире искусства уже появились «художественные критики», впитавшие в себя, по мнению Люка Болтански и Эв Кьяпелло, дух нового капитализма. Капитализм нашел способ получить выгоду от работы, проделанной институциональными критиками в их оценке достижений деятелей культуры, переняв у этих критиков некоторые словечки, например: «креативность» (которая подавляется музеем), «инновации» (которые тормозятся музеем) и «гибкость» (которая просто невозможна в жестких рамках, установленных музеем). Однако капитализм одновременно стал тем локомотивом, который сдвинул с мертвой точки неповоротливую махину художественного музея. Или скорее он ловко воспользовался его преимуществами и даже сумел более эффективно использовать те механизмы, действие которых было запущено ранее с самыми благими намерениями. Это относится к переходу от фордизма к постфордизму, который в визуальном искусстве происходил параллельно с трансформацией искусства модернизма в современное искусство 1970-х годов. Сюда также можно включить так называемый выставочный поворот или гегемонистский переход от музея к биеннале и символическую замену художников так называемыми независимыми кураторам, первым из которых стал швейцарский организатор выставок Харальд Зеemann.

---

¹ Gielen P. The Murmuring of the Artistic Multitude...

² Sloterdijk P. Je moet je leven veranderen. Amsterdam: Boom, 2011. Translated from the German: Du mußt dein Leben ändern (You Must Change Your Life, New York: Polity Press, 2013).

При таком повороте в сторону организации выставок вряд ли стоит удивляться тому, что художественная изоляция творческого работника в его собственной мастерской сменилась постфордистским дискурсом мобильности и взаимосвязи. «Мобильность», «номадизм», «путешествия», «планетарный дрейф», «массовый исход», «транспорт», «линки», «цепи», «петли», «нейроны», «в контакте», «реляционный», «связь», «коммуникация», «распределение», «перераспределение» – это всего лишь малая часть тех понятий, которые повсеместно используются при описании деятельности в мире современного искусства. За последние два десятилетия музеи все чаще стали определять себя как ячейку сетевого общества. Поэтому неудивительно, что большую часть вышеупомянутой лексики сегодня можно найти в выставочных каталогах. Слово «сеть» используется везде и всюду, а карьера кураторов и художников рассматривается как непрерывный ряд временных проектов. В настоящее время музеи и биеннале, а также культурные города, в которых они работают и творят, позиционируют себя как предприятия, конкурирующие друг с другом за художественный, политический и экономический престиж. Их символическая значимость находит свое отражение в количестве посетителей, результатах отчетности и других измеримых показателях, а творческий потенциал выражается в логике количественных изменений.

Самопрекаризация, кураторство и «новый стиль»

Было бы чрезмерным упрощением видеть в идее сети исключительно идеологическое понятие. В современной экономике, однако, сеть все чаще и чаще создается и развертывается с целью обслуживания системы новой капиталистической гегемонии. Это относится не только к трудовым отношениям, но и к реорганизации образования, СМИ, политике и взаимодействиям внутри художественного мира. Более того, весь сетевой дискурс есть не что иное как инструмент, используемый для тотального перекраивания границ между общественной сферой, областью труда и частным пространством. Использовать понятие «сеть» в виде сугубо нейтрального или описательного термина, как это делает Бруно Латур в своей этнографической работе, или жонглировать им к месту и не к месту, цитируя Жюль Делеза, как это принято в мире искусства, значит игнорировать или подавлять идеологическую сущность понятия сеть. Мы в состоянии понять труды деятелей современного мира искусства и культуры, только если у нас будет какое-либо представление о доминирующих производственных отношениях в самом этом мире. И это вовсе не оригинальная идея, так как она была выдвинута еще Вальтером Бенямином более

полувек назад. В своем эссе о роли автора он пришел к неожиданно постулату о том, что автора можно рассматривать только как производителя в его отношениях с «четвертой властью» или средствами массовой информации, как бы мы назвали это сегодня. Он пишет:

Они по-прежнему принадлежат капиталу... Так как нынче, с одной стороны, газета, технически говоря, представляет важнейшую писательскую точку зрения, но, с другой стороны, эта точка зрения находится в руках противника, то не стоит удивляться тому, что сознание писателя в его общественной обусловленности, в его технических средствах и политических задачах должно сталкиваться с огромнейшими трудностями¹.

Разве то же самое утверждение нельзя отнести к сегодняшнему музею и его новому главному герою в мире изобразительного искусства – «независимому» куратору, только на сей раз в связи с взаимоотношениями между «арт-рынком» и «глобальным капитализмом»? Текущий контекст производства искусства характеризуется высокой степенью индивидуализации или деколлективизации проектного труда в рамках динамической сетевой структуры. Сама атмосфера этого контекста и вечно юношеский энтузиазм, даже теоретически легитимированные под предлогом личной автономии, делают мир современного искусства особенно уязвимым для воздействия рыночных механизмов. Эти идеи, кроме всего прочего, соответствуют желанию творческого работника действовать автономно, в условиях полной свободы. Новый капитализм, естественно, убеждает своих сторонников в том, что они могут или по крайней мере должны управлять собственной жизнью и условиями своего труда. Это их моральное обязательство. В обмен на такую возможность самовыражения художники и кураторы должны быть готовы предлагать результаты своего труда дешево, а иногда и вовсе бесплатно. Стремление к автономии, подпитываемое неолиберальными призывами к реализму и «личной ответственности», в конечном итоге приводит к «самопрекаризации». Часто художники и кураторы рискуют и пренебрегают существующими средствами социальной защиты (оформление страхования на случай инвалидности, внесение отчислений в пенсионные фонды и т. п.), полагая, что всегда смогут позаботиться о себе сами, или откладывая решение этих вопросов на ближайшее будущее. В этих условиях наличие работы дает уникальный шанс для самореализации, и именно поэтому авторы так легко соглашаются продавать результаты своего труда по низким ставкам. Художники и кураторы, которые сами для себя являются работодателями, считают достижение своих целей дей-

---

¹ Беньямин В. Автор как производитель. Логос. 2010. № 4 (77). С. 127.

ствительной реальностью и в ходе этого процесса реализуют себя. Тем не менее вера в «самореализацию» часто создает для таких работников/работодателей большие проблемы. Политолог Изабель Лорей отмечает двойственность того положения, в которое деятели культуры и работники творческой сферы поставили себя сами:

Финансирование своей собственной творческой деятельности, одновременно вынужденное и выбранное добровольно, постоянно создает и воспроизводит одни и те же условия, в которых человек, с одной стороны, испытывает неудобства, а с другой – хочет принимать активное участие. Вероятно, именно поэтому творческие работники, эти прекаризованные по доброй воле созидатели прекрасного, являются субъектами, результатами трудов которых так легко воспользоваться, ибо они готовы переносить тяжести условий своей жизни и работы с бесконечным терпением, во-первых, потому что верят в личную свободу и независимость, а во-вторых, из-за своей мечты о самореализации¹.

Как ни парадоксально, но самопровозглашенная независимость фактически ставит деятелей искусства и культуры в положение чрезвычайной зависимости от постоянно меняющихся сетевых отношений, что подталкивает их к сползанию на позиции, подобные тем, что наблюдаются у конкурирующих предпринимателей. Как и любые приверженцы неolibеральной сетевой экономики, творческие деятели и кураторы постоянно вынуждены заниматься самопродвижением, чтобы оставаться частью сети взаимодействий или еще более расширять ее. Это создает такой производственный контекст и такие отношения между творческими работниками, которые оставляют свой отпечаток как на позиции авторов, так и на институтах (например, музеях), в рамках которых они работают. Чтобы проиллюстрировать это в рамках данной работы, основной упор будет сделан только на одном, пусть и очень важном аспекте современного художественного производства – на проектной работе.

Проектная работа

Как и в остальных сферах жизни общества, в производстве продуктов творческого труда проекты играют центральную роль. В мире традиционного искусства, к примеру, временные выставки, биеннале и триеннале сумели занять историческую территорию музейного сек-

---

¹ Lorey I. *Virtuosos of Freedom: On the Implosion of Political Virtuosity and Productive Labour*. In *Critique of Creativity: Precarity, Subjectivity and Resistance in the 'Creative Industries'*. Edited by Gerald Raunig, Gene Ray, and Ulf Wuggenig. P. 79–90. London: MayFly, 2011.

тора, который сам, кстати сказать, постепенно становится проектно-ориентированным. Социологи Люк Болтански и Эв Кьяпелло считают, что в сетевом обществе проекты являются желанным средством производства и временным связующим звеном:

«Проект» – вот удобный случай и повод для установления таких связей. «Проект» объединяет на какое-то время очень разных людей, он представляет собой нечто вроде исключительно активного отрезка сети, который достигает максимальной мощности на относительно короткий промежуток времени, но обеспечивает возможность установить более долговременные связи, последние переходят затем в латентное состояние, но остаются в распоряжении участников проекта... Поскольку сама природа такого рода проектов предполагает, что они имеют начало и конец, проекты следуют один за другим, изменяя, в соответствии с приоритетами и потребностями, состав рабочих групп или команд¹.

В результате проектная работа порождает инструментальные отношения, которые исчезают по завершении проекта. Так, независимые кураторы вступают во временные стратегические альянсы с художниками, дизайнерами, произведениями искусства, спонсорами, творческими организациями и т. д. Как только творческий проект завершается, всякие отношения прекращаются. Однако, несмотря на то что эти связи разорваны, потенциально они возобновимы. В сущности, они лишь приостановлены.

Проекты обладают особой экономической ценностью, поскольку их временный характер позволяет объединить огромное количество энергии, рабочей силы и рабочего времени. Те, кто совместно работает над проектом, как правило, склонны полностью отдаваться делу или по крайней мере уделять ему больше времени и вкладывать в него больше энергии, чем это предполагалось изначально. Именно поскольку они знают о том, что когда-нибудь проект закончится, они готовы жертвовать личным временем, работать ночами напролет или соглашаться на долгий рабочий день. Это отчасти объясняется тем, что творческий проект всегда ориентирован на результат, а результат – это единственное, за что люди несут ответственность. Даже несмотря на постоянную нехватку ресурсов люди готовы отдавать проекту все свои силы. Таким образом, проектная работа действительно резко повышает производительность и интенсифицирует творческий характер труда, но в то же время она является удобным способом психологической, социальной и физической эксплуатации.

---

¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 200–201.

Вдохновленные идеей проекта участники воображают, что нашли для себя рай на земле, поскольку им кажется, что их коллективное творчество безгранично. Но те, кто скачет от проекта к проекту, постепенно осознают, что такой способ работы питается только их интеллектуальной и физической энергией, в конечном итоге приводя к истощению. Проект выжимает вас до последней капли.

Нельзя сказать, что идея организации трудового процесса в форме проектной работы является чем-то новым и утвердилась лишь в последние три десятилетия. В мире искусства такой способ работы считается вполне традиционным и имеет устоявшиеся традиции. Классические музейные кураторы также организовывали выставки, которые имели начало и конец и временно собирали вместе авторов, произведения искусства, критиков, коллекционеров, а иногда и спонсоров. Основное отличие современных независимых кураторов состоит в том, что их художественные проекты больше не являются частью обязательной и оплачиваемой деятельности музеев. В результате запуск проекта и его успех напрямую связаны с символическим статусом и экономической ситуацией куратора. Поскольку любой проект носит временный характер, то доходы и договоры на проведение работ, если таковые были заключены, также являются временными. И когда творческая работа куратора оплачивается достаточно низко, как это зачастую бывает, он начинает искать новые проекты, не бросая при этом текущего. Другими словами, независимые кураторы всегда живут где-то в ином мире, а не здесь и сейчас. Они постоянно находятся где-то за пределами настоящего, в мире потенциальных будущих проектов. Философ Борис Гройс отметил по этому поводу:

Каждый проект является декларацией другого, нового будущего, которое наступит, когда проект будет выполнен. ...Если у человека есть проект, точнее, если он живет в проекте, то он уже пребывает в будущем. Он работает над тем, что (пока) нельзя показать другим, что остается скрытым и некоммуникабельным. Проект позволяет ему эмигрировать из настоящего в виртуальное будущее, создавая временной разрыв между ним и остальными, поскольку они не пребывают в будущем и только ожидают его¹.

На социальном уровне это часто вызывает фрустрацию у менеджеров, руководителей, технических работников и других участников проекта. И хотя они могут по-прежнему сотрудничать с куратором, мысленно он уже не с ними, а в будущем. Такие симптомы, как отсутствие или нарушение коммуникации, ограниченные или даже фальшивые обязательства, но также и физическое отсутствие иногда

---

¹ Гройс Б. Комментарии к искусству. М.: Художественный журнал, 2003. С. 200–201.

отмечаются временными сотрудниками, но проблемы, возникающие при этом, редко находят решение. Как и любой проектный работник, независимые кураторы в буквальном смысле испытывают недостаток в *рутине*: они не попадают в *ритм* дня и не живут в настоящем времени. Следовательно, они также не замечают ритм своего непосредственного окружения и людей, с которыми работают. Это превращает их в одиночек, постоянно пребывающих в поисках будущего, в поисках новых, лучших и более амбициозных проектов.

Проект в качестве временного объединения в сети приводит к интересной социальной конфигурации и не только потому, что сетевая конфигурация инструментальна и ориентирована на достижение цели, а социальный аспект в этом смысле – всего лишь способ добиться конечного результата. В конце концов главной целью является именно реализация художественного проекта или концепции, а не взаимные отношения. Основная причина возникновения необычной социальной конфигурации заключается в том, что цель, которая реализуется коллективом сотрудников, располагается в ином месте по меньшей мере для одного из этих сотрудников – независимого куратора. Вследствие такого смещения цель всегда остается за пределами проекта, над которым ведется работа, а именно в новом проекте. С социологической точки зрения такая ситуация приводит к появлению необычных форм социального единения. Причем такое единение в конечном счете выгодно тем, кто реализует проект (техническим работникам, администраторам, специалистам по связям с общественностью и т. п.), и крайне редко инициаторам и авторам проекта. Последние находятся в буквальном смысле за пределами своего проекта, который, как уже упоминалось, делает их одиночками.

Для автора проекта находящееся именно здесь и сейчас не имеет значения, поскольку он уже живет в будущем и рассматривает настоящее как нечто, что должно быть преодолено, уничтожено или, по крайней мере, изменено. Поэтому для него нет причин для самооправдания или коммуникации с настоящим¹.

Тем не менее Гройс не говорит о материальных причинах такой апатии по отношению к настоящему моменту. Если следующий проект необходим не только для получения внутреннего удовлетворения, но и чтобы свести концы с концами, то он будет только подпитывать будущий эскапизм.

В океане проектов обязательства всегда остаются временными и частичными. Это касается не только производителей проекта, но

---

¹ Там же. С. 202.

также и окружающей среды – города, района, музея, общественности, художественного сообщества или сообщества мигрантов, в которой проект реализуется, и даже его идеи, если эта идея проходит через обсуждение. Номадические кураторы флексибильны не только физически, но также социально и ментально. Опираясь на свою интуицию и талант, они постоянно сканируют мир в поисках идей, новых художников или очагов художественной деятельности. Подобно предпринимателю, ставящему интуицию в основу своей деятельности, независимый куратор, существующий в условиях вечного беспорядка, постоянно находится в состоянии бдительности и сомнений одновременно. Пребывая в таком «флюидном» состоянии, он способен накапливать специализированное, творческое и высокоперсонализированное знание. Преимуществом этого персонально интегрированного знания является то, что его применение весьма флексибильно и мобильно. Недостатком же является то, что его сложнее рассматривать исторически и институционализировать. В конце концов сетевые отношения не слишком легко заносятся в память. Обязательства по отношению к локальным условиям или истории могут быть только временными, так как в противном случае они будут угрожать независимости и личной свободе.

Выражаясь абстрактно, независимые кураторы действуют достаточно гибко как в пространстве, так и во времени, которые могут их ограничить. Символическая и экономическая выгода слабых и легко заменяемых отношений уравнивается нехваткой веры и верности тем же самым локальным условиям и истории. По мнению Ричарда Сеннета, ментально и физически мобильный человек постепенно утрачивает свои характерные черты или «устойчивое “Я”»¹. В романтических объятиях богемного окружения, любителей перемен, сетей и проектов слишком легко забывается эта жертва, принесенная во имя свободы творчества.

Таким образом, деинституционализация музея не только разрывает связь с историей, но и лишает возможности формировать устойчивые черты личности. Проще говоря, художественные выставки больше не связаны с верой или убеждениями. Защищая художественные идеи или концепции, выставки являются лишь относительно и временно актуальными. На время проекта и пока в этом сохраняется заинтересованность окружающей среды такое старомодное позиционирование может быть продуктивным, однако после этого оно становится раздражающим, превращаясь в то, от чего хочется избавиться.

---

¹ Sennett R. The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism. New York and London: Norton & Company, 1998.

Другими словами, независимый куратор больше не должен занимать какую-либо позицию. Или скорее он больше не обязан *придерживаться* своей позиции, как это до сих пор делают музеи, поскольку они ограничены рамками своей (локальной) истории. И хотя современные художники и музеи, пытаясь сохранить доверие к себе, по-прежнему стремятся к некоему постоянству (как признаку подлинности и защищенности), мир современного искусства требует чистой мобильности и гибкого прогнозирования. Если кураторы действительно являются по-настоящему творческими личностями, то они с готовностью обменивают старые идеи на новые. Другими словами, авторам проекта лучше с самого начала быть свободными, отчужденными от собственного художественного продукта. «Развитие контактов и связей» всегда предполагает некоторую форму «отступления в тень», то есть отсутствие готовности пустить корни, ведь, в самом деле, ризома – это не корни. В современном мире искусства «привязанность» приравнивается к «ностальгии», «жесткости» и «негибкости». Другими словами, новое капиталистическое общество требует творчества ради творчества, мобильности ради мобильности, текучести ради текучести и изменчивости ради изменчивости.

Исчисляемое искусство

Тенденция к постоянной смене позиций в ходе осуществления проекта объясняет растущие изменения в управлении крупными учреждениями, такими как музеи. Тем самым внедряется идеология перемен, поскольку перемены как таковые в целом представляются хорошей вещью. В мире современного искусства инновации по определению являются положительными. Большинство сотрудников уже отлично понимает, что многие организационные преобразования, которые с первого взгляда могут показаться бессмысленными, позднее действительно оказываются таковыми и что бесконечная цепь «креативных» изменений часто приводит к существовавшему ранее статус-кво при утрате институцией своей отличительной особенности. По крайней мере рядовые сотрудники уже давно поняли, что неофилия в первую очередь охватывает новых менеджеров, стремящихся сохранить за собой свое кресло, так как каждое вновь заявленное преобразование обосновывает законность их собственного существования. В то время как художники, кураторы и проекты приходят и уходят, тот, кто хорошо умеет измерять и считать, всегда сохранит свое место в музее. В конце концов художественные идеи должны быть легко воплощаемыми и лишены любых фанатичных догм, идеологий или убеждений.

В настоящее время ни художник, ни куратор больше не могут рассчитывать на защиту своих интересов со стороны музея. Поскольку художественный риск, который они берут на себя, не учитывается институцией, они стремятся быть более осторожными, прежде чем подставлять свою шею. Более того, в связи с тем, что музеи все менее и менее способны самостоятельно формировать и защищать свою собственную художественную и историческую ценность, художники все чаще ведут себя в соответствии с измеримыми параметрами существующей экономической реальности в современных условиях нового капитализма. Это не только заставляет их принимать на себя меньшие риски, но также означает, что льготный период для «убыточных» художественных экспериментов сокращается. Другими словами, художники и кураторы вынуждены действовать таким образом, чтобы получить прибыль как можно быстрее и по возможности при минимальном риске. На свободном рынке обмен товарами искусства организован совершенно иначе, чем это делается в классическом художественном музее. Если последний относится к искусству как к соприкосновению с вечной жизнью или по крайней мере долгосрочному вкладу в культуру, то первый подчеркивает важность выживания здесь и сейчас. И даже более того: в условиях гегемонии рынка культурный вклад рассматривается как возможность бесконечного обогащения. Признаки культурного возвышения в отдаленном будущем можно вывести непосредственно из нынешней прибавочной стоимости любого культурного продукта.

Таким образом, свободный рынок лелеет собственные выдумки и собственную утопию, как это было прекрасно продемонстрировано голландским философом Хансом Актерхусом¹. Разница лишь в том, что он регулирует обмен произведениями искусства и организацию выставок иначе, чем классические музеи, и тем самым порождает другую реальность. Однако, убеждая нас в том, что существует только одна пригодная для жизни реальность, новый капитализм сползает к идеологии реализма, как это было довольно тонко подмечено Марком Фишером². Ибо только то, что может быть рассчитано, является управляемым и только то, что управляемо, является реалистичным и реальным. Поэтому не стоит удивляться тому, что такой реализм производит все большее количество поддающихся исчислению произведений искусства, предназначенных для рынка, современных биеннале и музеев.

Пер. Е. Новиковой, ред. М. Ильченко

---

¹ Achterhuis H. De utopie van de vrije markt. Rotterdam: Lemniscaat, 2010.

² Fisher M. Capitalist Realism: Is There No Alternative? Winchester: Zero, 2009.

Часть II

РОССИЙСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ ПОСТФОРДИЗМА И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ИНВОЛЮЦИЯ?

Глава 7. ФОРДИЗМ И ПОСТФОРДИЗМ. АЛЬБЕРТ КАН И ЭРНСТ МАЙ: США И ГЕРМАНИЯ В БОРЬБЕ ЗА СОВЕТСКУЮ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЮ

Генри Форд изобрел свое поточно-конвейерное производство в 1908 году, впервые применив на практике теорию Тейлора в приложении к такому технически крайне сложному изделию, как автомобиль. Советская идеология долгие годы клеймила «бесчеловечную природу» системы Тейлора меткими ленинскими определениями: «“научная” система выжимания пота»¹, «система порабощения человека машиной»², «утонченное зверство буржуазной эксплуатации»³ и т. п. Но это на словах. На деле же советское руководство проявляло к тейлоровской системе и фордовскому конвейеру немалый интерес. Причина не только в том, что они, опять же по ленинскому выражению, соединили в себе «...ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля и т. д.»⁴. Но прежде всего в том, что, уничтожив рыночную экономику и частное предпринимательство, заменив товарные отношения распределительной системой, большевики невольно ликвидировали всю традиционную систему стимулов к труду и были вынуждены искать новые формы

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. С. 18.

² Там же. Т. 24. С. 369.

³ Там же. Т. 36. С. 189–190.

⁴ Там же. С. 189–190.

организации и руководства производственными процессами, которые могли бы быть прагматически эффективными в этих условиях. Поиск привел в итоге к возникновению причудливого сочетания методов принуждения и насилия, морально-политических обязательств и материального стимулирования.

Фордовский конвейер, несмотря на негативные оценки его со стороны вождя мирового пролетариата, был той формой рационализации производства, которая позволяла с максимальной эффективностью использовать широкие массы низкоквалифицированной рабочей силы. Только фордовский конвейер способен был обеспечить производство в СССР массовой «среднекачественной» продукции. Только он мог удовлетворить постоянно растущие планы выпуска военных изделий. Только он позволял ставить к станку вчерашних крестьян (а также женщин и подростков), не тратя времени и денег на их специализированное профессиональное обучение. Все это становилось возможным в результате: а) разделения труда (разбивка процессов на небольшие операции, которые способен выполнять неквалифицированный персонал, тем самым высвобождая высококвалифицированные кадры для управления и оптимизации производственными процессами), б) стандартизации и типизации узлов, агрегатов и запчастей, в) развертывания организации процесса не вокруг специализированных станков, а, наоборот, за счет «расстановки» станков вдоль непрерывного производственного потока (лента сборочного конвейера).

Широко практикуемое в Америке и Германии крупносерийное поточное производство и строительство, стандартизация и унификация промышленных изделий и инженерных конструкций, конвейерная сборка и новые технологии не могли не привлечь внимание советского руководства, прекрасно понимавшего, что без заимствования передового зарубежного опыта ему не удастся осуществить стремительный прыжок в индустриально развитое будущее, не удастся стать промышленной державой мирового уровня. Но первые же попытки внедрения в СССР поточно-конвейерной сборки сложных изделий, первые же опыты по организации производства в виде автоматизированного «функционального потока» выявили ряд «местных» особенностей. Непрерывность производственного процесса – от станка к станку, от цеха к цеху, от заготовки к конечному продукту – не позволяла устанавливать первопричины конкретного брака; сменность лишала возможности выявлять «авторов» поломки станков и механизмов, организация работы конвейера в виде «сквозных бригад» мешала выявлять конкретных виновников порчи инструментов и оборудования; «сдельщина» толкала

рабочих к погоне за количеством в ущерб качеству... «Непрерывка» сборки вызывала «обезличку» продукта, а стремление «перевыполнить план» разрушало «ритмичность». Человеческие «винтики» механизма поточного производства никак не вставлялись в уготованные для них места.

Применительно к советскому образу будущего фордистская система рисовалась в виде картины непрерывно сходящих с конвейера бесконечных верениц танков, самолетов, пулеметов, пушек и т. п., потому что большевики создали такую хозяйственную систему, которая год за годом все в большей степени опиралась на развитие военно-промышленного комплекса.

Вот здесь-то и возникает вторая волна интереса к изданной в СССР еще в 1924 году книге Г. Форда «Моя жизнь, мои достижения» и непосредственно к ее автору. Гибкая советская идеологическая машина тут же легко извлекает на свет другое высказывание Ленина, рекомендовавшего выявлять содержащиеся в системе Тейлора рациональные элементы и творчески направлять их на «...сокращение рабочего времени, использование новых приемов производства и организации труда без всякого вреда для рабочей силы трудящегося населения»¹.

В 1927–1929 годах, по мере разработки и утверждения плана индустриализации, ВСНХ СССР, главный подрядчик советского военно-промышленного комплекса, получает все новые и новые задания по введению в строй огромного количества промышленных, энергетических, добывающих и прочих предприятий. Причем партийно-правительственное руководство страной требуют от ВСНХ исполнения этих планов в невероятно короткие сроки. Попытки самостоятельно проектировать и строить крупные, технически сложные объекты завершаются неудачей.

Здесь в отечественной истории и возникают три эпизода «практического фордизма», старательно замалчивавшиеся, а когда не удавалось, то извращавшиеся советской историографией. Первый напрямую связан с Генри Фордом, второй – с архитектором Альбертом Каном, который спроектировал для Форда фактически все его заводы, а третий – с архитектором Эрнстом Маем, который в полном соответствии с идеологией фордизма самостоятельно разработал технологию ускоренного поточно-конвейерного проектирования генеральных планов рабочих поселков и массового строительства типовых стандартизированных жилых домов в них.

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. С. 141.

Приехавшие в СССР группа специалистов под руководством Эрнста Мая и инженеры фирмы Альберта Кана целенаправленно превращаются в «центры» копирования передового опыта – они «помещаются» внутрь советских проектных институтов, специально созданных для «снятия кальки» с их проектно-технологического опыта, и 1,5–2 тыс. советских сотрудников (периодически заменяемых новыми обучаемыми) постоянно контактируют с ними, практически вникая в суть западных проектных технологий, осваивая нюансы проектного подхода, усваивая способ мышления, перенимая формы организации процесса разработки документации и взаимодействия со смежными специалистами.

Но история первых пятилеток, которая на протяжении нескольких десятилетий очень дисциплинированно (т. е. в рамках формулировок, допущенных официальной пропагандой) формировалась советской историографией, скрывала эти эпизоды практического «фордизма». Она замалчивала роль приглашенных в СССР, не только упомянутых нами американца А. Кана и немца Э. Мая, но и сотен других иностранных специалистов и фирм из десятка других стран. А если и упоминала, то лишь для того, чтобы возложить на них полностью вину во всех неудачах. Реальный вклад иностранцев в реализацию планов первой пятилетки оставался белым пятном в истории советской индустриализации.

На протяжении всей истории России, начиная с времен Петра Первого, далее – в эпоху капитализма в дореволюционный период, потом в Советском Союзе и сегодня – в постперестроечной, политически обновленной России, общественное и научное сознание обращалось и продолжает обращаться к передовому зарубежному опыту. И это нормально, потому что постоянный анализ мировых трендов развития, заимствование всего, что способствует собственному прогрессу, учет при построении своих планов тех путей и стратегий, сообразно которым движутся другие страны, – это правильная тенденция. Таким же необходимым условием реалистичности перспективного планирования являются понимание и учет специфики собственных условий и собственного интеллектуального, организационно-управленческого и социально-культурного потенциала.

Изучение истории обращения к «фордизму» в 1920–1930-е годы в Советском Союзе и осознание специфики и причин своеобразного приложения идеологии и практики поточно-конвейерного производства (и западной технической помощи в целом) к советским реалиям могут явиться хорошим историческим уроком для тех, кто сегодня формирует планы очередного индустриально-технологического рывка России в будущее.

Советская индустриализация: Альберт Кан и технология ускоренного проектирования промышленных предприятий – новостроек первой пятилетки¹

Среди архитекторов, оказавших решающее влияние на промышленное зодчество XX века, имя американского архитектора Альберта Кана занимает особое место. Но до сих пор все еще мало изученной остается самая интересная часть его деятельности – сотрудничество с Советским Союзом в 1929–1932 годах. Альберт Кан был архитектором, по проектам которого в СССР в период первых пятилеток было построено более 500 промышленных и гражданских объектов. В начале 1930-х годов опыт деятельности А. Кана целенаправленно изучался и широко описывался в советской научной и учебной литературе. Более того, для обеспечения советской промышленности специалистами, умеющими работать по методу Альберта Кана, в СССР тогда же был создан специальный проектный институт, в котором отечественные специалисты обучались американской технологии промышленного проектирования не в форме лекций и коллоквиумов, а за счет непосредственного включения в процесс изготовления чертежей, работая совместно с американскими инженерами, которые демонстрировали и передавали свой практический опыт. Именно по образцу фирмы Альберта Кана в СССР в начале 1930-х годов была создана государственная система советских проектных институтов, занимавшихся всеми типологическими областями промышленного проектирования.

Альберт Кан родился в 1869 году в г. Раунене (Германия), в 1880 году вместе с родителями переехал в США. Семья поселилась в Детройте, ставшем вскоре центром американской автомобильной промышленности. В 1902 году архитектор Альберт Кан вместе с братом Юлиусом и позже присоединившимися к ним другими братьями – Луи и Морицем создал проектную компанию Albert Kahn Associates, Inc. И стал известен как крупнейший промышленный архитектор XX века, спроектировавший для фордовского концерна практически все его заводы с технологией конвейерного сборочного производства. Но хотя он известен как «архитектор Форда», на самом деле сотрудником Генри Форда он не являлся. Он работал и по заказам других фирм: «Дженерал Моторс», «Шевроле», «Олдмобиль», «Кадиллак», «Паккард», «Гудзон», «Крайслер» и т. д., а кроме того, проектировал банки, храмы, больницы, библиотеки, особняки и проч.

---

¹ Благодарю Сою Мельникову-Рэйч за уточнения и замечания, сделанные в ходе работы над данным материалом.

Он был гением изобретательства в организации строительного проектировании. Его интересовало, каким образом можно изготовить проект быстрее, качественнее и с меньшими затратами. Широко известно его высказывание о том, что «промышленная архитектура на 90 % состоит из бизнеса и только на 10 % из таланта». Этот тезис он воплотил в жизнь, превратив свою достаточно крупную проектную контору в идеально отлаженный конвейер по изготовлению проектов.

Технология ускоренной поточно-конвейерной «сборки» проекта промышленного предприятия из стандартизированных и типизированных строительных конструкций (точно такая же, как сборка автомобиля на фордовском конвейере) позволяла А. Кану разрабатывать проекты гигантских автомобильных и тракторных заводов в немыслимо короткие сроки – не за 4–6 месяцев, а за 2–3 недели, а потом монтировать их не за 1,5–2 года, а за 3–5 месяцев. Она и явилась той инновацией, которая привлекла к нему внимание руководства ВСНХ СССР.

Высшее руководство Советского Союза, ставя в конце 1920-х годов перед ВСНХ задачу выполнения плана индустриализации, то есть проектирования и строительства современных военно-промышленных производств, а также обеспечивающих их энергетических, транспортных, цементных, металлургических, алюминиевых, станкостроительных, текстильных и проч. предприятий, вынуждено было обращаться к более технологически развитому, а главное уже проверенному на практике опыту зарубежных стран в промышленном проектировании и строительстве. И прежде всего к американскому. Целью ВСНХ являлось создание собственных, отечественных, образцово-показательных, «модельных»¹ промышленных и строительных предприятий, которые должны были выступать в роли родоначальников новых отраслей, исполнять роль центров подготовки кадров, а также стимулировать развитие смежных и вспомогательных производств. По их образцу предполагалось тиражировать возведение других аналогичных предприятий.

А также, что было крайне важным, особенно на первом шаге индустриализации – создание тоже образцовых, «модельных» проектных организаций, которые были призваны выступать школами подготовки кадров проектировщиков для различных отраслей народного хозяйства; очагами распространения на всю общегосударственную систему проектного дела тех передовых зарубежных технологий проектных работ, которые удавалось адаптировать к отечественным условиям.

---

¹ Термин Б. М. Шпотова (см.: Шпотов Б. М. Не дано нам историей тише идти (техническая помощь Запада советской индустриализации). URL: <http://www.historia.ru/2002/03/shpotov.htm> (на рус. яз.) (дата обращения: декабрь 2004 г.).

Власть предоставила ВСНХ законодательные основания для «привлечения иностранных специалистов для работы в государственной промышленности, в частности, по проектированию»: 1 июня 1928 года вышло постановление «О мерах по упорядочению капитального строительства промышленности и электростроительства»¹, содержавшее раздел «Использование заграничного опыта и достижений иностранной техники», позволяющий привлекать зарубежных специалистов для работы в СССР.

Переговоры с Альбертом Каном велись от имени ВСНХ через фирму «Амторг»². Во-первых, потому что наркомат военной промышленности, являвшийся основным «потребителем» советской индустриализации, не мог выступать официальным заказчиком никакой легальной американской фирмы. А во-вторых, потому что в тот момент между СССР и США вообще не существовало дипломатических отношений, и «Амторг» являлся одной из специально созданных подставных контор, выполняющих военно-закупочные поручения советского правительства. Эти функции «Амторг» унаследовал от организаций, которые в середине 1920-х годов осуществляли военно-стратегические закупки, например, импорт автотехники и станков для военных шел через «Автоимпорт»; закупка стратегического сырья (в середине 1920-х годов медь, алюминий и цинк поставлялись из Америки) велась через «Главпромтрест»; функции официального импортного представителя для военного «Авиатреста» выполнял «Мотоимпорт» и т. п. В 1927 году «Автоимпорт», «Мотоимпорт», «Спотэкзак» были упразднены, а вместо них в структуре Наркомата по военным и морским делам был создан Отдел внешних закупок (ОВЗ), основным внешнеторговым «органом» которого и стал «Амторг». Формально он являлся «частным акционерным обществом», а на самом деле советской государственной организацией, игравшей ключевую роль неофициального дипломатического и торгового посредника между СССР и США.

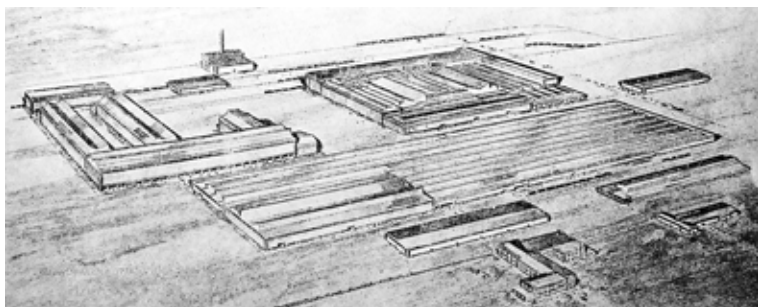
Договор с фирмой А. Кана на проектирование Сталинградского тракторного завода (СТЗ) был заключен 8 мая 1929 года. Проектирование предусматривало разработку генерального плана завода, планировку отдельных зданий, разработку системы подъездных путей, системы электроснабжения, отопления и других взаимосвязанных составляющих огромного промышленного комплекса, пожалуй, самого мощного на тот период в мире. Но что самое глав-

---

¹ Собрание законов СССР. 1928. Отдел первый. № 33. Ст. 297 (далее – СЗ СССР).

² Создан 1 мая 1924 г. в результате слияния «Продекско» и «Аркос-Америка»; зарегистрирован в Нью-Йорке.

ное – помимо изготовления чертежей, фирма А. Кана координировала действия более чем 100 американских фирм, обеспечивающих изготовление и поставку строительных конструкций, станков, оборудования. Все необходимые для сборки заводских цехов строительные конструкции закупались или изготавливались в США, а затем отправлялись в Сталинград – через Черное море, потом по Волге, далее в 252 железнодорожных вагонах и длинными караванами верблюдов, лошадей, волов и грузовых автомобилей¹. Завод был собран на берегу Волги под наблюдением американских строителей и инженеров фирмы Кана за немислимо короткий по советским меркам срок – к февралю 1930 года² (рис. 1). За эту работу, помимо оплаты всех фактических расходов, фирма получила вознаграждение в размере 130 тыс. долл.³ (более 1,5 млн долл. в ценах 2012 года⁴).

Рис. 1. Сталинградский тракторный завод. Перспектива с птичьего полета. Визуализация Albert Kahn Associates Inc.

Источник: Sonia Melnikova-Raich. The Soviet Problem with Two «Unknowns»: How an American Architect and a Soviet Negotiator Jump-Started the Industrialization of Russia. Part 1. *IA: Journal of the Society for Industrial Archeology*. Volume 36. Number 2 (2010). P. 57–80, 67 (публикуется с разрешения Сони Мельниковой-Рэйч).

¹ Sonia Melnikova-Raich. The Soviet Problem with Two «Unknowns»: How an American Architect and a Soviet Negotiator Jump-Started the Industrialization of Russia. Part 1. *IA: Journal of the Society for Industrial Archeology*. Volume 36. Number 2 (2010). P. 57–80, 66.

² Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е гг.: Лабиринты экономического сотрудничества. М.: Книжный дом «Либроком». 2013. С. 206.

³ Россия и США: торговые отношения, 1900–1930. Сб. документов / под ред. Г. Н. Севастьянова. М., 1996. С. 311.

⁴ Sonia Melnikova-Raich. The Soviet Problem with Two «Unknowns»: How an American Architect and a Soviet Negotiator Jump-Started the Industrialization of Russia. Part 1. *IA: Journal of the Society for Industrial Archeology*. Volume 36. Number 2 (2010). P. 57–80, 61.

Рис. 2. Подписание контракта между компанией Albert Kahn Associates Inc. и «Амторгом». Сидят (слева направо): Альберт Кан, Самуил Брон.

Источник: Гуревич В. Жизнь инженера Гуревича // Челябинская баллада, или Как это делалось тогда. [Электронный ресурс]: <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer2/Gurevich1.htm> (на рус. яз.).

9 января 1930 года в Детройте между Альбертом Каном и председателем «Амторга» Саулом Григорьевичем Броном заключается новый договор о технической помощи ВСНХ, согласно которому фирма А. Кана официально становится главным консультантом советского правительства по промышленному строительству (рис. 2).

В результате реализации этого контракта за три года (с начала мая 1929 года и по конец апреля 1932 года) фирма А. Кана проектирует в СССР не только тракторные, но и авиационные, локомотивные, цементные, текстильные, консервные, станкостроительные, алюминиевые, приборостроительные и многие другие заводы; асбестовые, корундовые, графитовые, бумажные, обувные, прядильные, папиросные, фармацевтические фабрики; лесопилки, ангары, склады, электростанции, холодильники, доки т. п.¹ По существу, А. Кан спроектировал значительную часть ассимилированной военно-гражданской промышленности Советского Союза.

¹ Industrial & Commercial Buildings. Albert Kahn, Inc., Architects & Engineers, Detroit. Mich., 1936.

Советская историография, посвященная промышленной архитектуре, практически никогда не освещала роль архитекторов в формировании советского военно-промышленного комплекса (ВПК). Считалось, что автомобильные, тракторные, вагоноремонтные, локомотивные и др. заводы проектировались исключительно как автомобильные, тракторные, вагоноремонтные и локомотивные. Жившим в советский период людям привычным было знание о том, что на каждом из гражданских заводов мобилизационными планами предусматривался переход на выпуск военной продукции. Но никогда и нигде в специальной литературе не упоминался тот факт, что производство военной продукции предусматривалось на этих заводах сразу же, с первой минуты их пуска в строй, с первых котлованов, с первых чертежей. Сегодня эта страница истории отечественной архитектуры дозрела до своей проверки и, возможно, коренного пересмотра.

Идея ассимиляции военного и гражданского производства не являлась исключительным изобретением сталинского военно-политического руководства. Но постепенно конкретизируясь под влиянием предложений военных специалистов, корректируясь на основе рекомендаций Главного управления военной промышленности (ГУВП), она превратилась в весьма необычную модель, которая вслед за американской моделью «кооперированных производств» основывалась на использовании советской гражданской промышленности в военных целях. Правда, почти тотальном использовании – развертывании на заводах гражданского профиля выпуска широчайшего спектра собственно военной продукции как в законченном виде, так и в виде полуфабрикатов.

Например, для изготовления военного изделия, именуемого «выстрел», на гражданских заводах предлагалось изготавливать основные составляющие – гильзы, корпуса снарядов, капсулы, взрыватели, дистанционные трубки, тротильные заряды. Или, например, выпускать на гражданском производстве компоненты такого военного изделия, как «система орудийного огня», – орудийные тела, лафеты, передки, оптические приборы. По отдельности все эти комплектующие не образовывали еще конечного «военного продукта», они превращались в него лишь в специализированных сборочных мастерских или на особых заводах ВПК, где вместе с другими «специализированными военными полуфабрикатами», изготавливаемыми на специальных военных заводах, собирались в законченное «военное изделие».

Но в отличие от американской модели, советскую военную компоненту предлагалось не просто «подвязывать» к системе существующих гражданских производств за счет размещения на них военных

заказов, а наоборот, возведение гражданских фабрик и заводов планировать и осуществлять исходя исключительно из потребностей военной промышленности. То есть сначала намечать постройку тех предприятий, которые необходимы для выпуска военной продукции и уже на основе этой базовой структуры производств развертывать соответствующие их технологическому профилю гражданские заводы по изготовлению комплектующих для военной продукции. Именно этот подход (полное первоначальное подчинение гражданской промышленности военному производству) стал базовой инновационной доктриной формирования советского военно-промышленного комплекса.

Решение сначала создавать гражданскую промышленность так, чтобы еще до войны она на постоянной основе содержала функционирующий военный компонент, является ключевым для понимания механизма формирования советского ВПК, запущенного планом первой пятилетки. В этом смысле идея формирования военно-гражданских предприятий оказывается разительно схожей с реализованной в СССР еще в самом начале 1920-х годов идеей Л. Д. Троцкого по созданию трудовых армий, состоявших из обычных стрелковых соединений, кавалерийских, артиллерийских и других частей, но использовавшихся в мирное время для принудительной трудовой деятельности, сохранявших при этом способность к стремительному переходу в состояние боевой готовности при возникновении военной угрозы. Только здесь (с точностью до наоборот) гражданские предприятия сразу включались в выпуск военных изделий и пребывали в состоянии готовности к полному переходу на военные рельсы.

Согласно этой доктрине, тракторные, автомобильные, авиационные и многие другие заводы уже с самого начала создаются как военные, а гражданская компонента рассматривается лишь как элемент системы «ассимилированного военно-гражданского производства». Подобное решение позволяет практически воплотить грандиозные планы советской милитаристской программы тем, что уже в мирное время помещает основные виды военной продукции в постоянную отработку на гражданские производства, начинающие производить основной объем военных полуфабрикатов.

В отношении слияния военного производства с обычным мирным следует различать: а) размещение на гражданских предприятиях производства некоторых категорий военных изделий, которое не является ассимилированным, и б) общее первоначальное использование всего гражданского промышленного аппарата для обслуживания военных нужд, собственно и являющееся «ассимилированным», положенным в основу советской «мобилизационной» стратегии. В ее рам-

ках многие предметы армейского потребления, такие, например, как обувь (валенки, сапоги), палатки, консервы и проч., создавались таким образом, что являлись одновременно военными и гражданскими. Они, как и некоторые военные предметы и оборудование (военные изделия так называемой третьей группы) – средства связи и маскировки, понтоны, интендантское имущество, специальный инструмент, электротехническое и железнодорожное оборудование и т. п., производились не специально предназначенными для этой цели военными предприятиями, а целиком изготавливались соответствующими мирными фабриками – текстильными, обувными, электротехническими и прочими сразу в законченном виде.

Ассимиляция военных и гражданских производств, лежащая в базе советской индустриализации, позволяла обеспечить следующее.

Во-первых, взаимодополняемость и даже взаимозаменяемость военных и гражданских фабрик и заводов.

Во-вторых, возможность в случае необходимости быстрой адаптации гражданских рабочих кадров к военному производству, потому что в составе трудового коллектива постоянно присутствовали квалифицированные мастера по производству военной продукции, способные осуществить в короткие сроки ускоренную переподготовку гражданских специалистов. Например, на гражданской швейной фабрике, изготавливающей вполне мирную продукцию, существует цех, постоянно шьющий армейские плащ-палатки. И запас брезента имеется, и ниток, и в штате состоят мастера и работницы, освоившие технологию изготовления плащ-палаток. С началом войны за мастерами в качестве учеников закрепляются по 10–15 других мастеров, работавших рядом – в других цехах; они такие же опытные, но только раньше не имели дела с изготовлением подобной продукции. Эти мастера почти мгновенно «переучиваются» на выпуск данного вида изделий, и фабрика целиком переходит на изготовление плащ-палаток. Тот же процесс происходит и в отношении рабочих: работники оборонного цеха почти мгновенно переучивают своих коллег на изготовление данного вида продукции, после чего «старые» мастера и «старые» рабочие берут в обучение новеньких, неопытных, пришедших с улицы – призванных по трудмобилизации и начинают (уже в более длительный срок) обучать их ремеслу в целях расширения объемов производства и замены работников, призываемых на фронт.

В-третьих, способность во время войны многократно наращивать объемы выпуска военной продукции за счет относительно небольших дополнительных затрат (в частности, за счет перехода на двух- или трехсменный график работы).

В-четвертых, возможность ввести единые сортаменты и стандарты для военной и гражданской техники (например, единые стандарты для отдельных частей и элементов трактора и легкого танка, автомобиля и броневика, гражданского и военного самолетов и проч.), позволяющие превращать детали и комплектующие во взаимозаменяемые.

В-пятых, возможность лавинообразно расширить для вероятного противника список военных целей, «растворив» военные объекты в массе «гражданских» – враг лишился возможности намечать конкретные военно-промышленные цели и оказывался перед необходимостью осуществлять трудоемкие и съедающие массу военных ресурсов ковровые бомбежки всех подряд промышленных территорий и производственных объектов, в том числе и огромное количество гражданских объектов, потому что все они оказывались «немного военными».

В-шестых, не держать в мирное время в «мертвом» состоянии огромные человеческие, материальные и прочие ресурсы, предназначенные для военной сферы.

Вот для решения этой глобальной задачи и были приглашены американские специалисты. Но первоначально они не были посвящены в военную составляющую своей гражданской технической помощи. Во всяком случае, когда в ноябре 1942 года, за несколько недель до смерти Альберта Кана, его близкий друг, главный редактор Detroit Free Press Малкольм В. Бингай (Malcolm W. Bingay), спросил его, знал ли он о военном предназначении проектировавшихся им тракторных заводов, А. Кан припомнил, как спорил с советскими заказчиками, которые настаивали на использовании чрезмерно крупных фундаментов, избыточно мощных кранов и дополнительно усиленных стальных несущих конструкций по всей длине цехов, убеждая их, что это совершенно ненужный перерасход материалов, финансов и сил. Но они «с улыбкой рассказывали ему о суровых российских зимах». В эти минуты он думал, что «все они просто сумасшедшие». Мориц Кан был первым, кто выяснил подлинную причину подобного требования: «Альберт, – говорил он, – эти люди вовсе не сошли с ума. Они строят военные заводы, но не хотят, чтобы мы знали об этом...» Вспоминая этот эпизод, Альберт Кан говорил, что никогда и ничем русские «...не выказали своих военных целей»¹.

Анализ того, как советским проектировщикам удавалось в тайне от американских специалистов фактически параллельно с разработ-

---

¹ Sonia Melnikova-Raich. Указ. соч. С. 69.

кой комплектов чертежей в кратчайшие сроки решать сложнейшие задачи совмещения в одном генплане двух очень разных технологий военного и гражданского производства (потому что выпуск военной и гражданской продукции шел на этих заводах одновременно, фактически с первого дня), организовывать в единой пространственной структуре процессы перемещения различных видов грузопотоков (обычных и «засекреченных»), передвижения обычных и военных контингентов рабочей силы, решать вопросы ускоренной «перенастройки» конвейера с изготовления тракторов на производство танков и т. п., позволит выявить уникальный опыт, имеющий сегодня не просто академический исторический интерес, но и огромное организационно-управленческое и педагогическое значение.

Подтвердив свою способность стремительно проектировать заводы и успешно обеспечивать контроль над строительно-монтажными работами, фирма А. Кана после подписания нового контракта получает задание спроектировать Челябинский тракторный завод (рис. 3, 4, 5), предназначенный для производства тракторов «Катерпиллер», экземпляр которого, доставленный на пароходе из США, уже в течение нескольких месяцев, разобрав по винтику, старательно изучают советские инженеры в здании ленинградского Гипромеза.

Рис. 3. Челябинский тракторный завод. Перспектива с птичьего полета. Визуализация Albert Kahn Associates Inc.

Источник: Sonia Melnikova-Raich. The Soviet Problem with Two «Unknowns»: How an American Architect and a Soviet Negotiator Jump-Started the Industrialization of Russia. Part 1. IA: Journal of the Society for Industrial Archeology. Volume 36. Number 2 (2010). P. 67 (публикуется с разрешения Сони Мельниковой-Рэйч).

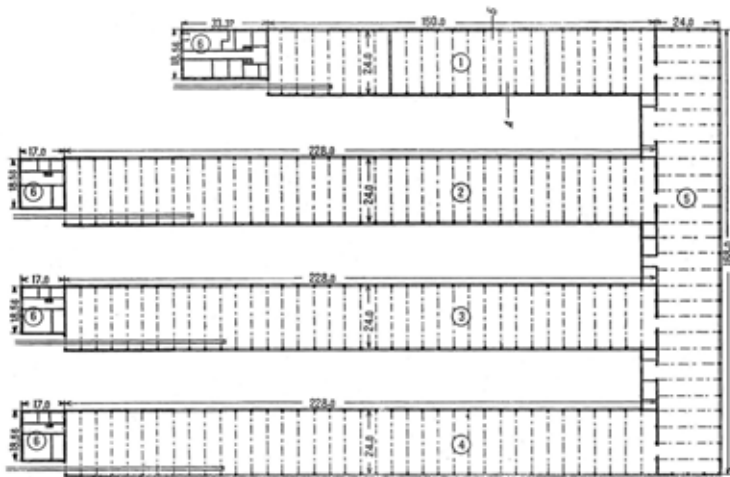

Рис. 4. Кузнечный цех Челябинского тракторного завода. План.
Чертеж Госпроектстроя

Источник: Цветаев В. Д. Современная фабрично-заводская архитектура. М.; Л.: Гостройиздат. 1932. С. 52.

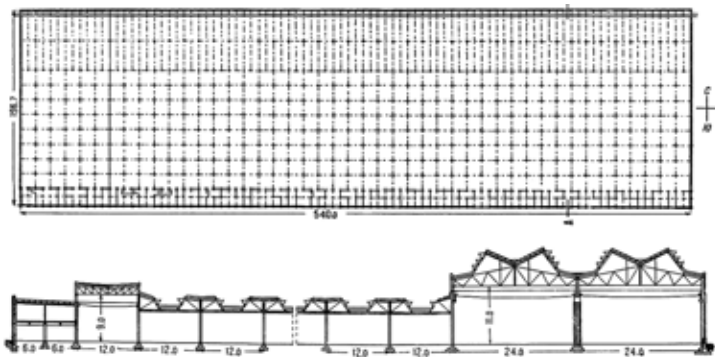

Рис. 5. Механосборочный цех (конвейер) Челябинского тракторного завода.
План, разрез. Чертеж Госпроектстроя

Источник: Цветаев В. Д. Современная фабрично-заводская архитектура. М.; Л.: Гостройиздат. 1932. С. 42.

Договор от 9 января 1930 года предполагает, что 25 кановских сотрудников придут для постоянной работы в Москву, а параллельно Стройобъединение ВСНХ СССР отправит в Детройт свой инженерно-технический персонал (также в количестве 25 человек), который

будет работать совместно с американскими консультантами¹. Эти специалисты, прибывшие в Америку в конце апреля 1930 года (правда, в Америку приехали не 25, а 40 человек), совместно с 12 американскими инженерами и составляют основной штат проектного бюро Chelyabinsk Tractor Plant², разрабатывающий технологический процесс производства тракторов на Челябинском тракторном заводе.

Любопытно, что об этом событии журнал «Строительство Москвы» сообщил за три месяца до момента официального подписания договора – в ноябрьском номере за 1929 год: «Фирма “Альберт Кан” организует... в Москве проектную контору, где советские инженеры, совместно с командированной в Москву группой американских инженеров-строителей, будут выполнять проектные работы по крупнейшим объектам нового строительства. ВСНХ СССР предоставляется право командировать в Америку группу советских инженеров для ознакомления на крупнейших стройках с новейшими американскими методами строительных работ»³.

Советская проектная контора, о которой писал журнал, была создана решением Президиума ВСНХ СССР одновременной с проектным бюро в Детройте – 5 марта 1930 года. Ею стал трест «Госпроектстрой» – Государственный трест строительного проектирования ВСНХ СССР⁴, который предназначался специально для проведения совместных работ с фирмой Albert Kahn Associates, Inc.

Группа из 25 американских инженеров приехала в Москву в мае 1930 года. Она состояла из главного архитектора, шести архитекторов, специализирующихся на проектировании различных типов промышленных зданий, главных инженеров по технологии строительства и расчетов, главных инженеров по отопительному оборудованию, вентиляции, слесарному делу, канализации, электрическим системам и системе управления, а также нескольких помощников⁵. Руководил группой Мориц Кан. Американские специалисты, прибывшие в Москву, сразу включились в состав треста «Госпроектстрой», который настолько стремительно начал развертывать свою деятельность, что вскоре стал самой большой проектной организацией мира. Первоначально намечалось, что с американскими архитекторами

---

¹ Известия. 1930. № 29.

² Гуревич В. Жизнь инженера Гуревича. (Глава из книги «Челябинская баллада, или Как это делалось тогда») URL: <http://berkovich-zametki.com/2008/Zametki/Nomer2/Gurevich1.htm> (на русс. яз.)

³ Хроника строительства. Американский опыт в наше строительство // Строительство Москвы. 1929. № 11. С. 40.

⁴ Устав утвержден ВСНХ СССР 17 июня 1930 г. (СЗ. 1930. № 43. Ст. 240.)

⁵ Sonia Melnikova-Raich, Указ. соч. Р. 62.

будет сотрудничать около 100 советских проектировщиков, однако уже в 1932 году в составе треста «Госпроектстрой-1» работало более 2,5 тыс. сотрудников, причем это был непрерывно обновляющийся состав специалистов. Номер «1» трест получил 22 марта 1931 года (приказ ВСНХ СССР № 158) в связи с тем, что из его состава выделась другая проектная организация – «Госпроектстрой-2», укомплектованная советскими специалистами, за год совместной работы с кановскими архитекторами и инженерами уже овладевшими американской технологией промышленного проектирования и умеющими работать по ней самостоятельно: проектировать сооружения других важнейших отраслей военно-промышленного комплекса – химической, авиационной, текстильной, резиновой¹.

Через «Госпроектстрой» в целях обучения поточно-конвейерному способу изготовления проектной документации за три года совместной деятельности с фирмой Альберта Кана было «пропущено» в общей сложности около 4,5 тыс. советских инженеров и техников, впоследствии занимавших ответственные посты в государственной системе архитектурно-проектного дела.

В феврале 1932 года «Госпроектстрой-1» реорганизуется в трест «Металлостройпроект»², который после отъезда американцев 29 апреля 1932 года теперь уже открыто, не скрывая своего предназначения, начинает обслуживать потребности ВПК. Для таких «военно-гражданских» предприятий тяжелого машиностроения, как ВОМТ, Восхим, «Локомотив», Вагонотормозное, Дизельное, «Котлотурбина», ВАТО, Союзверфь, Речсоюзверфь, ВОАО, РУЖ, Снарядный трест и «Патрубвзрыв»³, «Металлостройпроект» либо разрабатывает новые проекты, применяя полностью адаптированную к советским условиям технологию поточно-конвейерного промышленного проектирования, либо тиражирует проекты, которые были ранее изготовлены с участием американцев, привязывая их ко все новым и новым местам.

Альберт Кан не был посвящен в сверхзадачу, возложенную руководством ВСНХ на сотрудников его фирмы (негласно и незаметно для них самих), – обучение максимально широкого круга советских

---

¹ Казусь И. А. Организация архитектурно-градостроительного проектирования в СССР: этапы, проблемы, противоречия (1917–1933 гг.). Дис. ... канд. арх. В 2 т. М., 2001. С. 399.

² Постановление Наркомтяжпрома СССР № 119 от 21 февраля 1932 г.

³ «Об организации сети контор строительного проектирования». Постановление коллегии НКТП № 119 от 21 февраля 1932 г. // Наше строительство. 1932. № 9. С. 443–444, 443.

специалистов ускоренному поточно-конвейерному проектированию. Он был обескуражен постоянной «текучкой» кадров – заменой советских сотрудников, некоторое время поработавших и чуть-чуть поднабравшихся опыта, на других, совсем не опытных и не квалифицированных. Он был удивлен постоянным привлечением к работе студентов, пусть и способных, но мало что умеющих делать. В своем письме председателю Союзстроя Н. П. Комарову А. Кан писал о советских специалистах: «...очень немногие являются опытными, большинство... имеет небольшой стаж, а многие являются просто учениками... Если бы какая-либо деловая организация в Соединенных Штатах или в какой-либо другой стране имела такой состав работников, то не прошло бы и нескольких месяцев, как эта организация потерпела бы банкротство»¹. Он не предполагал, что все это делается специально и «педагогическая» компонента для руководства ВСНХ не менее важна, чем непосредственное проектирование гигантских тракторных, металлургических, цементных, станкостроительных и проч. заводов. И намного важнее, чем сиюминутная финансовая выгода, потому что ВСНХ, заблаговременно готовясь к завершению американской помощи, массово «натаскивало» отечественные кадры для дальнейшей самостоятельной работы.

Перенос американского опыта поточно-конвейерного проектирования промышленных предприятий на советскую почву и адаптация его к отечественным условиям проектного труда были непростыми. О полном «калькировании» проектной деятельности, то есть о непосредственном воспроизведении американской организации проектного процесса, о прямом заимствовании его содержания не могло быть и речи, настолько несхожими были и условия работы в Америке и СССР, и техническое обеспечение проектной деятельности, и сама философия проектирования, и состояние базы стройиндустрии, и характер кооперации между различными дисциплинарными разделами проекта, и квалификация исполнителей, и многое-многое другое.

Заимствование американского опыта шло по трем направлениям: 1) разработка проектов промышленных предприятий (общие конструктивные решения, узлы, элементы, детали, технология строительства и т. п.), обеспечивающих возведение цехов предельно ускоренными темпами; 2) приложение к советским условиям американского образца организации процесса проектирования (административное устройство проектной конторы, распределение ролей, организация процесса принятия решений в ходе изготовления про-

---

¹ За индустриализацию. 5 февраля 1930 г.

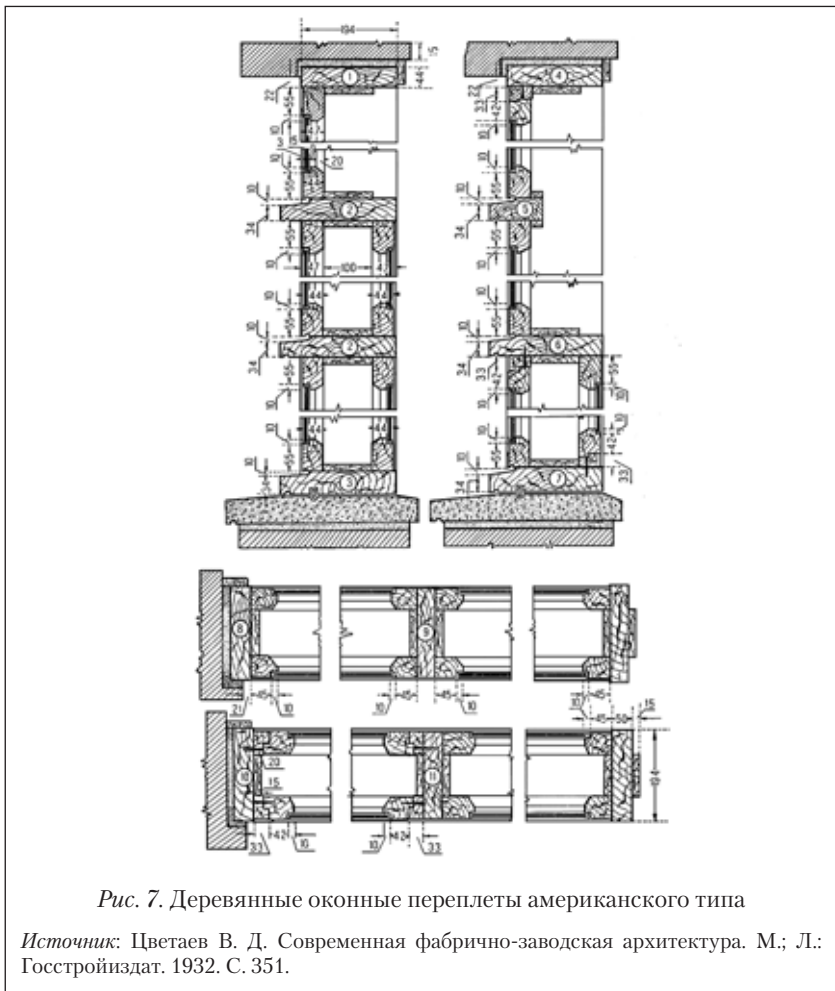

Рис. 7. Деревянные оконные переплеты американского типа

Источник: Цветаев В. Д. Современная фабрично-заводская архитектура. М.; Л.: Гостройиздат. 1932. С. 351.

копления технического и материального потенциала, которую давно прошли западные страны, и фактически единомоментно поставить советскую экономику на один уровень с ведущими экономическими державами мира.

Речь шла не только о заимствовании конструктивных решений таких крупных элементов, как большепролетные фермы перекрытий с фонарями верхнего освещения или металлические колонны, рассчитанные на оптимальные расстояния между собой (шаг колонн) для разных функциональных частей здания (сборочный конвейер, вспомогательные цеха, складские помещения, бытовки и т. п.), или поперечные сечения железобетонных опор с раскладкой арматуры

либо фундаментных башмаков и проч. Но и о таких мелких элементах, которые были незаметны на фоне огромных пролетов гигантских цехов, но необходимы для любого производственного сооружения, жизненно важны для его эффективной эксплуатации, – деревянные переплеты окон, которые, если приниматься за их проектирование, оказывались не менее сложными инженерными конструкциями, чем гигантские металлические фермы перекрытий; механические тележки для очистки фонарей, без которых нельзя было обойтись, или ворота – прочные и теплые, максимально экономичные по расходу материала, с петлями (или роликовыми подвесами), выдерживающими вес створок и не допускающими перекосов и продувания, и многие другие (рис. 6, 7).

Архитектор А. К. Буров, командированный в Америку для знакомства с американским проектным опытом и увидевший в Детройте кановские чертежи, писал: «Сегодня мне удалось видеть чертежи деревянных заводских окон. Вопрос, над которым и я, и мы все очень много бились. Узнал в один день кучу вещей очень простых, но очень существенных...»¹

Другой не менее важной задачей являлось апробирование и отбор иностранных технических решений для их последующего массового применения в советском промышленном проектировании. Эта работа также являлась весьма непростой, ибо требовала отсортировывать решения, пропуская их через «фильтр» возможностей изготовления и употребления в условиях СССР. С самого начала было очевидно, что невозможно достигнуть на советской стройке той точности в допусках, которая была обычной для американского производства строительных конструкций. А это означало, что ручная доводка конструкций и строительных изделий (фермы, колонны, фундаментные стаканы, оконные фрамуги и т. п.) с неизбежностью сведет на нет главные преимущества типизированного, стандартизированного массового изготовления и монтажа – скорость, простоту и дешевизну. Необходимость «подгонки по месту» вернет конвейерное производство элементов зданий и, соответственно, поточное возведение самих зданий к доиндустриальным, «штучно-ремесленным» способам строительства.

Нужно было «усреднить» инженерно-технические решения, применявшиеся в закеанской практике, отобрать такие, которые не требовали бы предельной точности изготовления, способной поставить под угрозу производство и использование этих решений в СССР из-

---

¹ Андрей Константинович Буров: Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников. М.: Искусство, 1980. С. 42.

за несоответствия чересчур жестких американских стандартов реалиям советского производства. Результатом переработки американских решений и приспособления их к отечественным условиям строительства и возможностям базы стройиндустрии явилась разработка первых отечественных типов промышленных зданий и первой серии госстройпроектных типовых узлов и деталей промышленных зданий (серия ТД)¹. Поперечный не открывающийся фонарь, прототип которого был ранее заимствован из германской проектной практики, уступил в них место продольному открывающемуся фонарю американского типа, что позволило осуществлять сплошную застройку, доводя площадь цехов до 8 га².

«С 1930 г. ... американские методы возведения легких, стандартных одноэтажных зданий приобретают у нас широкое распространение. Магнитострой, Кузнецкстрой, Уралмашстрой, Азовсталь, Запорожсталь, Шарикоподшипникстрой, ХТЗ, ЧТЗ, Краммашстрой, Луганстрой и многие другие крупнейшие новостройки Союза осуществляются... с применением американских методов. Не только тяжелая, но пищевая промышленность идет по тому же пути. Мясокомбинаты в Москве и Ленинграде построены на базе освоения американской техники»³. Изданная в 1932 году книга «Фабрично-заводская архитектура»⁴ донесла до нас итоги переложения зарубежных конструктивно-технических решений на советский манер – она переполнена словосочетаниями: «металлическая колонна американского типа», «железнодорожные ворота американского типа», «тележка для очистки стекол американского типа», «ферма американского типа», «железобетонный башмак американского типа» и т. п., то есть теми образцами, которые были апробированы, «очищены» от «избыточной» точности, приведены в соответствие с наличными материалами и возможностями «исполнителя» – советской базы стройиндустрии.

Но основная сложность приложения американской технологии проектирования к советским условиям заключалась в другом – в противостоянии двух совершенно различных проектных подходов

---

¹ Касьяненко И. Использование американского опыта в период становления советского промышленного зодчества (сотрудничество с фирмой Альберта Кана) // Взаимодействие культур СССР и США XVIII–XX вв. / отв. ред. О. Э. Туганова. М., Наука. 1987. С. 111–121, 114.

² Там же. С. 116.

³ Николаев И. Советская промышленная архитектура // Архитектура СССР. 1937. № 10. С. 23–29.

⁴ Цветаев В. Д. Современная фабрично-заводская архитектура. М.; Л.: Госстройиздат. 1932.

и более глубоко – двух профессиональных мировоззрений: а) «творческого» и б) «производственного». Промышленное проектирование в предреволюционной России основывалось либо на приоритете технологии, которая диктовала размеры и высоту корпусов, шаг колонн, размещение цехов по территории завода, трассировку транспортных путей и многое другое (технология как бы «обрастала» архитектурой), либо на приоритете художественно-образных начал, когда архитектура, исходящая из значимости внешнего вида промышленного здания, решала эстетические задачи (стилистически выдержанная оболочка «впускала» в себя соответствующую технологию).

В СССР в 1920–1930-х годах не существовало единых, стандартов на строительные параметры промышленных зданий, отсутствовала модульная координация отдельных частей зданий, проектные решения принимались ситуативно. И, например, шаг несущего каркаса выбирался каждый раз по-новому, исходя из несущей способности деревянных, металлических или бетонных конструкций, «обстраивающих» ту или иную технологию; он мог быть 4,5, 5,0, 5,2, 5,5 м, потому что расположение колонн было следствием расстановки оборудования, а не итогом первоначального выбора определенного типа конструктивной системы: «Как расстановливает колонны внутри заводского здания наш советский архитектор? Обычно это делает не он, а технолог. Архитектор, слепо следуя за ним, создает лес неритмично расставленных опор, без учета пролетности для рационально работающих верхних перекрытий. В результате – перерасход дерева, при больших пролетах – недобор напряжений при железобетоне... Вопросы перекрытия дебатировались целыми коллективами разнородных специалистов; типизации наружных стен нет»¹.

Советские проектировщики в условиях, когда трудоемкость строительных работ из-за дешевизны рабочей силы принципиального значения не имела, а стоимость строительных материалов, напротив, нужно было постоянно сокращать из-за требования экономии, все свои силы направляли на обеспечение снижения расхода дефицитных стали и бетона, скрупулезно рассчитывая каждую ферму и балку. В этом отношении они продолжали, дореволюционную российскую традицию проектирования промышленных зданий – гипертрофированную «творческую составляющую», которая основывалась на стремлении архитекторов постоянно отходить от устоявшихся проектных решений, избегать повторения сложившихся схем, искать

---

¹ Ильинский Н. Взять все лучшее из американского проектирования // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 26.

новый художественный облик зданий. Подобный подход требовал глубокой и детальной проработки каждого нового проекта и приводил как к значительному увеличению объемов проектной документации, так и увеличению сроков ее исполнения. При этом чертежи изготавливались вручную, так как светокопировальные машины отсутствовали, и также вручную переносились с ватмана на кальку, что отнимало массу времени, не гарантировало от ошибок и увеличивало себестоимость проекта¹. Американские же архитекторы вместо того чтобы каждый раз в каждом новом проекте бороться за экономию дефицитных строительных материалов, исходили из диаметрально противоположных приоритетов – сокращение расхода времени и трудозатрат на проектирование и монтаж зданий за счет использования типовых деталей, стандартных приемов сборки, серийных машин и механизмов. В масштабе массового строительства сотен промышленных предприятий это давало колоссальный экономический эффект.

Следствием этого было предельное упрощение проектной документации. Чертежи в фирме А. Кана не «разрабатывались», не «создавались творчески», а «собирались», «компоновались» из готовых, уже рассчитанных, заранее вычерченных, точно образмеренных элементов, а «...чертеж советского архитектора носил на себе подписи всех лиц, принимавших участие в проекте. Архитектурные моменты переплетались с конструктивными. Персонально-юридически отвечающего лица не было... Одни и те же размеры повторялись везде, где их можно втиснуть. Чем гуще был насыщен лист, тем лучше – добросовестней исполнитель»². В итоге «каждый проект превращался в своего рода научный трактат, где практическая сторона дела тонула в море вычислений, формул и доказательств... проекты заводов вместе с докладными записками весили по несколько сот пудов»³, а подчас полностью занимали кузов трехтонного автомобиля⁴. Как следствие, в советской практике тех лет, продолжавшей использовать дореволюционный подход, необходимость каждый раз заново рассчитывать конструкции приводила к тому, что на одного архитектора, принимавшего пространственно-компоновочные решения, приходилось

---

¹ Шпотов Б. М. Не дано нам историей тише идти (техническая помощь Запада советской индустриализации). URL: <http://www.historia.ru/2002/03/shpotov.htm> (на рус. яз.) (последнее обращение: декабрь 2004 г.).

² Ильинский Н. Взять все лучшее из американского проектирования // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 25.

³ Гуревич М. Г. Промышленность СССР и американская техника. Постановка проектирования // Торгово-промышленная газета. 12 июня 1929 г. № 132. С. 2

⁴ Письмо Эрика Мендельсона // Современная архитектура. 1927. № 3. С. 108.

до 12 инженеров, разрабатывающих и обсчитывающих эти решения. А в американской практике многократное применение стандартизированных планировочных решений и типизированных конструкций позволяло уменьшать количество конструкторов, «обслуживающих» одного архитектора втрое-вчетверо – до трех человек¹. Исправление подобного «перерасхода» специалистов, которых и без того катастрофически не хватало в советских проектных институтах, было одним из ожидаемых результатов заимствования американского опыта.

К искусству традиционного архитектурного формообразования, понимавшемуся как «творчество», деятельность фирмы Альберта Кана имела весьма отдаленное отношение, вернее никакого. Американские проектировщики все делали с точностью до наоборот: они шли не от технологии к архитектурной форме, а от универсального пространства – к размещению технологии. Альберт Кан придумал способ быстрого создания из стандартных деталей такого универсального строительного объема, в который затем мог вписываться практически без проблем любой производственный процесс. Особенность его подхода заключалась в создании внутрицехового пространства за счет крупноразмерной стандартной сетки пролетов на железобетонных или металлических колоннах шагом 12 × 12; 15 × 15; 24 × 24 м и т. п., кратным 3 м. Эта задача не являлась столь простой, как это может показаться на первый взгляд, так как нужно было принимать решения, которые не допускали избыточного пространства (пустого, не занятого технологическими процессами) и, как следствие, перерасхода материалов и средств; решения, которые сразу учитывали взаимосвязь основного производственного процесса и всех вспомогательных (административных, транспортно-коммуникационных, складских, бытовых и проч.).

Если в отечественной проектной практике формообразование фасада производственного здания, художественные достоинства его изображения традиционно играли ведущую роль, то на чертежах кановской фирмы фасады выполнялись условно – на них изображался не внешний вид, который был не очень важен, а способ «раскладки» по наружной стене «составляющих» ее типовых элементов – переплетов окон, перемычек, дверных полотен, ворот и т. п. (рис. 8). Американский промышленный архитектор «...идя от технологического процесса производства... мало заботится о наружном облике стен. Большая часть работ американского архитектора протекает в разрешении задач плана, а не фасада. Последнему он уделяет внимание лишь постольку,

---

¹ Ильинский Н. Взять все лучшее из американского проектирования // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 25.

Рис. 8. Компонувочные чертежи фасада литейного цеха Харьковского тракторного завода, выполненные американскими архитекторами в «Госпроектстрое» (надписи сделаны на англ. и рус. яз.)

Источник: Ильинский Н. Взять все лучшее из американского проектирования // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 25–27, 26.

поскольку он является рекламой и не идет в ущерб производственному процессу... американец... оставляет незаконченными заполнения оконных отверстий, вырисовывает пунктиром на двух-трех типовых пролетах фундаменты; показывает условными обозначениями способы раскрывания окон, температурные швы, пунктиром – линию полов, номера ворот, дверей, лестниц, вентиляционных камер и общую нумерацию или литературную маркировку простенков...»¹.

Типовым в американском проекте было все – окна, фонари верхнего освещения, двери, ворота, водостоки, душевые кабины, подкрановые фермы, балки, фермы перекрытий, колонны, фундаментные стаканы и т. д. и т. п. Все это не чертились, не рассчитывались и не изготавливались применительно к каждому проекту, а поточно выпускалось строительной индустрией по определенным типоразмерам. Наличие сортамента готовых элементов отменяло потребность в подробных рабочих чертежах. Строительные конструкции лишь подбирались по каталогам и складывались воедино – таким образом «конструировались» проекты конкретных цехов, а из них, опять же по стандартным схемам из взаимосвязи, «компоновался» затем и весь завод.

¹ Ильинский Н. Взять все лучшее из американского проектирования // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 27.

Все это становится возможным благодаря особому способу представления проектного содержания – составу чертежей, масштабам представления изображений, приемам маркировки и образмеривания, характеру комплектования чертежей в единый проект, процедурам согласования и утверждения и т. п. В частности, в американской практике обязательной была отсутствовавшая в СССР стандартность оформления чертежей. Если в отечественном проектировании в этот период «лист архитектурного чертежа собирал в себе самые разнохарактерные моменты проектирования; фасад совершенно спокойно уживался с поперечными разрезами, детали разреза – с планом; все сделано в разных масштабах и разными способами графического изображения»¹, то в американских проектах план, разрез, фасад, детали располагались в определенной последовательности. На всех листах задавалась единая рамка, каждый аспект проектирования изображался на отдельном листе (или группе листов), каждому листу присваивался свой порядковый номер, к которому в случае необходимости отсылались (за счет указаний в текстовом примечании) лица, изучающие чертежи². Если в отечественной практике проектирования план делался в большом масштабе в целях показать как можно больше деталей, в результате чего получался сильно раздутый лист с подклейками, достойный украшать стены солидных контор, но неудобный на производстве³, то на американских чертежах план, разрез, фасады выполнялись в строго определенных масштабах – 1:400–1:200; «типовые места» – в масштабе 1:50, а детали – в масштабах 1:20–1:10⁴. Кроме этого, обязательным являлось требование ориентировать план по сторонам света и двум координатам, причем для упрощения восприятия осям абсцисс придавалось цифровое, а осям ординат – буквенное обозначение⁵. Для промежуточных опор вводились дробные обозначения или двухбуквенные⁶. Все элементы – двери, ворота, перемычки, лестницы, оконные переплеты, уборные, душевые кабины, вентиляционные камеры и проч. нумеровались⁷. «Преимущество этого способа незаменимо. Имея две координаты и номер вы любую вещь найдете в самом запутанном чертеже. Нумеруются детали поперечных сечений, и ничего нет удивительного, если, перелистывая американский проект, наткнетесь на деталь № 435, которую найти

---

¹ Там же. С. 26.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 26.

легче иголки, потому что под этой цифрой в знаменателе стоит номер одного или нескольких листов, где она встречается»¹.

Подобное обозначение и маркировка имели решающее значение для ясности представления информации и упрощения использования чертежей. Причем в американской практике «компоновочные», сборочные, монтажные чертежи выполнялись в карандаше (что было намного быстрее, чем тушью) и размножались на светокопировальных машинах. Чертежи готовились и утверждались одновременно с рытьем котлована, строительные конструкции заказывались по телефону и доставлялись прямо к началу строительства.

Огромных организационно-управленческих и интеллектуальных усилий требовало осмысление того, как заполнить разрыв между двумя очень разными школами в проектировании промышленных объектов – инновационной американской, «конструирующей» проекты в результате сборки их из стандартных, повторяющихся элементов инженерных конструкций, с одной стороны, и традиционной российской – основанной на штучном проектировании каждого здания, на «индивидуальном» подходе к каждой проектной ситуации, на изготовлении строительных конструкций «по месту», с другой. Сложность «привязки» американской технологии проектирования к советским условиям в значительной мере была вызвана тем, что она происходила в ходе работы над конкретными проектами. А также тем, что стремление превратить проектирование промышленных предприятий из «творчества» в серийное, поточное «производство», основанное на стандартизации промышленных изделий и строительных конструкций, упиралось в подспудное сопротивление со стороны советских архитекторов. Американский проектный business, заменявший «творчество» поточным «производством», «инженерным конструированием», вызывал резкое неприятие у представителей российской идеологии «архитектурного проектирования». Так, А. К. Буров, познакомившийся в 1930 году во время своей командировки в США с организацией работ в фирме А. Кана, писал об американской организации проектного дела без восторга, как о чем-то неприемлемом для советской архитектуры².

В апреле 1932 года, как мы отмечали, контракт с фирмой Albert Kahn Associates, Inc. был прекращен, и ее сотрудники покинули Москву, что объяснялось перемещением государственных заказов

---

¹ Ильинский Н. Взять все лучшее из американского проектирования // Строительство Москвы. 1931. № 11. С. 27.

² Андрей Константинович Буров: Письма. Дневники. Беседы с аспирантами. Суждения современников. С. 35.

на оборудование для строящихся промышленных предприятий из Америки в Европу. Объекты, спроектированные Альбертом Каном, продолжали строиться и составляли значительную часть реализации планов второй и третьей пятилеток.

Несмотря на то что роль А. Кана в создании советской общегосударственной системы промышленного проектирования остается основательно затушеванной и, как следствие, практически неизученной, можно утверждать, что он является основоположником не только проектного метода, после окончания контракта с ним повсеместно принятого в СССР к массовому использованию, но и основателем организационной структуры государственных контор промышленного проектирования, так как в конце 1931 года проектные организации всей советской промышленности реорганизовуются «по типу Госпроектстроя» – так говорится в соответствующем постановлении¹. К этому времени, после полутора лет работы американцев в Советском Союзе, общепризнанной становится необходимость: а) отделения технологического проектирования от строительного (промышленного, жилищного, культурно-бытового), а тем более от специальных работ (водопровод, канализация, энергоснабжение и т. п.); б) дифференциации технологического проектирования по типам зданий и сооружений; в) наличия специалиста-технолога (главного инженера), основной обязанностью которого является увязывание всех профильных проектных решений в единый комплекс и ответственность за согласованность частей проекта; г) наличия «организатора» проектного процесса, обеспечивающего согласованность процесса проектирования с заказами станков и оборудования, строительных конструкций, машин и механизмов и т. п.

Накопленный в сотрудничестве с американцами опыт как раз и дает возможность СТО – главному руководителю работ по формированию советского военно-промышленного комплекса, отдать приказ о реформировании всей системы советского промышленного проектирования: «Провести к 15 декабря 1931 г. реорганизацию сети институтов и контор по технологическому проектированию на следующих основаниях... создать ряд контор по строительному проектированию, типа Госпроектстроя, на которые возложить изготовление строительных проектов по всем отраслям промышленности... для руководства проектированием объектов... выделять специальных старших инженеров, ответственных за проект в целом... выделять специальных

---

¹ См.: Постановление СТО от 26 ноября 1931 г. «О мероприятиях по упорядочиванию проектирования капитального строительства промышленности». СЗ СССР. 1931. № 69. Ст. 465. С. 779–783.

уполномоченных по каждому объекту для увязки сроков проектирования, строительства, монтажа и заказа оборудования»¹.

Пригодился и американский опыт координации проектных работ и комплектовки технологического оборудования: постановление вводит новый порядок составления и утверждения промышленных проектов, предписывая разработку на начальной стадии двух видов заданий: 1) планового и 2) проектного. Плановое задание должно разрабатываться соответствующими отраслевыми объединениями, переводящими установки пятилетнего плана в вид указаний на район расположения будущего объекта, его производительность и т. п. На основе планового задания формировалось проектное задание, которое (на основе экономических, технических, геологических и других изысканий; данных о наличии сырья, топлива, электроэнергии, воды, транспорта и проч.) оценивало техническую возможность и экономическую целесообразность строительства данного предприятия в данном месте. После утверждения проектного задания ВСНХ (или соответствующим отраслевым объединением) проектное задание становилось основой работы отраслевой технологической проектной конторы, которая при участии строительных и специальных проектных организаций составляла технический проект, где детально разрабатывались технологические процессы, состав оборудования, вопросы организации труда, транспорта, общие схемы планировки отдельных сооружений, список строительных материалов, тип освещения, отопления, водопровода, канализации, планировки жилых поселков, типы жилых зданий и культурно-бытовых сооружений, укрупненные сметы и ориентировочный календарный план².

Постановление также отменяло практику исчисления стоимости проектирования в процентах от стоимости будущего строительства и предписывало ВСНХ ввести такой порядок оплаты труда проектировщиков, который стимулировал бы их заинтересованность в снижении (а не в завышении) стоимости строительства.

Постановление вводило стандартизацию и типизацию, правда, в довольно своеобразной форме, адаптированной к условиям отечественной базы строительной индустрии, не способной изготавливать впрок, по заданным сортаментам, строительные конструкции и элементы: «поручить ВСНХ к 15 декабря 1931 г. преподать проектным организациям инструкцию о порядке выбора и расчета конструкций

---

¹ Постановление СТО от 26 ноября 1931 г. «О мероприятиях по упорядочиванию проектирования капитального строительства промышленности». СЗ СССР. 1931. № 69. Ст. 465. С. 779–783, 780–781.

² Там же. С. 779–783, 781.

и к тому же сроку выпустить стандартные расчетные таблицы, имеющие целью разгрузить проектные организации от излишней траты времени на техническую работу». Также предписывалось снабдить проектные организации «пособиями по проектированию и светокопировальной аппаратурой»¹.

Следует констатировать, что до сих пор в российской научной литературе нет фундаментальных публикаций о деятельности А. Кана в СССР, основанных на изучении материалов российских архивов. Многие вопросы все еще остаются без ответов. Существовали ли в конце 1920-х годов в Америке фирмы, способные проектировать также быстро, как Albert Kahn Associates, Inc.? Была ли кановская способность «мгновенного» проектирования действительно уникальной, и руководству ВСНХ не оставалось ничего иного, как идти на контакт именно с ним? Какие иные факторы (кроме скорости проектирования) рассматривались при принятии решения о заключении контракта с фирмой А. Кана (в сравнении, например, с немецкими фирмами и присущим им подходом к экономии материала при проектировании строительных конструкций, что, заметим, в значительно большей степени соответствовало советской проектной идеологии, потому что немецкие конструкторы, как и отечественные, максимально экономили материалы и стремились «...сделать из того же количества металла не одну, а две конструкции», благодаря предельно «точным расчетам и экономному конструированию деталей»²)? Как распределялась работа и осуществлялись текущие рабочие контакты между проектным бюро Chelyabinsk Tractor Plant, сформированным в марте 1930 года в Детройте из представителей «Челябтракторостроя», занимавшимся разработкой трактора, который потом выпускался этим заводом, и американскими сотрудниками фирмы Albert Kahn Associates Inc., «расквартированными» в «Госпроектстрое» и проектировавшими сам завод? Была ли их работа двумя частями единого процесса, перекинувшегося через океан, или это были два автономных и независимых друг от друга аспекта проектной деятельности (как они координировались и состыковывались)? Как осуществлялось «снятие слепка» американского опыта советскими специалистами в стенах «Госпроектстроя» и в Chelyabinsk Tractor Plant? В каком виде (отчеты, рекомендации, организационно-управленческие решения, нормы, предписания, стандарты и т. п.) фиксировались ее результаты? Какими путями происходила адаптация американского поточно-

---

¹ Там же. С. 779–783, 782.

² Дзержкович. Американская проектировка железных конструкций. Автосборочная в Москве // Строительство Москвы. 1930. № 2. С. 3–4.

конвейерного производства проектной документации в отношении к: а) качественному составу советских проектировщиков, б) состоянию базы стройиндустрии, в) существовавшей системе руководства – подчинения и т. п.? Какую роль играло руководство ВСНХ (НКТП) в: а) сознательном и планомерном кадровом и организационном обеспечении процесса переноса американского опыта в советские условия; б) кадровой политике по отношению ко всей системе ведомственных проектных организаций; в) нормативно-методическом обеспечении проектной деятельности больших производственных коллективов советских проектных институтов, впоследствии составивших базис советской проектной индустрии промышленного профиля; г) организационно-управленческой оптимизации процессов руководства гигантской разветвленной системой проектного дела в СССР; д) влиянии методов проектирования на совершенствование строительных технологий и т. п.? Как разрешались неизбежные профессиональные конфликты из-за несовпадения двух разных школ промышленной архитектуры – американской и советской?

Ответы на эти и многие другие вопросы, а также дальнейшее углубленное изучение деятельности фирмы Albert Kahn Associates, Inc. в СССР могут пролить новый свет на скрытые до сих пор эпизоды советского фордизма.

***Советская индустриализация:
Эрнст Май и технология ускоренного проектирования
генпланов соцгородов – новостроек первой пятилетки***

Интерес, возникший в середине 1920-х годов у государственного руководства СССР к германской строительной практике, был предопределен теми требованиями к строительству государственно-ведомственного жилища для рабочих и служащих, которые провозгласила советская власть – максимальная экономичность, стандартизированность, рациональность, технологичность возведения, типизация и, как следствие, максимально возможное ускорение проектирования и строительства и т. п.

Изучение зарубежного опыта представителями советских строительных ведомств выявило кардинальные отличия германской строительной отрасли от отечественной. Они заключались прежде всего в поточно-конвейерной технологии строительного производства: полный отказ от кирпичной кладки – дома не изготавливались на стройплощадке, а собирались там из крупных блоков, заблаговременно изготовленных конвейерным способом на заводе (рис. 9, 10). На фоне советской строительной практики середины 1920-х годов, основанной на ручной укладке кирпича и лишенной даже намека на

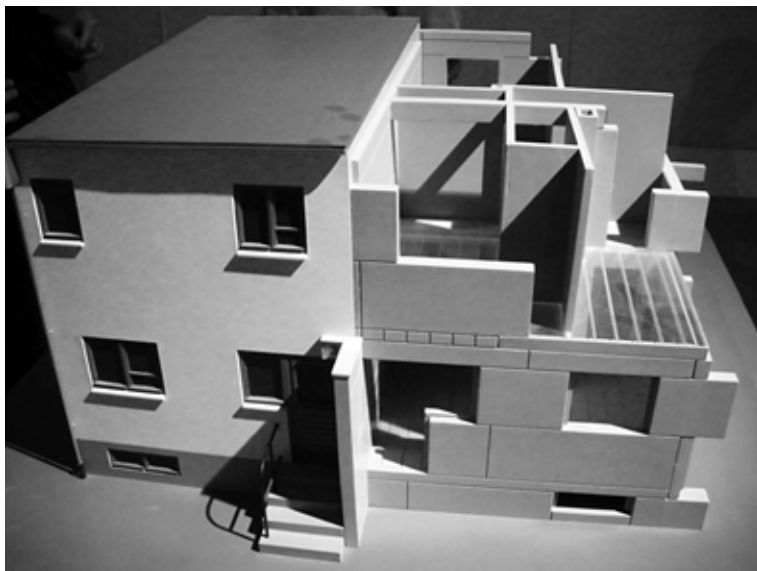

Рис. 9. Монтаж домов из крупных пемзобетонных плит

Источник: Современное строительство Германии. Первая заграничная экскурсия инженеров-строителей и архитекторов. М.: Гостехиздат. 1929.

индустриальные методы возведения зданий, подобная технология являла такие очевидные преимущества, как упрощение (вследствие стандартизации), ускорение, удешевление.

Э. Май привлек внимание советского руководства как успешный инициатор-практик подобных инноваций в строительстве массового жилища для рабочих. Новизна реализованного им подхода состояла в следующем: 1) изготовление домов осуществлялось не «ремесленным», а «фабричным» способом, то есть элементы, предназначенные для монтажа (включая перекрытия, крыши, стены и т. д.), изготавливаются в стационарных мастерских, а не на месте постройки, по определенным сериям и сортаментам (заметим, что в Германии и Америке в это время даже частичное применение стандартных частей зданий, изготовленных заводским способом, сразу давало экономию до 30 %); 2) в техническом отношении сборное домостроение позволяло многократно ускорять возведение зданий за счет предварительной (еще на стадии проектирования) разбивки наружной стены на несколько типов панелей: подоконных, опорных, межоконных; оно позволяло снизить вес конструкций и обходиться более легкими и де-

Рис. 10. Макет дома из крупных пемзобетонных плит

Источник: Выставка Ernst May. 1886–1970. Deutsches Architekturmuseum, Frankfurt am Main. 2011.

шевыми переносными или самоходными кранами; 3) изготовление сборных элементов организовывалось по аналогии с промышленным конвейерным производством – в несколько смен (и круглогодично вне зависимости от погодных условий, ибо осуществлялось в помещении), что позволяло максимально полно использовать дневное время и весь строительный период; оно осуществлялось по четкому календарному графику с полным исключением простоев; 4) подобная технология позволяла избавиться от привычных в России «приобъектных складов», не нужных в условиях подвоза материалов небольшими партиями по мере надобности, а также освободиться от множества «сопутствующих услуг» кладовщиков, счетоводов, конторщиков, сторожей; исключить выписку требований, разрешений, расписок и проч.; 5) финансовая и организационная политика была направлена на снижение строительных затрат, прежде всего за счет ликвидации непроизводительных промежуточных операций и лишних технологических этапов, а также в результате привлечения фирм, специализирующихся на отдельных видах работ и располагавших специальными машинами, приспособлениями, инструментами и высококвалифицированными кадрами, обеспечивавшими повышение скорости и качество изготовления.

В отношении разработки проектно-строительной документации инновации Э. Мая выражались в том, что проект, обеспечивающий описанное выше поточно-конвейерное изготовление и сборку жилья, и сам приобретал новые черты и превращался скорее в «конструирование» (сборку проекта из уже спроектированных элементов), чем в «проектирование». Проектно-строительная документация изготавливалась на основе планировочных стандартов с обязательным использованием всего ассортимента заранее разработанных деталей. При этом кроме привычных чертежей собственно зданий (планы, фасады, разрезы, узлы и т. п.), изготавливались и специальные сборочные чертежи, подобно монтажным чертежам по сборке автомобилей. В этом отношении проектирование, развернутое Э. Маею, оказывалось практически идентичным проектированию промышленных изделий, изначально приспособленных для конвейерной сборки, а архитектурно-строительное «производство» («изготовление домов») – аналогичным поточно-конвейерному выпуску автомобилей, самолетов, танков и проч.

Безусловно, подобные принципы строительства и проектирования жилых зданий и соответствующие им формы индустриальной организации проектной и строительной деятельности не являлись персональным изобретением Э. Мая. Его заслуга состояла в том, что он лишь свел известные на тот момент инновации в рамки единого проектно-строительного процесса, собрал и объединил в форму единой технологии согласованных проектных, производственных, а затем монтажных работ, которую, кстати, запатентовал. Э. Май вообще был прекрасным организатором. Он подбирал сотрудников, которые не только были способны высококачественно воплощать его идеи, но и самостоятельно творчески развивать их. Он твердо знал, какой социально значимый результат хочет получить. И он умел так эффективно преподносить общественности продукт своего труда, что ни у кого не оставалось сомнений в его исключительности, тем более что для этого были неоспоримые основания.

Помимо технологии индустриального домостроения, Э. Май работал и успешно применял такие стандартные схемы планировки поселений, которые в максимальной степени способствовали практической реализации принципов ускоренного, поточного, фактически «конвейерного» строительства зданий. Так, например, им был применен принцип так называемой строчной застройки, выражающейся в расположении однотипных домов перпендикулярно улицам, с трассировкой пешеходных путей вдоль фасадов домов. Такая планировка обеспечивала наилучшие условия инсоляции, потому что дома располагались меридианально, и солнце равномерно освещало обе

их стороны, на которые выходили квартиры. Этот тип застройки позволял ускорять, удешевлять и упрощать возведение однотипных домов за счет линейного перемещения монтажных кранов и предельно простого устройства подъездных путей. Другой тип домов, которые располагались широтно, проектировался как галерейный тип с ориентацией жилых комнат квартир на освещаемую сторону.

В соответствии с этими инновациями на стройплощадке Э. Маю ввел изменения и в процесс разработки проектной документации более высокого уровня – генеральных планов будущих поселений. Процесс работы над ними также отразил принципы промышленно-конвейерной сборки. Разработанная Э. Маю технология ускоренной поточно-конвейерной сборки генпланов из типовых планировочных единиц позволяла кардинальным образом трансформировать процесс планировки: улучшать качество проектов за счет оптимизации стандартизированных решений на основе опыта, постоянно извлекаемого из их реализации, экономить время и средства, затрачиваемые на проектирование, упрощать процесс работы над генпланом, а потом, как мы отметили, и ход строительства.

Эту модель, основанную на использовании заранее разработанных проектов нескольких типов жилых и общественных зданий, а также стандартизированных способов компоновки зданий в типовые (повторяемые) схемы планировки «исходных частей поселения» – кварталов, он впоследствии, будучи приглашенным для работы в СССР, перенес на проектирование генпланов соцгородов-новостроек.

Использование типовых схем планировки генеральных планов позволило Э. Маю превратить процесс градостроительного проектирования в поточно-конвейерный и изготавливать комплекты необходимой проектной документации в немыслимо короткие сроки. В условиях Германии подобная инновация в архитектурно-градостроительном проектировании позволяла резко интенсифицировать процессы проектной деятельности и за счет сокращения затрат времени увеличивала прибыль проектных фирм. А неразрывно связанный с методом конвейерного проектирования способ индустриального домостроения, пропагандируемый Э. Маю, обеспечивал, во-первых, резкое снижение стоимости одного квадратного метра жилья и, как следствие, доступность для малоимущих; во-вторых, равноценность условий обитания, то есть «предоставление каждой жилой ячейке равно удовлетворительных условий в смысле освещения, вентиляции, близости зеленых насаждений и средств передвижения»; в-третьих, технологичность строительства, позволявшую сокращать сроки возведения и каждого дома в отдельности, и рабочих поселков в целом; в-четвертых, максимально эффективное использова-

ние малоквалифицированной рабочей силы, что было немаловажно. Например, Э. Май при изготовлении пемзобетонных плит широко применял труд безработных (как правило, неквалифицированных), что, во-первых, решало вопросы трудовой занятости населения, а во-вторых, сокращало стоимость готовой продукции. Применение низкоквалифицированной рабочей силы, как и на фордовском конвейере, становилось возможным за счет разбивки процесса изготовления на операции, которые не нуждались в дорогостоящих механизмах (таких, например, как уплотнение и трамбовка пемзобетона при заливке сборных стеновых панелей и т. п.). Новая форма организации строительных процессов давала еще и значительный эффект экономии средств, материалов, трудозатрат и даже зарплаты, так как повторяемость строительных операций позволяла легко контролировать объемы произведенных работ и их качество, что делало возможным заменить сложную систему сдельных расценок (и, соответственно, необходимость постоянных замеров выполненных работ) простой, повременной оплатой труда.

Все эти моменты были крайне важны для руководителей советских ведомств, перед которыми стремительно развертывающийся план индустриализации ставил огромной сложности задачи осуществления массового жилищного строительства для размещения рабочих намечаемых планом военно-промышленных заводов-гигантов, электростанций, железнодорожных узлов, горнодобывающих предприятий, металлургических заводов и т. п. Правда, советские эксперты отмечали, что в Германии подобные инновации во многом становилось возможным благодаря «трудовой дисциплине и высокой квалификации германского строительного рабочего, отсутствию текучки кадров, а также при хорошем контроле со стороны десятников», что в условиях Советского Союза было очень не просто обеспечить.

Приглашение Э. Мая в СССР для участия в обширной программе проектирования городов-новостроек первой пятилетки было практическим шагом в решении задачи переноса в повседневную деятельность советских проектных институтов системы ВСНХ тех прогрессивных подходов и технологий ускоренного стандартизированного, типизированного архитектурного и градостроительного проектирования и строительства, которые он успешно апробировал к этому времени в Германии. Эта задача затем была успешно осуществлена за три года деятельности Э. Мая в стенах Проектного бюро «Цекомбанка», преобразованного позднее в «Стандартгорпроект», а затем «Горстройпроект». Апробированная им в Германии методика ускоренного поточно-конвейерного проектирования генеральных планов городов усилиями лично его, а также членов его группы в тесном взаимодей-

ствии германских и советских специалистов в итоге была адаптирована к советским условиям, развита и усовершенствована.

В частности, Э. Май адаптировал к советским нормативным показателям указанный выше прием строчной застройки. Использование этого приема при проектировании соцгородов было не случайным. Строго говоря, только он и соответствовал тем требованиям, которые советское правительство своими постановлениями предъявляло к жилой застройке соцгородов: «...все жилые корпуса должны быть расположены таким образом, чтобы все внутренние части обязательно освещались солнечным светом...»¹. Для общежитий коридорного типа, домов-коммун, секционных домов с коммунальными квартирами, в которых в каждой комнате проживало по семье, именно меридиональное расположение зданий обеспечивало в результате полукругового обхода солнца освещение комнат, расположенных по обе стороны коридора или выходящих на разные стороны секционного дома.

На основе строчной застройки в результате деятельности его группы были сформированы типовые объемно-планировочные схемы кварталов различных размеров и видов для разных типов домостроений: а) капитального (3–4-этажные дома и общежития с коммунальными квартирами), б) деревянного (2-этажные дома сборно-щитовые) и в) так называемого облегченного (2–3-этажные дома из досок с засыпкой строительным мусором и обмазкой глиной, брусково-каркасные, каркасно-камышитовые, саманные и др.) (рис. 11, 12).

В советских проектах Э. Мая между фасадами домов строчной застройки, расположенными торцами к улицам, пролегалы пешеходные связи, которые вели вглубь жилой застройки к внутриквартальным общественным озелененным пространствам (с садами, фонтанами, спортивными площадками), где также располагались квартальные сооружения обслуживания.

В проектах соцгородов, выполненных бригадой Э. Мая, селитба членилась на кварталы, равные или близкие по величине и, следовательно, по численности проживающего в них населения. Друг от друга кварталы отделялись «зелеными коридорами» – бульварами, обрамляющими улицы и отделяющими проезды. Варианты планировок этих кварталов были практически идентичны и по принципам планировки, и по балансу территории, и по составу объектов обслужива-

---

¹ Постановление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и г. Магнитогорска от 11.11.1929 // Из истории Магнитогорского металлургического комбината и города Магнитогорска (1929–1941 гг.). Сборник документов и материалов. Магнитогорский металлургический комбинат. Архивный отдел Челябинского облисполкома. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд. 1965. С. 219.

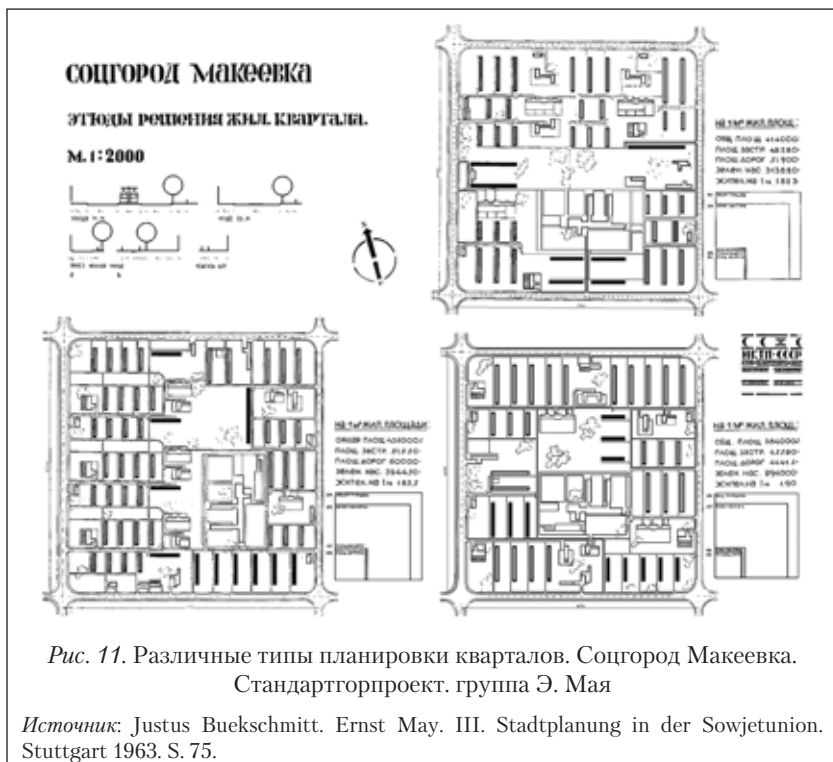

Рис. 11. Различные типы планировки кварталов. Соцгород Макеевка. Стандартгорпроект. группа Э. Мая

Источник: Justus Buekschmitt. Ernst May. III. Stadtplanung in der Sowjetunion. Stuttgart 1963. S. 75.

ния (рис. 13). Все без исключения кварталы имели внутреннюю зеленую зону, где располагались здания общественного обслуживания, вместимость («мощность») которых была точно соотнесена с количеством жителей, проживающих в квартале. Например, в кварталах размещались такие объекты «первичного обслуживания», как а) детские сады, б) детские ясли, в) столовая, г) так называемый примитивный (первичного уровня обслуживания) клуб. Вместе с «магазином»-распределителем они составляли тот набор объектов культурно-бытового обслуживания, который предписывался нормативами.

Здесь же располагались объекты, фактически предопределяющие общую расчетную численность населения квартала. Таковыми являлись школы, вместимость которых соответствовала количеству школьников, проживающих на территории квартала. Еще один тип зданий, детские сады, был неразрывно функционально связан со школами тем, что количество детей дошкольного возраста являлось статистической производной от количества школьников. Главным условием подобной компоновки жилого квартала было требование, чтобы дети, идущие в детские сады и школу, не переходили бы дорогу.

Рис. 12. Соцгород Магнитогорск. Типовой квартал деревянного строительства. Стандартгорпроект. 1933. 1) 2-этажный деревянный жилой дом; 2) 3-этажный деревянный жилой дом; 3) ясли; 4) детский сад; 5) столовая на 230 посадочных мест; 6) продовольственный магазин; 7) школа 1-й ступени

Источник: ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7674. Л. 165.

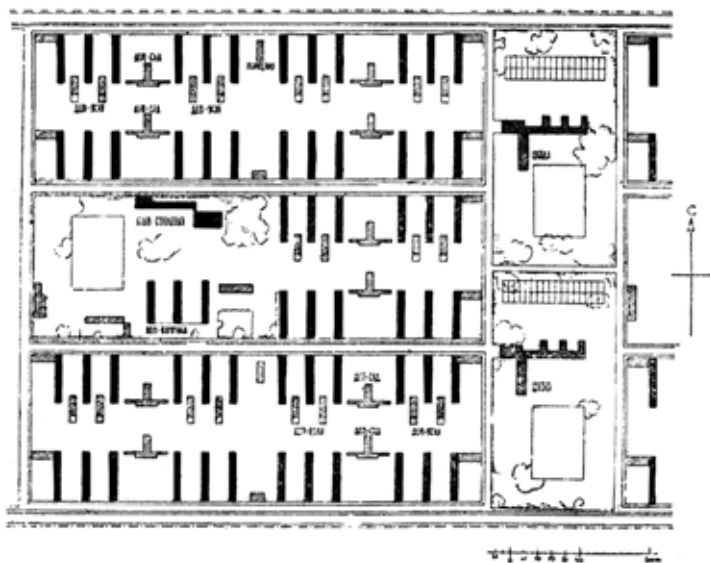

Рис. 13. Типовой квартал социалистического города.
Арх. Э. Май и др. 1931

Источник: Мостаков А. На пути к дешевому и культурному жилью // Строительство Москвы. 1931. № 4. С. 27–30, 27.

Изобретенный Э. Маем рациональный принцип «сборки» планировки квартала, обладающего нормативным составом объектов обслуживания в соответствии с расчетной численностью населения, а также прием «конструирования» из таких стандартных кварталов общего генерального плана города, тут же нашел свое практическое применение в советской теории и практике градостроительного проектирования. И даже получил некоторое развитие в работах отечественных архитекторов, осуществлявших его дальнейшую расчетно-нормативную проработку. В ходе этой работы способ определения количества населения квартала в зависимости от расчетной вместимости объектов обслуживания получил наименование «кустовый принцип»¹. В отечественной версии «куст» жилых зданий с населением около 1000 чел. объединялся вокруг «детского звена», а три жилых «куста» группировались вокруг «районного центра обслуживания», включавшего столовую, продовольственный, вещевой распределитель и «физкультурный элемент»². Как и в маевских кварталах, в проектах его советских коллег объекты обслуживания располагались в центральной озелененной зоне (рис. 14).

Используя строчную застройку, Э. Май лишь превратил ее в стандартную модель, в универсальный прием, позволявший многократно ускорять проектирование. Метод ускоренного проектирования Э. Мая «переворачивал» существовавший процесс проектирования с точностью до наоборот. Теперь не застройка следовала за планировкой, а компоновочная разбивка территории изначально предполагала готовый рисунок застройки. Причем предполагала не только расположение, но и количество, этажность, площадь зданий, численность населения, точный состав объектов обслуживания, строго выверенные нормативно приписанные этим зданиям площади территорий хозяйственного назначения, объемы зеленых насаждений и т. д.

В созданной Э. Маем в стенах советских проектных институтов технологии поточно-конвейерного проектирования все было устроено точно так же, как на фордовском сборочном конвейере. Фактически таким же, как и у Форда, был процесс изготовления «изделия» (в данном случае комплекта проектной документации) – он превращался из придумывания каждый раз нового уникального решения в сборку нового проекта из готовых частей (заранее проектно разработанных стандартизированных планировочных элементов – отдельных зданий; кварталов, в которых численность населения была соотнесена с емкостью и составом объектов обслуживания; районов, которые

---

¹ Гольденберг П., Долганов В. Капитальное или облегченное стандартное строительство // Строительство Москвы. 1931. № 5. С. 11–16, 14.

² Там же. С. 11–16. С. 14.

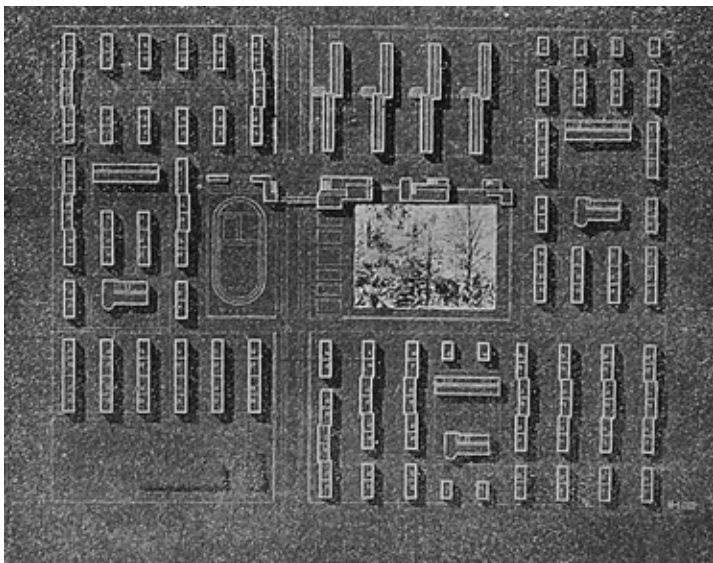

Рис. 14. Жилой квартал деревянной застройки (плотность 200 чел. на га)

Источник: Гольденберг П., Долганов В. Капитальное или облегченное стандартное строительство // Строительство Москвы. 1931. № 5. С. 11–16, 14.

объединяли, как правило, четыре квартала и предусматривали строительство общественных сооружений более крупного масштаба – дома Советов, милиции, народного суда, пожарного депо, универсама, дома связи, банно-прачечного комбината, дворца культуры со стадионом (называемого полноценным клубом), больницы и т. д.¹ (рис. 15).

Заранее заготовленные шаблонные типовые планировочные схемы кварталов позволяли проектировщикам группы Э. Мая осуществлять планировочную разбивку территории будущего поселения, не имея на руках конкретных проектов конкретных зданий, не дожидаясь готовности рабочей документации по каждому из них. Позволяли стремительно разрабатывать не только эскизы генеральных планов с точно функционально «расписанными» фрагментами территории, но и конкретные схемы планировок фрагментов территории с точным указанием расположения жилых зданий, а также объектов обслуживания. Все они расставлялись по единым правилам, в общей взаимосвязи, в рамках единой планировочной структуры.

¹ Burghard P. Walter Schwadenachmidt 1889–1968: Architektenideale im Wandel sozialer Fidorationen / Burghard Preusler. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1985. С. 98.

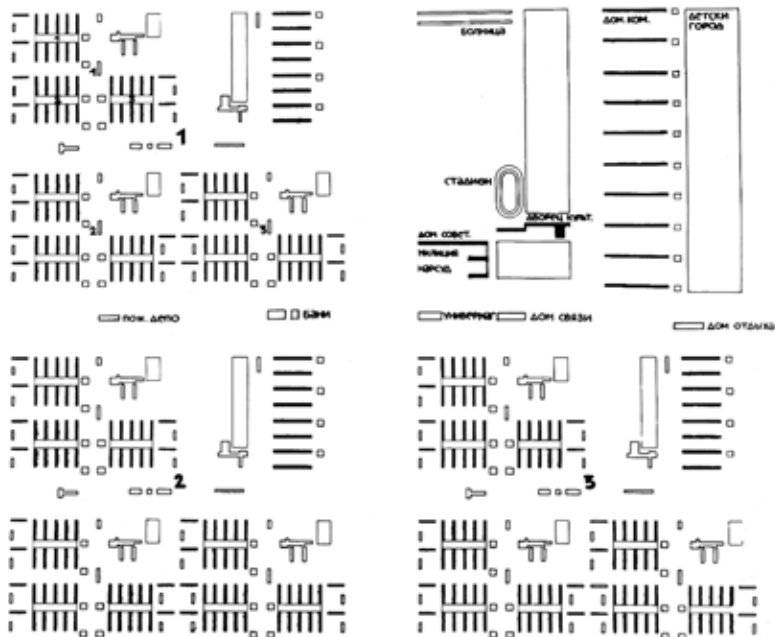

Рис. 15. Схема социалистического города, составленная из типовых кварталов. Группа Э. Мая (арх. Вальтер Швагеншайдт, Хейн Лаутер). 1931–1933 гг.

Источник: Preusler, Burghard: Walter Swagenscheidt 1886–1968: Architektenideale im Wandel sozialer Figurationen / Burghard Preusler. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1985. P. 98.

Подобный способ «конструирования» генпланов, подобно конвейеру, кардинально изменял подход к проектированию. Как в отношении технологии проектных работ, так и по срокам, но главное – по результату. Он практически исключал «планировочную живописность», однотипно собирая стандартные дома и стандартные кварталы в стандартную планировочную структуру, которая оказывалась прямоугольной и весьма незатейливой в художественном отношении. Но в то же время она оказывалась максимально эффективной в отношении обеспечения резкого ускорения и упрощения градостроительного проектирования. Кроме того, предельно просто решался вопрос перспективного расширения территории селитьбы за счет простого механического присоединения все новых и новых планировочных модулей.

Этот метод позволял проектное «творчество» превращать в «производство». Заменять долгие размышления и эмоциональное напряжение, бесконечные поиски художественного образа и эстетической привлекательности, попытки создать оригинальную пространственную структуру и поиск форм самовыражения на простое и стандартизированное «конструирование», подобное инженерному, когда новое изделие собирается из уже готовых деталей. Этот метод позволял сосредотачиваться на общих расчетных и компоновочных работах, потому что детальные расчеты были уже проделаны и «свернуты» в готовые схемы планировки кварталов. Метод производства градостроительных проектов Э. Мая позволял значительно экономить время, решая при этом самые серьезные задачи. Поскольку давал возможность без детальной прорисовки расположения домов, без специальных оформительских работ, без рисования перспектив и проч. атрибуты творческого процесса стремительно набрасывать планировочные схемы, определяя те позиции, по которым строители с лопатами в руках уже ждали решений: трассировку дорог и проездов, расположение зеленых зон, конкретные места размещения зданий обслуживания и административных центров, разбивку территории на прямоугольники кварталов и районов с фиксированной численностью населения и уже «вшитым» в них полным потребным составом объектов обслуживания и т. п. (рис. 16).

Схемы планировки, составленные из таких «заготовок» – стандартных планировочных блоков, можно было легко изменять, перемещая неизменные по размеру и площади прямоугольники кварталов на другие места или апробируя все новые и новые варианты их компоновки в целом, или прирезая новые прямоугольные куски территории в целях расширения площади застройки по мере роста расчетной численности населения города.

Заметим, что против такого подхода «привязки» планировочных заготовок к месту довольно активно возражали некоторые советские архитекторы, и в том числе очень авторитетные. Они были категорически против замены архитектурного «творчества» проектным «производством». Говорили о важности создания эстетически привлекательного вида, «планировочной формы», художественного образа. О том, что нельзя сводить разработку генерального плана только лишь к воплощению нормативных требований. В частности, на состоявшемся 25 марта 1931 года объединенном заседании технических советов ГУКХ, Союзстроя ВСНХ СССР и Оценочного комитета Цekomбанка по рассмотрению проектов планировки и строительства Новокузнецка с резкой критикой проектного метода Э. Мая выступил А. В. Щусев. Он указывал на то, что «с архитектурной точки

Рис. 16. Соцгород Щегловск (Кемерово). Вариант планировки.
Стандартгорпроект. 1932–1934 гг.

Источник: Планировка промышленных районов. НКТП СССР. Главстройпром. Промстройпроект. Сектор районной планировки. Работы 1932–1934 гг. М., 1934. С. 23.

зрения... предлагаемая схема не дает физиономии города»¹, что придется нумеровать планировочные блоки, поскольку при их шахматном расположении на территории житель будет ошибаться: «...схема удобная, ясная, но эта схема скучная, однообразная и мало жизне-радостная, несмотря на все ее гигиенические достоинства. Никто не будет оспаривать, что с точки Госплана все соблюдено, но все-таки

¹ ГА РФ. Ф. А–314. Оп. 1. Д. 7737. Л. 143. Стенограмма объединенного заседания технических советов ГУКХ и Союзстроя ВСНХ СССР и Оценочного комитета Цекомбанка... Л. 49.

от нее веет какой-то скукой»¹. А. В. Щусев предлагал «отходить от непосредственной реализации схемы» – «делать зигзаги», «придавать городу выразительность»².

С подобными упреками и с подобным художественно-образным подходом к проектированию городов Э. Маея был принципиально не согласен. И публично возражал: «Практический смысл и экономические предпосылки (в проектировании городов. – М. М.) ...не оставляют никаких иных возможностей, как идти по пути рационализации, типизации, стандартизации и нормализации... Все остальное, это чистая романтика»³.

На фоне неприятия отдельными мастерами советской архитектуры разработанной Э. Маея методологии ускоренного градостроительного проектирования в начале 1930-х годов разворачивалась стихийная практика ее применения. Особенно в условиях, когда нужно было в наикратчайшие сроки представлять эскизные проекты планировки поселений. Так, например, не повторяя планировочных решений, разработанных Э. Маея, проектировщики Гипрогора, переняв у него и сам метод компоновки застройки, и принцип расположения общественных зданий в зеленых линейных «коридорах», и прием сборки общих планировочных схем из планировочных «заготовок», и способ сборки из типовых кварталов таких же типовых районов и т. п., сформировали собственные «модели» планировочных схем. Эти схемы точно так же, как и в проектах Э. Маея, включали полный состав объектов обслуживания, имели строчный характер застройки, предусматривали систему зеленых бульваров, отделяющих транспорт от массивов застройки и перпендикулярных им зеленых линейных зон, в которых размещались такие объекты обслуживания, как школа и клуб (рис. 17).

Метод ускоренного стандартизированного проектирования позволял Э. Маею разрабатывать проекты планировок в немислимо короткие сроки и незамедлительно приступать к капитальной застройке. Любые задержки в проектировании, вызванные художественными поисками или углубленной проработкой все новых и новых типов домов и способов их планировочной соорганизации в целом, задерживали стройку и вынуждали осуществлять строительство бараков не только в тех местах, где они предусматривались планировкой соцгородов, но и там, где по генплану их не должно было быть, – в местах, где планировалось возводить капитальные здания. Стихийное стро-

---

¹ ГА РФ. Ф. А–314. Оп. 1. Д. 7737. Л. 143. Стенограмма объединенного заседания технических советов ГУКХ и Союзстроя ВСНХ СССР и Оценочного комитета Цекомбанка... Л. 47.

² Там же.

³ Там же. Л. 94.

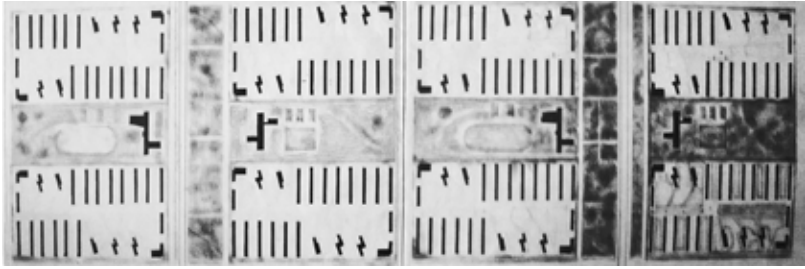

Рис. 17. Типовые кварталы. Гипрогор. 1931 г.

Источник: ГА РФ. Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7669. Л. 154.

ительство бараков, засыпных, щитовых, рубленых домов и т. п. называлось «временным», хотя, как показало время, эти временные сооружения потом многие десятилетия продолжали существовать как «постоянные». Э. Май резко возражает против того, чтобы откладывать застройку соцгорода капитальными сооружениями, осуществляя на первых этапах возведение временных барачных поселков с размещением сооружений обслуживания в точно таких же бараках и обещая потом заменить их на «нормальное жилище». В частности, он был категорически против строительства барачных поселков на 20 тыс. чел., как это, например, предлагали для Новокузнецка арх. Вудтке и инж. Г. Б. Красин. Он оценивает это решение как «двойной расход сроков и сил на проектирование» и «двойное планирование застройки городов»¹. Подобные расходы Э. Май называет «неповольнительной растратой времени и средств».

Исходя из своей методологии многократного воспроизводства однажды разработанных оптимальных типов зданий и планировочных схем, он утверждал, что проектирование каких-либо новых типов жилых домов для Новокузнецка абсолютно не требуется: «...те типы жилых ячеек, которые приняты Правительственной Комиссией для Магнитогорска, вполне могут быть приняты во внимание при решении типов жилья для Кузнецка... было бы совершенно необходимым запретить двадцать раз проектировать один и тот же тип, особенно в условиях недостаточности кадров тех людей, которые могут проектировать. Потому что в таком случае получается излишнее расходование энергии, которую можно было бы использовать на более важные и ответственные работы»².

¹ Там же. Л. 95.

² Там же. Л. 21.

Планировочный метод Э. Мая требовал наличия относительно ровных площадок для будущего поселения. Потому что только в этом случае не нужно было терять время и тратить дополнительные усилия на трансформацию стандартизированных планировочных схем в ходе привязки их к особенностям конкретного места, не нужно было вкладывать дополнительные средства на инженерное оборудование территории и т. п.

В отличие от «творчески» разрабатываемых проектов, каждый раз планировочно привязываемых к конкретной ситуации, подобный «производственно-изготовленный», стандартизированный и типизированный проект вынужден был игнорировать уникальность характеристик конкретного места будущего строительства. Исключать любые поводы для проектной подгонки типового планировочного решения к особенностям ландшафта или климата (сильным неровностям рельефа, продуваемости, чрезмерной солнечной активности, сильным морозам и т. п.). В результате непланировочные схемы приспособлялись под территорию, а территория для размещения селитбы сразу подбиралась так, чтобы обеспечивать беспрепятственную реализацию методологии стандартизированного ускоренного градостроительного проектирования, то есть выбиралась предельно ровная, без наличия специфических природных образований площадка. Это требование в последующие годы вышло на первый план в списке условий выбора территории под размещение поселений. В тех же случаях, когда не удавалось достичь подобного «очищения» исходных ситуации и исходных условий от специфических характеристик, проектировщикам приходилось частично видоизменять геометрию планировки поселения, не касаясь ее расчетно-структурного содержания (рис. 18, 19).

Конкуренты Э. Мая, заимствовав и использовав его проектный метод для разработки собственных планировочных схем, оказались не менее последовательны, чем сам Э. Май, в практическом применении методологии ускоренного поточно-конвейерного проектирования к решению текущих проектных задач, что не раз было продемонстрировано. Так, например, когда Уральскому областному Совету для отстаивания в верхах решения о переносе строительства Магнитогорска на правый берег потребовался в качестве иллюстрации своих доводов проект планировки, они дали задание подчиненной местной проектной организации с весьма неординарным наименованием «Ударная Бригада Уралсовета», которая в январе 1931 года за полтора месяца разработала полноценные эскизные планировочные предложения правобережного поселения.

Сотрудники «Ударной Бригады Уралсовета» действовали в полном соответствии с «проектной технологией Мая» – сначала прочер-

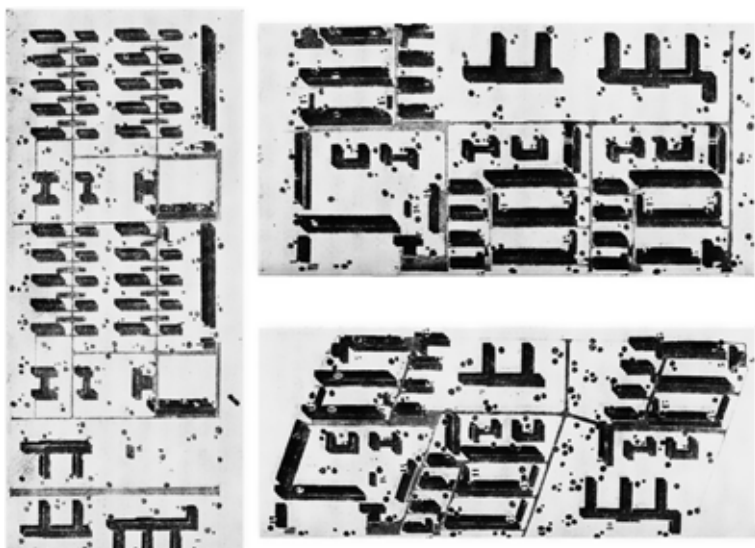

Рис. 18. Магнитогорск. Типовые схемы кварталов, привязанные к конкретному месту строительства. 1932. Стандартгорпроект. Арх. Э. Май и др.

Источник: Май Э. К проекту генерального плана Магнитогорска // Советская архитектура. 1933. № 3. С. 23.

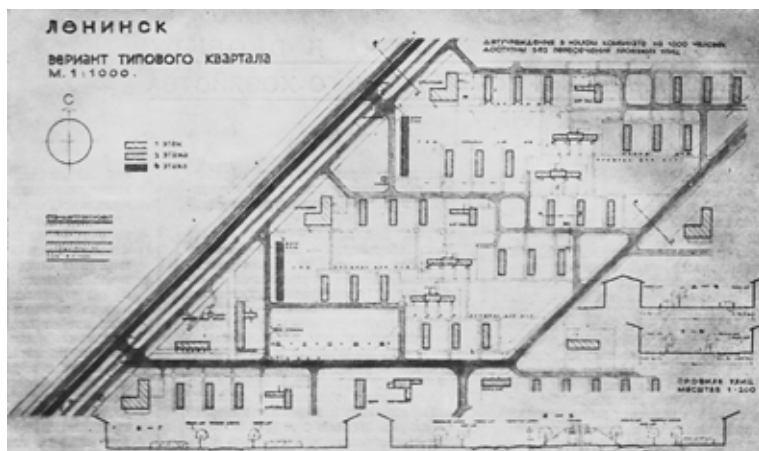

Рис. 19. Ленинск. Типовые схемы кварталов, привязанные к конкретному месту строительства. 1932. Стандартгорпроект. Арх. Буркарт и др.

Источник: Букалова Л., Смолицкий О. Новые города Кузбасса // Советская архитектура. 1933. № 2. С. 53.

Рис. 20. Соцгород Магнитогорск. Эскизный проект планировки города на правом берегу р. Урал, составленный из типовых кварталов Гипрогора Ударной Бригадой Уралсовета. 1931 г.

Источник: ГА РФ, Ф. А-314. Оп. 1. Ед. хр. 7669. Л. 154.

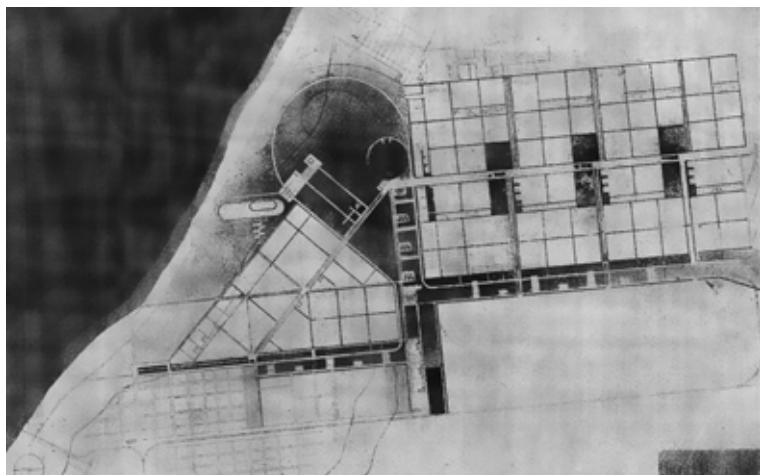

Рис. 21. Схема планировки соцгорода Чарджуя. Бригада ВОПРА. арх. Баян, Бабуров, Заславский, Кычаков, Файфель. 1931 г.

Источник: Пояснительная записка к проекту планировки Чарджуя // Советская архитектура. 1931. № 1-2. С. 78-80, 78.

Рис. 22. Схема планировки соцгорода Надеждинска.
Арх. Гриншпун Л. О. и др. 1933 г.

Источник: Гриншпун Л. О. Планировка города Надеждинска // Советская архитектура. 1933. № 3. С. 53–67, 62.

Рис. 23. Схема планировки соцгорода Бобрики.
Арх. Кузнецов А. И., Корноухов А. Н. 1932 г.

Источник: Скворцов Н. М. О проекте планировки бобриковского соцгорода // Советская архитектура. 1932. № 4. С. 8–18, 13.

тили на территории, намеченной на правом берегу под возможную застройку, основные магистрали, а затем «заполнили» промежутки между ними «шаблонными» планировками кварталов, заимствованными ими у Гипрогора. Опираясь на типовую планировочную схему квартала и оставив неизменным принцип компоновки квартала достроевыми, а также его планировку и состав объектов обслуживания, сотрудники «Ударной Бригады» мгновенно «собрали» необходимое (в соответствии с расчетной численностью населения) количество прямоугольников стандартных планировок кварталов в единое селитебное образование (рис. 20).

В огромной степени практическому применению «Ударной Бригадой Уралсовета» проектного метода Э. Мая способствовало то, что правый берег был идеально ровным. Именно это позволило ей без каких-либо изменений приложить к нему разработанные Гипрогором стандартные планировочные схемы кварталов.

Прием компоновки планировочных схем из «пустых» прямоугольников оказался очень удобен тем, что упрощал разработку исходной градостроительной документации и сокращал время «приступа к разбивке» территории на участки застройки. В 1931 году он получил широкое распространение, а в 1933 году фактически уже повсеместно использовался в практике работы советских организаций, осуществлявших проектирование поселений (рис. 21, 22, 23).

После того как задача заимствования советскими проектными организациями методологии ускоренного поточно-конвейерного градостроительного проектирования была успешно выполнена, то есть закреплена практически на конкретных советских специалистах, выражена в форме методики градостроительного проектирования и конкретных планировочных схемах и т. п., Э. Май стал не нужен. Незаслуженная и во многом надуманная критика, уже давно звучавшая в его адрес, усилилась, и он, опасаясь за свою жизнь, в декабре 1933 года покинул Советский Союз.

Глава 8. ГИПЕРРЕГУЛЯЦИЯ КАК РОССИЙСКИЙ ПУТЬ К ПОСТФОРДИСТСКОЙ МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ

Субъективность индивида на работе и в частной жизни должна быть переделана по лекалу конкуренции <...> Экономике нужно снабжать индивидами, лучше всего адаптированными к коммерческой войне по самым общим правилам, т. е. самыми эффективными индивидами. Образование таких индивидов и поддержание «в течение всей жизни» их способности действовать в условиях жесткой конкуренции находят привилегированное выражение во встраивании индивидов в конкуренцию между собой.

*П. Дардо и К. Лаваль*¹

Неустойчивость проникает во все уголки человеческого существования.

П. Бурдьё

Министерство образования и науки во многом рушит собственные начинания.

М. Соколов

В главе рассматривается противоречивое сосуществование нескольких тенденций в современной образовательной политике российского государства:

- стремление расширить зону действия законов конкуренции и рынка на образовательные институты с целью трансформации постсоветской субъективности;
- ужесточение бюрократического давления на образовательные институты под лозунгами повышения эффективности.

---

¹ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2011. № 1 (80). С. 109.

На наш взгляд, противоречие состоит в том, что интериоризация нормативной логики конкурентных экономических отношений, принуждение субъекта к активности, мобильности, «образованию через всю жизнь» осуществляется все теми же «фордовскими» методами интенсификации труда, увеличения централизованного планирования, усиления бюрократизации вузовского управления.

Постфордизм и глобализация – два фактора, которые существенно изменили лицо высшего и профессионального образования в конце XX и начале XXI века во всем мире. Развитие глобального капитализма, приведшее к беспрецедентной текучести финансовых капиталов и проницаемости национальных рынков, включая рынки труда, способствовало появлению глобальной конкуренции между работниками, относительному уравниванию стоимости квалифицированного труда в развитых странах, а также вело к унификации профессиональных критериев. Ответом на это стала идеология сопоставимости и стандартизации образовательных программ, этапов и результатов обучения в различных национальных системах, нашедшая свое выражение в Болонском процессе. Подписанная в 1999 году представителями 29 стран Болонская декларация призывала участников произвести реформы в национальных системах высшего образования, которые бы позволили сделать уровни высшего образования во всех странах максимально сходными, а выдаваемые по результатам обучения научные степени – легко сопоставимыми. К 2010 году в Болонский процесс включились 47 стран Европы и Центральной Азии. В России наиболее заметным результатом Болонской реформы стало повсеместное введение двухступенчатой системы высшего образования – бакалавриата и магистратуры, на место прежней, одноступенчатой (специалитет).

Наряду с Болонской реформой, изменения в сфере высшего и профессионального образования в западном мире включили беспрецедентное развитие системы постдипломного обучения, также называемого постобязательным образованием, образованием в течение всей жизни и т. д. Как показывают исследования, акцент на необходимости для работника повышать уровень подготовки, овладевать новыми профессиями напрямую связан с постфордистскими изменениями в экономике, такими как товарное разнообразие, нишевой маркетинг, развитие новых технологий производства и хранения товаров – компьютеризированных систем, обеспечивающих гибкую доставку любого продукта по требованию продавца, сегментацию рынков производства и относительную легкость выпуска товаров малыми партиями. Все эти изменения потребовали, как об этом писал Фридман (1977)¹, нового типа работника, который был бы членом команды, демонстрируя кор-

---

¹ Friedman A. L. Industry and Labor. London: Macmillan, 1977.

поративную солидарность и включенность в общие задачи, и одновременно имел определенную автономию. По мнению британского социолога Джеймса Ависа, в Великобритании именно с момента воцарения постфордистской модели, набирает популярность риторика, в которой экономический успех страны напрямую связывается с возросшим уровнем квалификации рабочего класса. В 1980-е и 1990-е годы в стране идут разговоры об «обществе образования», в котором каждый индивид может реализоваться в соответствии со своими наклонностями. Одновременно популярным становится дискурс о превращении наемного работника в автономного, самодостаточного индивида, в котором силен дух предпринимательства и самопродвижения. Как следствие, в числе превозносимых качеств этого нового «работника-предпринимателя» фигурировали «гибкость», множественные навыки, легкость адаптации к изменяемым условиям работы и т. д.

Многие аналитики отмечают связь между постфордистской экономикой и «студенто-центристским», или «студенто-ориентированным» подходом, ставшим популярным в 1990-е годы. В этом подходе ученик (student) превращается в «обучающегося» (learner) – сдвиг, который якобы должен был бы покончить с элитизмом, инфантилизацией и пассивностью старой системы. Наделение обучающегося активностью и ответственностью за собственное обучение позволило риторически включить и взрослых в новую модель обучения.

Каждый новый формат капитализма для своего утверждения вырабатывает свою идеологическую логику оправдания принудительной формы наступающего уклада с его системой ценностей и иерархией людей¹. Дискурсивное оправдание расширения логики рынка на такие общественные блага, как образование и культура, проникновение законов конкуренции внутрь человеческой субъективности получили название неолiberaлизма. Социологи П. Дардо и К. Лаваль подчеркивают, что в первую очередь неолiberaлизм «заявляет о себе в тех обществах, где в течение долгого времени административное регулирование господствовало во многих сферах деятельности, захваченных “социальным” и “воспитующим” государством. Такой способ регулирования был основан на фикциональном главенстве “всеобщего интереса” при определении политических угроз, на приоритете публичного права над организацией публичного действия, на распространении организаторских форм бюрократического типа в самых разных отраслях жизни. ...Чтобы подорвать или хотя бы потеснить эту гнетущую рациональность бюрократического администрирования, неолiberaлизм должен был выстроить себя как “тотальную” или же “сквозную”

---

¹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. М.: НЛЮ, 2011.

форму... Сколько бы мы ни старались, осмыслить эту трансформацию (государства) в классических терминах ограничения правительственного вмешательства не удастся: речь не идет об ограничении, но, скорее, о трансформации ради расширения (логики рынка)»¹.

Для эпохи постфордизма характерно изменение требований к работнику, звучащих как оправдание его гибкости и мобильности, характерных для проектного формата организации деятельности, – применение рыночных критериев за пределами собственно рыночной сферы. Это предполагает стирание границ между эффективностью/неэффективностью, измеримой/неизмеримой работой, продуктивностью/непродуктивностью и т. п. «В проектно-ориентированном граде основным стандартом, в соответствии с которым оценивается сила всех людей и вещей, является деятельность... которая преодолевает оппозицию между работой и неработой, стабильностью и нестабильностью, оплачиваемым и неоплачиваемым, участием в прибыли и волонтерской работой. А также между тем, что может быть измерено в показателях продуктивности, и тем, что нельзя оценить в показателях о проделанной работе. Жизнь воспринимается как ряд проектов, тем более высоко оцениваемых, чем больше они отличаются друг от друга. Важно постоянно чем-то заниматься, никогда не быть вне проекта, без идей, всегда пребывать в предвкушении, готовности делать что-то вместе с другими людьми, к встрече с которыми приводит непрекращающийся порыв активности»².

Критерии «эффективности» не являются абсолютно новыми для экономического поля. Однако они меняют свой характер при переходе к «новому духу капитализма», изоморфному эпохе глобализации, о котором говорят Л. Болтански и Э. Кьяпелло. И хотя само понятие «постфордизм» не используется французскими социологами, речь идет о социальных распорядках, управленческих практиках и дискурсах легитимации и критики глобального капитализма. Новизна постфордистской модели производна от проникновения экономического измерения во внутрь образовательного пространства и его индивидуальных или коллективных акторов (студентов, преподавателей, чиновников, общественных групп). Французские исследователи полагают, что любое социальное государство в индустриально развитых странах послужило посредническим звеном в росте давления всемирной конкуренции, особенно когда оно стало проводить прямую реформу общественных институтов и организаций социальной защиты во имя «национальной конкурентоспособности» на мировом рынке.

---

¹ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация. С. 104.

² Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. С. 87–88.

В России в 2000-х годах по мере роста централизации управления постфордистский дискурс «гибкости автономного самодостаточного» работника также попадает в поле экономических и социологических исследований, хотя работы, рефлексирющие его применение при трансформации сферы образования, немногочисленны. Собственно, диспозиция «фордизм/постфордизм» возникла в рамках теории регуляции как одного из влиятельных направлений современной политической экономии, полагает А. В. Шевчук. Одно из наиболее конкретных значений понятия «регуляция» – совокупность механизмов воспроизводства системы и ее преобразования, трансформации в долговременной перспективе. Базовые категории – «режим накопления» и обеспечивающий его стабильность «способ социальной регуляции». Фордизм в литературе принято трактовать как «тотальную» и «сквозную» объяснительную форму, применимую «во всех сферах человеческой деятельности».

В случае с российским образовательным полем речь идет о двух встречных процессах: саморегуляции университетов и бюрократической регуляции как сознательном вмешательстве государства с целью выхода из системного кризиса образовательного поля и усилению его подконтрольности. «Воспроизводство становится возможным благодаря развитию привычек, социальных норм, определенной политической практики, законодательства и т. д. Эти институциональные механизмы или “структурные формы” представляют собой кодификацию социальных отношений и составляют “способ социальной регуляции” (ССР), который служит одновременно и для воспроизводства социальных отношений»¹, – пишет А. В. Шевчук.

Сегодня российский постфордизм осуществляет как бы незаметный сдвиг от одной (бюрократической) рациональности к другой², заимствуя широту притязаний и чрезмерную простоту подходов своей идеологической предшественницы – советской системы социальной регуляции. Сами разработчики нового закона об образовании говорят о «смене идеологии» законотворчества в привычных позднесоветских категориях: «В образовании основной фигурой всегда был, есть и будет – Человек. Поэтому цель была сформулирована так – новый закон должен стать основой для развития человеческого потенциала. Максимально обеспечить каждому те условия, которые

---

¹ См.: Шевчук А. В. Постфордистские концепции (критический анализ). Казань, 2000. С. 7, 10–11.

² Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация. С. 104.

система потенциально способна предоставить. Новый закон должен был расширить образовательные возможности и для обучающихся, и для педагогов. Если обобщать, законодательное регулирование следовало направить на внешнего потребителя. Поэтому новый закон устроен именно по такому принципу. Мы закрепили в нем образовательные права личности на всех этапах: от младенчества (дошкольное образование может быть получено с 2 месяцев) до зрелого возраста. При этом профессиональное обучение, дополнительное образование могут быть получены вне зависимости от возраста, предшествующего уровня образования.

Образование как сфера, что естественно, также должно было получить для своей работы полноценную правовую регламентацию. Тем самым достигалось бы сразу несколько разнонаправленных целей. Стояла задача законодательно обозначить сформировавшиеся новые модели в системе образования и снять ненужные барьеры и ограничения. Например, связанные с возможностью обучения в различных организациях, которым новым законом предоставлены более широкие возможности в части осуществления образовательной деятельности»¹.

Постфордистские категории «формирования человеческого капитала», «предприимчивости» и «самодостаточности» индивида, требование «эффективности» субъектов и организаций сферы образования² парадоксально уживаются с архаическими – дофордистскими – отношениями в обществе. Образовательное поле, понимаемое социологически, представляет собой коллективное действие с множеством участников, чьи интересы согласовываются в процессе выработки образовательной политики. Участники могут объединяться

---

¹ Новый закон об образовании: секреты и слагаемые юридической техники. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20130827/268677717.html#ixzz335dwVlWq

² Тонкое отличие образовательных учреждений и организаций комментирует О. Н. Смолин (первый зам. председателя Комиссии по образованию Государственной Думы) как различие между бюджетным, гарантированным ст. 43 Конституции, и внебюджетным образованием. Субъектом же внебюджетного образования являются организации (согласно Гражданскому кодексу), постепенно вытесняющие в правовом поле «образовательные учреждения» // Смолин О. Н. Закон «Об образовании»: шаг вперед или назад? URL: http://pedagog-prof.org/index.php?option=com_k2&view=item&id=323: %D1 %81 %D0 %BC %D0 %BE %D0 %BB %D0 %B8 %D0 %BD- %D0 %B7 %D0 %B0 %D0 %BA %D0 %BE %D0 %BD- %D0 %BE %D0 %B1- %D0 %BE %D0 %B1 %D1 %80 %D0 %B0 %D0 %B7 %D0 %BE %D0 %B2 %D0 %B0 %D0 %BD %D0 %B8 %D0 %B8- %D1 %88 %D0 %B0 %D0 %B3- %D0 %B2 %D0 %BF %D0 %B5 %D1 %80 %D1 %91 %D0 %B4- %D0 %B8 %D0 %BB %D0 %B8- %D0 %BD %D0 %B0 %D0 %B7 %D0 %B0 %D0 %B4&Itemid=45; см. также: Новый закон об образовании: секреты и слагаемые юридической техники. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20130827/268677717.html#ixzz335dwVlWq

в группы по интересам в зависимости от того, что они хотят получить от высшего образования. Они также могут брать на себя представительство интересов других, более слабых участников образовательного процесса. Социолог М. Соколов выделяет три основных группы интересов: государство, представленное профильным министерством, преподаватели и студенты.

Первая, наиболее влиятельная группа интересов, выражающая государственные мотивы использования университетов, реализует своими действиями технократическую и репрезентативную идеологии образования. Вторая, чуть менее влиятельная группа интересов, является носителем социально-инженеристской и гуманитарной идеологий¹, говоря от имени «социально слабых» семей абитуриентов как основных заказчиков на данный момент. Однако любая государственническая или гуманистическая идеология вступает в противоречия с практиками управления, ведущими к сокращению финансирования в бюджетном образовании, увеличению лекционных потоков, сокращению ставок преподавателей, росту педагогической нагрузки, по крайней мере, на одну треть и т. п.

К первой группе интересов относятся прежде всего Министерство образования и науки РФ и АНО «Агентство стратегических инициатив» (АСИ), созданное правительством России для продвижения приоритетных проектов по улучшению предпринимательской среды, развитию системы подготовки кадров для национальной экономики. Они используют постфордистский дискурс эффективности в режиме модернизационного сверхоптимизма для переориентации университетов в сторону индивидуального или корпоративного потребителя, а также как инструмент критики вузовской системы, не способной обеспечить качество образования должного уровня².

---

¹ М. Соколов вычленяет также, по крайней мере, четыре официальных идеологии использования университетов, в разное время доминировавших в российском образовании. Технократическая идеология требует от образования обеспечения потребностей роста экономики с приоритетами обороноспособности и независимости технологических ресурсов. Социальная инженерия, в умеренных формах союзная технократическому подходу, использует университеты для размывания границ между классами. Ядром гуманитарной идеологии являются признание наличия у людей потребности в образовании и реализация прав на его получение, столь же неотъемлемых, как и прав на защиту здоровья, и др. Наконец, презентационная идеология использует образование в целях поддержания национального престижа (именно отсюда гонка за международными рейтингами в качестве стратегической цели развития высшего образования). См.: Соколов М. Российский университет как политическая система. URL: <http://polit.ru/article/2014/03/29/university/>

² Песков Д. Вузы больше не являются основными поставщиками кадров для национальной экономики, см. URL: <http://edu.jobsmarket.ru/library/coaching/11829/>

Госдума и Российский союз ректоров действуют в рамках более осторожной логики «не навреди системе, пока она хоть как-то работает», исповедуют более традиционный язык описания образовательного пространства, претендуя на роль адвокатов виктимизируемых вузов от «волонтаристов-реформаторов»¹. Именно усилиями второй группы интересов произошла существенная правка нового закона об образовании в направлении его «гуманизации». Разнонаправленность действий групп влияния, их целей и, главное, способов социальной регуляции (постфордистское «управление собственной эффективностью» vs. фордистское «управление Другим») объясняет рассогласованность языков, показателей и понимания стратегий развития образования. Так в принятой редакции закона исчезло понятие «образовательные услуги», хотя в индикаторах развития до 2020–2030 годов оно все же остается².

Применительно к сфере образования главная проблема неолиберализма состоит в том, каким образом подвести под нормативную логику экономических отношений все те субъекты, которые не испытывают напрямую в своей работе давления рынка. Как можно заставить индивидов интериоризировать внешнее давление конкуренции так, чтобы сделать из нее саму норму субъективности³. Новизна неолиберализма проявляется в работе по приданию однородности, выполняемой по ту сторону разделения на рынок и нерынок, в применении критериев «эффективно/неэффективно» к учреждениям, которые в развитых странах образуют так называемый некоммерческий сектор.

Наша гипотеза состоит в том, что превращение постфордистской риторики федеральной и вузовской бюрократией в формальные показатели эффективности является звеном многолетнего политического балансирования между декларацией образовательной реформы, призывом к развитию рыночно востребованных способностей и компетенций, социальной прозрачности вузов – с одной стороны, и модификацией старого российского подхода к образованию как дефицитному, распределяемому сверху ресурсу – с другой.

---

¹ Анализ выступления генерального секретаря Российского союза ректоров О. Кашиной: Как мониторинг эффективности вузов поставил под угрозу срыва «майские указы» Путина, см. URL: <http://www.nakanune.ru/articles/19046>; Чем меньше государство вмешивается в образование, тем лучше, см. URL: <http://www.snob.ru/selected/entry/76933>

² Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 295 «Об утверждении государственной программы РФ “Развитие образования” 2013–2020 гг.» (в новой редакции), см. URL: http://base.garant.ru/70379634/#block_21

³ Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация. С. 107–108.

Исследователями проблем развития образования НИУ «Высшая школа экономики» это состояние обозначается как феномен «негативной стабильности». Российские образовательные институции придерживаются негласного договора о коллективной невовлеченности, солидарном отказе от изменений на всех уровнях иерархической структуры сверху до низу. «Вузы закрыты для внешних воздействий, вузы легко *имитируют перемены*, и, главное, – студенты, с которыми договорились»¹.

Мы рассматриваем феномен бюрократической гиперрегуляции² как попытку преднамеренной *дестабилизации* данного «негативного» консенсуса, а практику эскалации неопределенности как часть технологий авторитарного управления образованием с целью возвращения под государственный контроль образовательных ресурсов, изымаемых из рук локальных операторов, региональных игроков на рынке образования, образовательных сообществ.

Образование как многофункциональная сфера, структурированная не только иерархически, но и горизонтально через гибкие дисперсные сети (дружеские, профессиональные, научные школы и т. п.), существует в условиях административно-бюрократического рынка³, концепция которого описана в работах С. Кордонского. Выступая в качестве основного института сословной социализации, она включает в себя не только механизмы контроля – «нормализации»,

---

¹ Фрумин И. Д. Выступление на семинаре «Негативная стабильность в высшем образовании», см. URL: http://slon.ru/russia/vuzy_legko_imitiruyut_peremeny_i_glavnoe_chto_stu-401063.xhtml; См. также: Фрумин И. Д., Добрякова М. С. Что заставляет людей меняться: договор о невовлеченности // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 159–191.

² Понятие гиперрегуляции, применяемое для описания чрезмерного вмешательства чиновников в экономику, культуру, образование, связано с категорией «гиперреальности» – термин характеризует ситуации смещения реального и воображаемого в производстве симулятивных эффектов, подчеркивает ощущение ускорения с оттенком избытка. См.: Соджа Э. Постметрополис. Критические исследования городов и регионов // Логос. 2003. № 6 (40). С. 134–135; Бляхер М. Гиперрегуляция в системе российского образования // Отечественные записки. 2013. № 4. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/4/giperregulirovanie-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya>. В психоанализе «гиперреальность» – место избытка, полноты, согласованного и «ладного» с телом матери бытия; идеализированное состояние восстановления предустановленной гармонии, «всеобщего счастья», причастности власти и т. п., см.: Алексахин В. И. Миф о конструкции пространства и виртуальные топологии в культуре // Логос живого и герменевтика телесности. М.: Академический проект, 2005. С. 486–489.

³ Кордонский С. Административные рынки в СССР и России. 1996, см. также: Он же. Социальная реальность современной России, см. URL: <http://www.polit.ru/article/2004/05/11/kordon/>; Он же. Сословная структура постсоветской России. М., 2008.

«стандартизации»¹ – подрастающих поколений с целью превращения их в объект бюрократического управления, но также дисциплинарное подчинение корпорации самих ученых и преподавателей. Именно поэтому в качестве формы сопротивления давлению власти в игру вступают эластичные горизонтальные сети вузовских преподавателей и ученых, функцией которых при всех режимах были, во-первых, поддержание цивилизованных способов профессионального общения и, во-вторых, защита индивида от насилия непосредственного начальства или вторжения в его жизнь государственных органов².

Слабые игроки, выстраивавшие в своих образовательных учреждениях свой «баланс слабостей», если использовать выражение Л. Бляхера, были брошены на произвол судьбы в 90-е годы прошлого века. «Министерство образования в минимальной степени контролировало вузы, которые научились обеспечивать себя сами, создав достаточно емкий, даже в условиях демографического спада, рынок образовательных услуг – по существу рынок дипломов. То же самое происходило и в ряде других отраслей... Неформальные отчисления в пользу федерального уровня были незначительными, поскольку основные решения принимали местные власти. Эти-то отчисления центр на рубеже веков и начал повышать всеми доступными способами, прежде всего постепенно усложняя систему лицензирования федеральной властью местных (образовательных) структур»³. В результате цена административной услуги для образовательных учреждений выросла, малые и средние игроки на образовательном поле постепенно вытесняются с помощью процедур «оптимизации» и регулярного ужесточения достаточно формальных («библиометрических») критериев «мониторинга эффективности»⁴.

---

¹ Известный предприниматель в сфере IT, создатель социальной сети «ВКонтакте» П. Дуров назвал условия, без выполнения которых в Россию он не вернется, см. URL: <http://uainfo.org/yandex/314807-durov-nazval-usloviya-bez-vypolneniya-kotoryh-v-rossiyu-on-ne-vernetsya.html>. Под номером 2 – дерегуляция, под номером 6 – отмена феодальных пережитков, под номером 7 – дестандартизация системы образования.

² Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 100.

³ Бляхер Л. Региональные бароны // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 310–311.

⁴ См., например: Неклюдов С. В. Гильотина как эффективное средство от мигрени, см. URL: <http://polit.ru/article/2012/11/27/edu/>; Малер-Матъязова Е. Жертвы реформы. URL: <http://polit.ru/article/2013/10/01/rsuh/>; Смолин О. Н. Мониторинг эффективности российских вузов: академические и социальные риски, см. URL: <http://www.smolin.ru/news/3/2953/>; Он же. Минобрнауки утверждает новую методику оценки эффективности вузов, см. URL: <http://izvestia.ru/news/559154/>; Неретин Ю. Великий библиометрический джихад, см. URL: http://www.ng.ru/science/2013-12-11/11_ran.html; Пивовар Е. Мы встали перед необходимостью радикального повышения качества, см. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/11/27/rsuh/>

Как и во всем мире, в российском образовании есть своя «эластичная сеть возможностей и ограничений: в ее ячейках возникают *антигравитационные эффекты*, которые в сочетании с гравитационными эффектами самих этих (институциональных. – С. К.) структур работают на индивидуализацию интеллектуальных проектов и карьеры, – пишет философ А. Бикбов. – Более того, сама эта индивидуализация при ближайшем рассмотрении предстает не чем иным, как множеством менее принудительных и более дисперсных, чем привычные нам, институциональных форм»¹. Именно не внешний, директивный чиновничий, но самоконтроль производящего идеи, смыслы, тексты индивида и заставляет до сих пор ученого и преподавателя делать или не делать определенные шаги, жертвовать личным временем ради неоплачиваемого труда в виде периферийной для массового вуза научной работы, публичных выступлений, статусных международных конференций, сверхнормативной работы с зачастую необучаемыми внебюджетными студентами, руководство курсовыми на младших курсах и самостоятельной работой студентов и т. п. Разнонаправленные дифференциалы² существования современного университета могут создавать внутри вуза социальное напряжение, провоцировать отношения бюрократического принуждения и возрастания эксплуатации. Приведем лишь две диспозиции в системе координат образовательного поля: для значительной части населения образование является «*социальным сейфом*»³ для защиты студентов от дурных влияний улицы и рынка. Напротив, для элит формирование в вузе креативных компетенций социальной мобильности, рыночная востребованность диплома и престижной специальности выполняли функцию «*социального лифта*». Вторая линия разделения социальных групп внутри университетского сообщества проходит между национальной (локальной, региональной) ортодоксальностью производства знания⁴ и включенностью в между-

---

¹ Бикбов А. Осваивая французскую исключительность, или Фигура интеллектуала в пейзаже // Логос. 2011. № 1 (80). С. 23.

² Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. С. 606–614.

³ Аузан А. Миссия университета: взгляд экономиста, см. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/05/07/auzan/>; Бляхер М. Гиперрегуляция в системе российского образования. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/4/giperregulirovanie-v-sisteme-vysshego-obrazovaniya/>; Кордонский С. Социальные функции образования (гл. «Система образования как способ социальной изоляции») // Отечественные записки. 2012. № 4, см. URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2012/4/8k.html>; и др.

⁴ Александров Д. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук // НЛО. 2006. № 77, см. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/alek21.html>

народные символические обмены нового академического знания (публикации в журналах сети «Scopus», «Web of science»)¹.

Строение российского образовательного поля таково, какова структура сырьевой (раздаточной) экономики и производного уровня развития общества. Образование, как и все остальные блага, находится в собственности «государства-благодетеля» и распределяется в виде «раздатка» в соответствии с его представлением о важности того или иного социального слоя для целевого, установленного государством использования. Субъектом образования являются не студент, не преподавательские корпорации вуза как институции, но государство. «В случае образовательного раздатка на месте свободы выбора (курсов, образовательных траекторий или вузовских руководителей. – С. К.) мы видим принуждение со стороны государства в лице администрации вуза, на месте партнерства – иерархические отношения между преподавателем и студентом, наконец, на месте эквивалентного обмена “кредитов” на “высшее образование” – неэквивалентный обмен “часов”... Итак, сама “анатомия” нашей системы высшего образования (“образовательный раздаток”) препятствует введению западной гумбольдтовской модели (основанной на “образовательном обмене”). Поэтому администрации наших вузов сопротивляются введению требований Болонской системы – не в силу своей злонамеренности и консерватизма, а в силу инстинкта выживания. Вообще говоря, для того чтобы у нас внедрить западную вузовскую модель, первым делом нужно ликвидировать Минобрнауки в том виде, в каком оно существует сейчас, то есть лишить его права раздавать ресурс – разрабатывать единые стандарты, вмешиваться в жизнь и работу вузов... Ирония ситуации состоит в том, что самому этому министерству поручено перевести российские вузы на западные рельсы. Результат можно было предсказать с самого начала»², поскольку система утверждает то, что ее отрицает. Одной рукой Министерство науки и образования стимулирует профессоров вузов приобретать международную репутацию в качестве уникальных носителей лично сконструированного знания, поскольку профессора-космополиты в рейтинговых университетах оказываются основным элементом державного фасада. Другой рукой предпринимаются меры, делающие жизнь рядовых преподавателей все более неком-

---

¹ Гапова Е. Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки // *Ab Imperio*. 2011. № 4. С. 304–309, см. URL: <https://www.academia.edu/1437888/>

² Вахитов Р. Болонский процесс в России // *Отечественные записки*. 2013. № 4 (55). URL: <http://magazines.russ.ru/oz/2013/4/11v.html>

фортной, ведущие к еще большей десубъективации всех агентов образовательного поля¹.

Структурный кризис российской высшей школы накладывается на устойчивую национальную традицию отношений в системе контрольно-надзорных органов: «надзирать, чтобы наказывать» – чтобы кормиться². В образовании, как и во всех других сферах (технического, финансового, правового, санитарно-эпидемиологического и прочего регулирования), был создан «разветвленный аппарат регулятивных репрессий. Под него подведена нормативная база, позволяющая осуществлять такие репрессии почти тотально: сейчас при желании можно на вполне законном основании остановить, а то и вообще закрыть едва ли не любое производство (или процесс обучения. – С. К.). На угрозе “отложенной репрессии” создан массовый бизнес»³, в котором в той или иной мере участвуют практически все связанные с образовательным, потребительским, пожарным надзором или техническим регулированием институты, – пишет философ А. Рубцов. В экономике, основанной на распределении ренты от природных ресурсов, объекты управления воспринимаются как пассивная, послушная, патерналистски настроенная масса. Самодостаточная система перераспределения «почти автоматически воспроизводит *ресурсный социум*, “сырьевое проклятье” с высокой вероятностью порождает *проклятье институциональное*»⁴ – те самые слабые или коррумпированные институты, над которыми нужен возрастающий по экспоненте «учет и контроль».

В сегодняшних российских вузах происходит изменение самой природы предъявляемых требований, вернее, сосуществуют две логики, временами подрывающие друг друга и подвергающие работника испытанию на прочность. Диспозиция, предполагающая возможность «и того, и другого», ставит рядом корпоративную лояльность, с одной стороны, открытость новым возможностям – с другой, стабильную работу на ставку или, все чаще, на какую-то ее долю – с одной стороны, против ситуационной принадлежности к проекту, включенность во временные команды, более или менее долговечные творческие коллективы – с другой. Главное из требований – гибкость как способность переходить с одного проекта на

---

¹ Соколов М. Российский университет как политическая система. URL: <http://polit.ru/article/2014/03/29/university/>

² Рубцов А. Нестандарт. Блеск и нищета одной институциональной реформы // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). С. 324.

³ Рубцов А. Нестандарт. Блеск и нищета одной институциональной реформы. С. 314 (курсив автора).

⁴ Там же.

другой – представляет собой своего рода «полюс недоступности» при нынешних слияниях и серьезных сокращениях ставок. Это привело к росту неравенства, прекаризации труда и обнищанию множества наемных работников российской высшей школы. На сегодня не преодоленный, а, напротив, усиливающийся раскол в ней связан с различной включенностью «в международный символический обмен и, соответственно, автономией и доступом к ресурсам, – пишет Е. Гапова. – Значительная часть академического континиума принадлежит, по определению М. Соколова, к “бедной науке”, для которой характерно “проектное мышление”. При больших нагрузках, низких зарплатах, плохой языковой подготовке и без доступа к литературе исследователи стремятся к выполнению разнообразных проектов, за которые можно получить “быстрое” вознаграждение, но не научное имя. Многие выпускники престижных университетов предпочитают покинуть академию (или уехать за границу), но не работать там, где возможности самореализации и профессиональные стимулы отсутствуют, а вознаграждение минимально. В наибольшей степени это справедливо для “провинциальных” городов, где успешные международные акторы могут отсутствовать и профессиональной референтной группы нет»¹.

В результате возникли культурные и образовательные гибриды, о которых можно говорить, перефразируя известную формулу соцреализма: «постфордистский по форме, фордистский (ностальгически-советский) по содержанию». Именно профанация реформ и ресоветизация образования представляются главной угрозой, по мнению многих экспертов. Возможной целью реформы, если только ее траектория прочерчена в постфордистском направлении, следует рассматривать не внешнее патерналистское преобразование сразу «всех институций, а изменение микрополитических обстоятельств собственной деятельности в пользу взаимного признания равных (коллег)», – справедливо полагает А. Бикбов. В силу сказанного, более производительный, интеллектуальный, эффективный индивид как желаемый продукт постфордистского образования возможен только при растущей роли самоконтроля, распределенного и недирективного контроля в противовес практикуемому властями внешнему дисциплинированию служащих в поднадзорных образовательных учреждениях².

---

¹ Гапова Е. Национальное знание и международное признание: постсоветская академия в борьбе за символические рынки. С. 309–310.

² Бикбов А. Осваивая французскую исключительность, или Фигура интеллектуала в пейзаже. С. 27.

Для включенных в международный образовательный контекст ученых и преподавателей гибкая стратегия индивидуализации пути в современность на руинах принудительно реформируемого университета может оказаться необходимой, но недостаточной. Она позволяет включаться в горизонтальные сетевые исследовательские, издательские и неформальные образовательные проекты. Побочный результат политики дестабилизации университета – это независимые интеллектуалы, «креативный класс» как меньшинство, в идеале имеющие в качестве экспертов конкурентную заработную плату в других секторах занятости, однако класс этот часто «провисающий» ввиду отсутствия в России «автономных буржуазных акторов». Другой массовый продукт «распадающегося университета» – прекариат (офисные клерки, сервис-класс, рядовые преподаватели как ретрансляторы готового знания и т. п.). Субъектами нагнетаемого фордистского давления является федеральная и внутривузовская бюрократия (выросшая как эшелон защиты от бюрократии внешней). Постфордистская риторика – «рост конкурентной зарплаты преподавателя, получаемой в другом секторе занятости», – выступает для этих субъектов инструментом маскировки предельной эскалации вполне фордистских технологий в массовом образовании с его слияниями и поглощениями вузов. Объектами давления выступает студенческая и научно-педагогическая масса.

Таким образом, подключение к Болонской системе оказывается зачастую ограниченным наличным состоянием экономики и общества. На основании анализа журнальных публикаций в академических изданиях по проблемам образования, а также интернет-публицистики мы можем зафиксировать два встречных потока критики, разнонаправлено использующей постфордистскую риторiku: со стороны чиновников в отношении университетов и со стороны университетских сообществ в отношении реализуемой сверху модели «реформы» высшего образования.

Глава 9. ИНДУСТРИЯ ДЕТСТВА И ПОСТФОРДИЗАЦИЯ РОДИТЕЛЬСТВА И СЕМЕЙНОЙ СФЕРЫ В РОССИИ

Немецкий антрополог Ирен Гетц¹ пишет: «Постфордистская модель труда, экономики, а также коммодификация социальной сферы оказывают глубокое влияние на все стороны жизни современного общества». Исследования постфордизма, начавшиеся с анализа изменений в организации производства и экономики, а также моделей занятости и потребления в западных странах в конце 1980-х годов, постепенно сместились на изучение глубоких сдвигов в социальных отношениях², системах ценностей³, жизненных стратегиях, нарративах⁴ и субъективностях, идущих параллельно экономическим изменениям⁵. Ряд авторов анализирует диверсификацию моделей нуклеарной семьи и частной жизни, происходящую в рамках постфордизма как комплексной макросистемы, а некоторые исследователи говорят о постфордизации эмоциональной сферы⁶ и моделей телесного устройства человека⁷. Сегодня категории фордизма и постфордизма претендуют на статус универсальных объяснительных принципов, демонстрирующих значительный эвристический потенциал в интерпретации всех элементов жизни социума.

Парадоксально, но практики родительства и материнства, играющие огромную роль в воспроизводстве социального порядка, пока

---

¹ Götz I. Sensing Post-Fordist Work Life: Recent Perspectives in the Ethnography of Work. *Ethnologia Europaea*. 43 (1). 2013. P. 68.

² Jessop B. Post-Fordism and the State. In *Post-Fordism: A Reader*. Oxford, UK: Blackwell, 1994. P. 251–279.

³ Götz I. Sensing Post-Fordist Work Life...

⁴ Beck U. *Risk Society*. London: Sage, 1992; Bauman Z. *Work, Consumerism and the New Poor*. Maidenhead: Open University Press, 2005.

⁵ Sennett R. *The Corrosion of Character: The Personal Consequences of Work in the New Capitalism*. New York & London: W. W. Norton & Company, 1998; Gilson Erin C. *The Ethics of Vulnerability: A Feminist Analysis of Social Life and Practice*. Routledge, 2014. Ch. 4 Risk and Control: The Formation of Entrepreneurial subjectivity.

⁶ Hochschild A. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press, 1983.

⁷ Martin E. The End of the Body? *American Ethnologist*. № 1. Vol. 19 (February 1992). P. 121–140.

что не стали предметом анализа в аспекте взаимоотношения фордистской и постфордистской моделей. Даже те авторы, которые изучают гендерные аспекты разделения труда, занятости и потребления в эпоху постфордизма¹, обходят своим вниманием практики воспитания детей, как если бы последние были слишком приватными и внеисторичными, чтобы быть вовлеченными в тотальную постфордизацию работы и жизни. Цель данной главы – исследовать возможность применения категории «постфордизм» к практикам родительства в современной России на основе анализа дискурсивных конструкций нормативного родительства и материнства, циркулирующих в экспертном знании, медийных репрезентаций родительских ролей, а также неформальных обсуждений повседневных практик воспитания детей в родительских интернет-сообществах. Опираясь на ряд социологических и демографических исследований семьи и родительства, осуществленных за последние несколько лет и демонстрирующих, что конфигурация нормативного родительства претерпела существенные изменения по сравнению с советской моделью, я планирую доказать, что постфордизм является той категорией, которая обобщает отдельные изменения, позволяет посмотреть на родительство как целостный феномен, встраивает его в комплексные макросистемы современного общества.

«Родительство представляет собой сложный культурный феномен, который включает набор практик и смыслов, связанных с детством, воспитанием, взглядами на типы отношений между родителями и детьми, мужчинами и женщинами. Родительство – это дискурсивный конструкт, содержащий нормативные представления о родительской роли, когнитивные и эмоциональные оценки практик воспитания и заботы, гендерное разделение родительских обязанностей», – пишут известные исследователи политэкономии современного родительства Ж. Чернова и Л. Шпаковская². Будучи частью приватного, семейного мира, родительство испытывает воздействие экономических, социальных, демографических и других политик государства. Исследования историков показали, что по мере развития капитализма родительство и в особенности материнство становятся предметом модернизационных усилий общества и государства. Начиная со второй трети XIX века почти во всех индустриальных странах разворачиваются кампании по профилактике жестокого об-

---

¹ McDowell L. Life without father and Ford: the new gender order of post-Fordism. In Transactions of the Institute of British Geographers. New Series 4. Vol. 16. No. 4 (1991). P. 400–419.

² Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л., Дискурсивные модели современного родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 15–27.

ращения с детьми в семьях, просвещению матерей, врачебному патронажу за новорожденными, вакцинации, снабжению младенцев качественным молоком, формированию систем дошкольного обучения, в ходе которых возникали модели социально приемлемого ухода за детьми и их воспитанием¹. Создается институт экспертного знания, включающий педиатрию, детскую психологию, социальную работу, в рамках которого формулируются принципы желательного родительского поведения и идеология нормативного родительства, транслируемая семьям. Общественное дисциплинирование частного мира детей и семьи через просветительские проекты, экономические и политические механизмы, медицинские и педагогические институты достигает своего пика в начале XX века, когда в большинстве развитых стран создаются правовые механизмы контроля общества за родителями, позволяющие в крайних случаях изымать детей из семьи, если окажется, что родители исполняют свои обязанности ненадлежащим, по мнению экспертов, образом.

В России модернизация детства и родительства, то есть переход от традиционной модели, когда один и тот же паттерн ухода за детьми и их воспитания повторяется из поколения в поколение, к такой, где образец задается требованиями современной науки и транслируется экспертами-профессионалами, произошла позднее, чем в западных странах. Несмотря на активное развитие педиатрии, психологии детства, движения детских садов и родительских кружков в первые годы XX века, действительно массовая модернизация родительских практик произошла только после 1917 года, когда большевистское государство направило значительные усилия на изменение характера отношений в семье, на благополучие и здоровье детей, понижение уровня детской смертности. Историк советского детства К. Келли убедительно демонстрирует, что дети и семья занимали высокое место в идеологических приоритетах большевиков: «Советское государство сделало детство ядром своей политической легитимности,

---

¹ О кампаниях по модернизации родительства и материнства на рубеже XIX–XX веков в индустриальных странах см.: Arnup Katherine, *Education for Motherhood: Advice for Mothers in Twentieth-Century Canada*. Toronto, Buffalo: University of Toronto Press, 1994; Dwork Deborah, *War is Good for Babies and Other Young Children: A History of the Infant and Child Welfare Movement in England, 1898–1918*. London and New York: Tavistock Publication, 1987; Klaus Alisa, *Every Child a Lion: The Origins of Maternal and Infant Health Policy in the United States and France, 1890–1920*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1993; Koven Seth and Sonya Michel, eds., *Mothers of a New World: Maternalist Politics and the Origins of Welfare State*. New York: Routledge, 1993; Meckel Richard A., *Save the Babies: American Public Health Reform and the Prevention of Infant Mortality, 1850–1820*. Baltimore; London: John Hopkins University Press, 1990.

непрерывно подчеркивая, что нигде в мире дети не являются предметом такой заботы и внимания, как в СССР»¹. В огромной стране, какой был Советский Союз, модернизация практик ухода за детьми и их воспитания происходила неравномерно, и степень проникновения новых моделей родительства существенно отличалась для аграрного и городского населения, но к середине 1930-х годов большинство городских семей практиковало модель родительства, сформированную в рамках медицинского знания того времени и неотделимую от производственной матрицы советской эпохи – индустриального производства.

**«Материнский конвейер»:
модели родительства эпохи индустриализации**

В 1918 году советское государство создало отдельную структуру под патронатом Комиссариата социального обеспечения – Охрана материнства и младенчества (ОММ) с целью облегчить женщинам-работницам ту часть их труда, которая связана с заботой о детях. ОММ развивала систему яслей и детских садов, детских консультаций и молочных кухонь, а также вела мощную санитарно-просветительскую работу среди матерей, стремясь воздействовать прежде всего на крестьянских женщин, недавних мигрантов из сельской местности в города. Хотя история организации демонстрирует, что уже концу нэпа инфраструктурой ОММ были охвачены крупные города и что она постепенно проникала в сельскую местность, реальное воздействие новых институций на практики ухода за детьми стало заметно в 1930-е годы, когда СССР вступил в период индустриализации. «Женщины, – пишет историк советской индустриализации Венди Голдман, – играли беспрецедентную роль во время первой пятилетки. В 1932–1933 годах они были единственным источником людских ресурсов на производстве: 100 процентов всех вновь принятых работников в 1933 году были женщины... В течение первой пятилетки в промышленность пришли 2,3 миллиона работников, из них 1 миллион – женщины»².

Массовый приход женщин на производство при относительно высоком уровне рождаемости заставлял государство расширять инфра-

---

¹ Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Haven and London: Yale University Press, 2007. P. 1.

² Goldman W. Z. Women, the State and the Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. New York: Cambridge University Press, 1993. P. 93 (перевод мой. – Н. Ч.).

структуру яслей и детских садов, поликлиник: так, с 1929 по 1936 год государство увеличивает количество мест в детских садах и яслях с 52 тыс. до 626 тыс.¹ В этот период начинается по-настоящему массовое строительство детских дошкольных учреждений по типовым образцам, разработанным в Московском НИИ ОММ. В 1930-е годы происходит интенсивная медикализация детства, проявившаяся в многократно усилившемся праве медицинских институций определять параметры и нормы всего, что касалось здоровья, развития ребенка и его воспитания в семье. Ряд аспектов медикализации имеет смысл отметить особо. Во-первых, количество детей, охваченных медицинскими институтами, достигает 100 % в крупных городах. Благодаря системе «участков», введенной с 1932 года Народным комиссариатом здравоохранения, практически все детское население автоматически регистрировалось в местной поликлинике². Согласно инструкции для руководителей, все дети, проживающие на территории поликлиники, должны были быть учтены путем поквартирного обхода, который следовало проводить не менее двух раз в год. К середине 1930-х годов почти 100 % родов происходило в государственных родильных домах, что означало автоматическое включение каждого новорожденного в систему медицинского контроля и манипуляций: регулярное измерение роста и веса, прививки, оценка физического и умственного развития, постановка диагноза и т. д. Таким образом, у советского ребенка, родившегося в 1930-е годы, было очень мало шансов остаться вне сферы медицинского надзора. Начиная с 1932 года участковый врач становится юридически ответственным за жизнь и здоровье детей своего участка, и каждый случай смерти ребенка становится предметом разбора в поликлинике. Поликлиники начинают вести статистику заболеваемости и смертности детей своих участков и регулярно передавать ее в местные органы власти.

Время, которое ребенок в эти годы мог проводить в медицинских и дошкольных учреждениях, также существенно вырастает: многие предприятия организуют у себя круглосуточные ясли и детские сады, чтобы матери могли выходить на работу в три смены. Ряд документов Наркомздрава того времени рекомендует детским учреждениям создавать изоляторы для детей с легкими заболеваниями, такими как простуда, чтобы сократить число невыходов на работу матерей по

---

¹ Проппер-Гращенко Н. И. Охрана материнства и младенчества в Союзе ССР. М.: Издательство ОММ, 1938. С. 56.

² Коннос Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества 1919–1940: по материалам организационных и научных съездов. М.: Центральный институт усовершенствования врачей, 1954. С. 258–259.

причине детских болезней. С этой же целью стационары расширяют круг диагнозов, которые являются основанием для госпитализации, принимая детей с относительно небольшими нарушениями здоровья¹. Иными словами, детское здравоохранение в эти годы напрямую аффилировано с потребностями производства до такой степени, что нужды промышленности диктуют параметры медицинской нормы.

Другим аспектом медиализации явилось распространение медицинского дисциплинирующего воздействия на те сферы жизни семьи, которые прежде не были связаны со здравоохранением, как, например, обеспечение детей продуктами, организация досуга и т. д. Так, с распространением в городах сети молочных кухонь и расширением их ассортимента (молочные смеси, творог, овощное и мясное пюре), направление в которые давал участковый врач, доступ ребенка к качественным продуктам питания также регулировался медицинскими учреждениями. Кроме того, врачам в это время вменяется в обязанность организовывать «прогулочные группы» детей во дворах, лекции по воспитанию детей в красных уголках, парках и скверах. Кроме того, популярным стало моделирование социальных учреждений (ясли, детские сады) по образцу медицинских (больницы, диспансеры) и распространение на первые санитарных практик последних. Чертежи детских садов и яслей, а также сами принципы управления потоками детского контингента были разработаны таким образом, чтобы исключить контакты разновозрастных групп между собой для предотвращения инфекции. Сотрудники яслей и садов в эти годы начинают носить белые медицинские халаты, как если бы они были медсестрами и врачами, – практика, сохранившаяся в СССР до конца 1960-х годов.

Интервенция медицинского дискурса в сферу приватной жизни семьи в этот период также очень высока. В различных жанрах, таких как популярные издания по уходу за ребенком, журналы, плакаты, родителям транслировалась мысль о необходимости подчинять распорядок жизни ребенка в семье требованиям гигиены и нормам, принятым в детском учреждении. Авторы текстов для родителей – педиатры, педагоги, психологи – регулярно высказывают недоверие к домашним практикам и требуют, чтобы жизнь ребенка в семье была организована по модели детского сада: «В яслях ребенок окружен чистотой, его воспитывают там по правилам гигиены. Если мать принесет ребенка из яслей домой и дома будут грязь и беспорядок, то ребенок будет болеть. Если в яслях ребенка правильно кормят, а мать дома будет портить ему пищеварение неподходящим и несвоевремен-

---

¹ ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 21. Д. 24. Л. 51–52.

ным кормлением, у ребенка будут поносы. Мать, принося из яслей ребенка домой, должна строго проводить гигиенические правила»¹.

Популярные книги по уходу за детьми того времени часто описывают уход за ребенком в терминах производственной задачи, которую можно разбить на отдельные операции. В 1930-е годы становится популярным формат книг для матерей, напоминающий учебники для техникума или вуза: «Заочные курсы для матерей», «Курсы лекций для матерей», где материал был распределен по темам, таким как «Кормление», «Соблюдение гигиенических требований», «Распорядок дня» и т. д., причем после каждого раздела авторы помещали «Вопросы к лекции», что усиливало аналогию с литературой для подготовки специалистов². Прекрасно осознавая, что материнство и производственная деятельность женщины с неизбежностью вступают в конфликт, многие авторы популярной литературы для родителей стремились риторически примирить эти крайности, доказывая, что материнство и труд на производстве могут сосуществовать в гармонии, при условии, что и мать, и администрация предприятия практикуют научный, тейлористский подход к проблеме. Так, в книге главного педиатра СССР Г. Н. Сперанского «Мать и дитя» (1940), в разделе о грудном вскармливании содержится предложение к администрациям заводов, которые вынуждены, согласно законодательству, обеспечивать работницам, имеющим грудных детей, получасовой перерыв каждые три часа для кормления младенцев. Сперанский предлагает «объединить всех кормящих матерей в одну бригаду и организовать особый материнский конвейер»³. В риторике текста «материнский конвейер» функционирует и как обозначение характера производства – фордистского, основанного на разбиении задачи на отдельные операции и специализации работников, и как метафора, обнажающая «фордизацию» самой основы жизни – воспроизводства человеческого рода.

Таким образом, в 1930-е годы в СССР складывается нормативная модель родительства, предполагающая занятость обоих родителей на производстве и опору на государственные инфраструктуры поддержки: ясли, детские сады, учреждения здравоохранения. В рамках этой модели культивируются образцы родительского поведения и подхода к воспитанию, которые изоморфны институциональным моделям

---

¹ Альтгаузен Н. Ф. Гигиена и воспитание детей раннего возраста: Краткое руководство для родителей. М.; Л.: Биомедгиз, 1936. С. 5.

² См., например: Эйгес Н. Р. Заочные курсы для матерей. Вып. 1–9. М.: Наркомздрав, 1939.

³ Сперанский Г. Н. Ребенок раннего возраста. Книга для родителей. М.: Медгиз, 1940. С. 32.

и интенсивно медикализируются. Определение параметров нормативного родительства осуществляется на пересечении двух дискурсов: медицинского и «тейлористского», так что хорошая мать – это та, которая сочетает в себе знания и навыки медицинского работника и специалиста по научной организации труда. Фордистская модель экономики, таким образом, проникает в организацию семейных отношений, диктуя фордистскую же – иерархичную, регламентированную экспертным знанием и унифицированную, то есть единую для всех семей модель отношений родителя и ребенка.

Оформившаяся в 1930-е годы на волне первого этапа советской индустриализации, эта модель сохраняла актуальность примерно до конца 1960-х годов. В 1970-е годы она начала терять монополию: происходила диверсификация экспертного знания, проявившаяся в проникновении западного популярного медицинского знания на российский книжный рынок (в 1970 году в СССР выходит русский перевод книги Бенджамина Спока «Ребенок и уход за ним»), а также в размывании иерархии «эксперт – родитель». Частичное переворачивание иерархии между экспертным знанием и родительским опытом началось с появлением фигуры эксперта-самоучки, какими были родители Лена и Борис Никитины, авторы популярных книг по воспитанию детей «Мы и наши дети», «Ступеньки творчества»¹. Пропагандируемый ими подход к воспитанию ставил под сомнение многие из аксиом педиатрического знания того времени, утверждал ценность и уникальность родительского опыта, а также способность родителей, а не врачей и педагогов, формулировать нормы и параметры физического и интеллектуального развития ребенка. Книги Никитиных были популярны в семьях городской интеллигенции, которой импонировал тезис о раннем развитии детей. Многие из тех, кто воспитывал детей в 1970-е и 1980-е годы, помнят о том, как самостоятельно изготавливали развивающие игрушки по чертежам Никитиных, в том числе знаменитые никитинские кубики. Модель родительства, пропагандируемая Никитиными, отходила от фордистской модели времен индустриализации по ряду важных аспектов: во-первых, она была принципиально антиинституциональной, и, во-вторых, она конструировала родительство как самоценную деятельность, территорию свободного самовыражения, никак не связанную с производительным трудом. На визитных карточках Бориса Никитина было написано «профессиональный отец», определение, которое отражало в том числе и неортодоксальное разделение труда

---

¹ Никитин Б. П. Ступеньки творчества: Развивающие игры. М.: Знание, 1976; Никитин Б. П., Никитина Л. А. Мы и наши дети. М.: Молодая гвардия, 1979.

в семье: из двух супругов Никитиных работала жена. Приватизация родительства, заложенная в модели Никитиных, шла вразрез с государственными политиками регулирования демографических процессов, семьи и детства в 1970–1980-е годы, поэтому она осталась единичной попыткой пересмотреть параметры родительского поведения в СССР.

Дети как долгосрочные вложения? Экономика родительства в постсоветский период

В 1968 году американский экономист Джудит Блейк (Judith Blake) опубликовала статью в журнале *Population Studies* под названием «Are Babies Consumer Durables?» («Являются ли младенцы товарами долгосрочного пользования?»). Написанная в период, когда фордистская модель потребления достигла своего пика в западных странах, эта работа ставила целью выяснить, насколько справедлива аналогия между потребительскими стратегиями семей и репродуктивными паттернами, в частности, ведет ли высокая покупательная способность семьи к стремлению иметь большее количество детей. В результате исследования Блэйк пришла к выводу, что аналогия между младенцами и долгосрочными приобретениями не является прямой и однозначной. Модель потребления, при которой количество покупок ограничено только уровнем предоставляемого кредита, не срабатывала ни для бедных семей, которые имели детей больше, чем могли себе позволить, ни для богатых, которые, напротив, ограничивались одним-двумя детьми, хотя были в состоянии содержать и большее количество детей. Работа Блейк воплощает тенденцию в социологии семьи, популярную в западных странах в 1960-е годы, в которой желание супругов иметь детей трактовалось как экономическое поведение, во-многом не отличимое от желания иметь товары, сигнализирующие о классовом или моральном статусе их владельца¹. Как следствие, выбор семьи в пользу того или иного числа детей, должен был, по мнению исследователей, осмысляться в категориях экономического и потребительского выбора. То, что родительство является автономной приватной сферой любви и привязанности, не должно, по мнению исследователей, затушевывать тот факт, что параметры родительской модели тонко реагируют на микро- и макроэкономические изменения на рынках труда, производства и потребления, на изменения структуры доходов семьи, на

---

¹ Blake J. «Are babies consumer durables? A critique of the economic theory of reproductive motivation». In *Population Studies* 1. Vol. 22 (Mar 1968). P. 5–25.

трансформацию рынка товаров и услуг и другие экономические и социальные факторы.

Следуя данной логике, стоит признать, что радикальные изменения, произошедшие в России за последние два десятилетия, не могли не сказаться на параметрах типологических моделей родительства. К числу этих изменений относятся: развитие рыночной экономики, существенное сокращение социальной сферы, характерной для социализма, частичная приватизация социальной сферы, развитие потребительской культуры детства, развитие информационного пространства и сетевых взаимодействий родителей. Социологи и антропологи, исследующие современную российскую семью, отмечают возникновение в России кардинально новых моделей родительства, отличных от советских моделей. Так, М. Майофис и И. Кукулин утверждают, что в современной России происходит трансформация ценностей родительства и воспитания детей. Возникает то, что Майофис и Кукулин называют кооперационным или неимперативным родительством: представление о родительстве как глубоко частном деле, неподконтрольном государству, а также как об интересной творческой работе. По мнению авторов, трансформации родительства принципиально важны для описания современного российского социума именно потому, что в отсутствие изменений в других сферах сфера семейных отношений становится единственно возможным пространством обновления общества в сторону либеральных, демократических ценностей¹. Ж. Чернова и Л. Шпаковская также отмечают возникновение новых моделей родительства в постсоветские десятилетия – таких, которые «в большей степени ориентируются на качество детско-родительских отношений и требуют значительных инвестиций различных видов ресурсов отцов и матерей»². Ряд авторов анализирует такой новый феномен, как интернет-сообщества родителей и сетевое взаимодействие. О. Свешникова, И. Шевченко, уже упоминавшиеся Ж. Чернова и Л. Шпаковская отмечают черты новизны в том, как в рамках интернет-форумов и групп родители артикулируют свои роли и будущее детей в сравнении с советской моделью. По мнению Свешниковой, новая, складывающаяся сегодня модель родительства предполагает гендерное равенство в распределении ролей, отказ от традиционной модели семьи, а также гибкость в видении желаемого

---

¹ Кукулин И., Майофис М. Новое родительство и его политические аспекты. *Pro et Contra*. 2010. № 1–2 (48). С. 6–19.

² Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Политэкономика современного родительства: сетевое сообщество и социальный капитал. *Экономическая социология*. 2011. Т. 12. № 3. С. 85.

будущего для своих детей, так что вместо установки на конкретную профессию акцент делается на выработку черт характера и навыков¹.

Обзор литературы показывает, что современное родительство является сложным социальным феноменом, черты которого определяются изменившимся соотношением между социальной сферой и частной жизнью семьи, новыми категориями гендерного контракта, расширением информационного пространства и другими факторами. Однако существующие исследования новых моделей родительства в России фрагментарны² и не схватывают общую логику изменений, которая, по нашему мнению, может быть описана в терминах перехода от фордистской (советской) к постфордистской модели. Ключевыми чертами новой модели являются: 1) размывание границы между частной жизнью семьи и сферой родительской профессиональной деятельности, а также перенесение на родительские и материнские практики приемов эффективного менеджмента, сформировавшихся в бизнес-среде; 2) появление и развитие сегментированного рынка товаров и услуг для детей и родителей, создающего возможности для гибкого избирательного потребления; 3) рост сегмента экономики знания, а также диверсификация экспертного знания о родительских практиках, параллельное существование на информационном рынке нескольких моделей нормативного родительства.

«Успевать с детьми»: эффективный менеджмент на службе семьи

Ранние, преимущественно оптимистические описания постфордистской экономики подчеркивали освобождающую силу новых технологий, позволяющих уменьшить монотонность конвейерного производства и утомительность работы в большой корпорации, предлагающих вместо этого работнику возможность овладения разнообразными навыками, высокую степень приспособляемости к

---

¹ Свешникова О. Российские родители: Новое в поведении и мировосприятии. *Pro et Contra*. 2010. № 1–2 (48). С. 72.

² Исключение составляет монография Жанны Черновой «Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности (СПб.: Издательство Европейского университета, 2013). Это всеобъемлющее исследование, посвященное анализу государственной политики в отношении семьи в современной России. Автор уделяет значительное внимание феномену родительства, рассматривая различные формы самоорганизации родителей как способы преодолеть дефициты государственной семейной политики. Автор констатирует, что, несмотря на существенные изменения ценностных ориентаций и поведения современных родителей по сравнению с советской моделью, российские семьи продолжают формировать свои ожидания и жизненные стратегии в рамках патерналистской модели.

изменяющимся рынкам и работу в небольших фирмах, гибко реагирующих на спрос¹. Когда постфордистская модель производства набирает силу, становится ясно, что гибкость производства и потребления имеет обратной стороной расслоение рабочей силы на постоянно работающее высококвалифицированное «ядро» и несколько слоев «периферии» – работников, которые заняты неполный рабочий день, то есть находятся в режиме гибкой занятости, не имеющих и доли тех социальных гарантий, которыми работодатель обеспечивает «ядро»². По мере развития постфордистского капитализма количество работников, входящих в «периферию», растет, равно как и увеличивается процент фрилансеров, сотрудников, работающих по субподряду, работающих из дома и т. д. Параллельно тому, как размывается граница между работой и не-работой, размытой и проницаемой становится граница между рабочим и свободным временем, досугом и занятостью, частным пространством семьи и публичным пространством работы. Прекаризация труда – другое название для описанных процессов³ – порождает особую идеологию селф-менеджмента, согласно которой каждый работник, оказавшийся за пределами отмеченного социальными гарантиями «ядра», может стать микро- или макропредпринимателем для себя самого, нанять самого себя, открыть собственное дело, стать успешным. Постфордистская модель занятости актуализирует ценности самореализации, креативности, принятия риска, обучения в течение всей жизни.

Прекаризация труда, лишенная прежних социальных гарантий, накладывает отпечаток и на конструкцию родительства: как показывают исследования дискурсивных моделей современного родительства, большинство семей серьезно озабочено поиском оптимального сочетания карьеры и заботы о детях. Традиции гендерного разделения труда, согласно которому львиная доля нагрузки по уходу за ребенком ложится на мать, по-прежнему сильны, поэтому вопрос о более или менее гармоничном сочетании профессионального роста и воспитания ребенка стоит острее для женщин. И именно женщины формулируют разнообразные модели решения проблемы, варьирующие от сознательного и радостного принятия материнской роли («родительство как сфера самореализации») до выстраивания сложных

---

¹ Piore M. and Sabel C., *The Second Industrial Divide: Possibilities for Prosperity*. New York: Basic Books, 1994.

² Шевчук А. В. *Постфордистские концепции (Критический анализ)*. Казань, 2000. С. 30.

³ McRobbie A. *Reflections on feminism, immaterial labour and the Post-fordist Regime*. In *New Formations*. 70 (2010). P. 60–76.

тактик гармоничного соединения первого и второго («родительство как один из жизненных проектов»)¹.

Формулировка материнства как задачи по эффективному менеджменту себя, ребенка и семьи активно продвигается глянцевыми массовыми журналами для родителей, такими как «Mamas&Papas», «Мой ребенок», «9 месяцев» и др. В последние годы набирает популярность тип личного коучинга и обучения тайм-менеджменту для матерей, предлагающих женщинам перенести принципы планирования и управления временем, известные по бизнес-учебникам, в сферу домашней повседневности. Журнал «Успевай с детьми»² учит матерей приоритизировать задачи, разделяя их по принципу важности и срочности, пользоваться бумажными и электронными органайзерами, различными системами планирования времени, параллельному ведению нескольких дел (multitasking), делегированию части обязанностей членам семьи. Тексты и иллюстрации создают привлекательный образ профессиональной, эффективной бизнес-вумен, легко перемещающейся из пространства семьи в пространство карьеры и обратно. Авторы успешно эксплуатируют стереотипы фрилансерства как зоны свободного самовыражения, используя для обозначения статуса матерей, сидящих с детьми, неологизмы типа «мамалансер», «флаймама», при этом авторы текстов также обозначают себя как представителей новых «креативных» профессий – блоггер, копирайтер, хендмейдер, консультант и т. д. Типичная героиня материалов журнала в свободное от занятий с детьми время занимается самообразованием (учит английский в скайпе, обучается вождению, получает бизнес-образование онлайн и т. д.), то есть целиком включена в новую постфордистскую экономику знания и сервиса.

Воспитание детей также все больше напоминает бизнес-процессы. «Успешный ребенок – тот, кто умеет ставить цели и организовывать себя ради их достижения», – так начинается книга Марианны Лукашенко «Тайм-менеджмент для детей. Книга продвинутых родителей»³. Книга, по словам автора, ставит своей целью познакомить родителей «с колоссальным арсеналом приемов и технологий

---

¹ Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Дискурсивные модели современного родительства...

² Журнал «Успевай с детьми» является электронным изданием, распространяется по подписке и имеет, согласно информации на сайте, около 28 000 подписчиков. См. URL: <http://uspevai7ya.ru/> На базе авторов и читателей журнала возникли также группы с таким же названием в Живом журнале (<http://uspevaisdetmi.livejournal.com/>) и в социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/uspevaisdetmi>).

³ Лукашенко М. Тайм-менеджмент для детей. Книга продвинутых родителей. М.: Альпина Паблишер, 2012.

детского тайм-менеджмента и подсказать, каким образом научить этим приемам... детей, чтобы они стали более целеустремленными и эффективными»¹. Книга Лукашенко представляет собой компендиум всех более или менее известных на сегодняшний день систем управления времени – Парето, Эйзенхауэра, Кови и др., адаптированных к уровню школьника. Автор учит родителей приемам воспитания, которые пугающе напоминают системы управления качеством на предприятии: каждое действие в течение дня или недели отмечается в отдельной таблице, а затем, в зависимости от его значимости, выделяется разноцветными маркерами. В конце дня или недели семья делает разбор, насколько успешным был прошедший период времени, а в конце года, в новогоднюю ночь, семье предлагается провести конкурс «на самые важные события в жизни семьи»².

Перечисленные технологии семейного менеджмента не только размывают границы между работой и жизнью – они конструируют модель жизни семьи, которую можно было бы назвать «панэкономической». В этой модели жизнь превращается в проект, который основан на оптимизации ресурсов, максимизации прибыли и минимизации издержек. Как показывают современные исследования, «проектная» модель жизни – это то, что маркирует переход от фордизма к постфордизму: «Постфордизм – как в своей «объективной» сущности, так и в том значении, которое придается ему широкой публикой и научными дискурсами, – это комплексный проект трансформации, оформляемый и стимулируемый восходящим средним классом, который продвигает новый тип креативной и предпринимательской субъективности»³. Современные модели родительства, предлагаемые в ориентированных на средний класс глянцевого изданиях, конструируют мать и отца как успешных предпринимателей, грамотно и эффективно организующих бизнес-процессы в своей небольшой фирме – семье.

Родительство и практики потребительского выбора

Современная рыночная экономика предлагает российским родителям значительный выбор в сфере товаров для детей, а также разнообразных услуг, таргетирующих семьи с детьми, начиная от образовательных услуг для детей всех возрастов до обширного рынка специфических детских развлечений и семейного досуга. По данным

---

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 16.

³ Götz I. Sensing Post-Fordist Work Life: Recent Perspectives... С. 70.

председателя Ассоциации предприятий индустрии детских товаров России, рынок детских товаров – наиболее быстро развивающийся из всех потребительских рынков в стране сегодня, ежегодный прирост которого около 10 %¹. По данным компании Synovate Comcon, в течение 2012 года расходы на ребенка в российских семьях выросли в месяц на 12 %. При этом средний доход на человека в семье остался на прежнем уровне. Родители детей 4–15 лет, проживающие в городах-миллионниках, тратят на ребенка в среднем 14 тыс. руб. в месяц, а траты на ребенка в Москве на 20 % выше средних расходов на ребенка в других городах-миллионниках и составляют 17 тыс. руб. в месяц². Индустрия детства породила собственный мир детского журнального глянца – многостраничные, высокого типографского качества журналы, знакомящие потребителей с новинками рынка: «Мой ребенок», «Кроха», «Малыш», «9 месяцев», «Мой кроха и я», «Растим ребенка», «Счастливые родители» и т. д.

Как показывают исследования, рынок товаров и сервисов для детей значительно сегментирован как в плане ценовых и возрастных фрагментов, так и в плане моделей родительства, продвигаемых отдельными сегментами, – черта, вписывающая его в постфордистские паттерны потребления. К примеру, одной из областей родительского маркетинга стала индустрия раннего развития ребенка – «многоуровневая система средств и пособий, ориентированных на младенческий возраст, а также на пренатальный период»³. Другой областью является рынок товаров для тех семей, которые практикуют так называемое естественное родительство и куда входят такие разнообразные товары и услуги, как рынок дул – духовных акушеров, экологически чистые продукты и одежда для малышек, слинги – куски ткани, завязывающиеся особым образом и позволяющие матери носить ребенка на себе, слингобусы и многое другое. Современные производители детских товаров заново пересоздают мир детской субкультуры, изготавливая малыши партиями «девичьи альбомы», анкеты, приспособления для детских игр, которые поколения детей, живших в СССР, делали из подручных материалов (там же). Разнообразные методики подготовки к школе и интеллектуального развития – от кубиков Зайцева до методик и пособий Вальдорфской педагогики – также составляют значительный сегмент индустрии детства.

---

¹ См. URL: <http://www.km.ru/biznes-i-finansy/2012/01/30/rosstat/rynok-detskikh-tovarov-za-proshlyi-god-vyros-na-10>

² См. URL: <http://rdt-info.ru/201305295905/v-2012-goda-rashody-na-rebenka-v-mesyats-vyrosli-na-12.html>

³ Асонова Е. Новые ценности в детско-родительских отношениях. Pro et Contra. 2010. № 1–2 (48), С. 83.

Это чрезвычайное разнообразие и сегментированность рынка детских товаров и услуг не просто ставит родителей в ситуацию выбора всякий раз, когда требуется приобрести любой предмет – от соски-пустышки и упаковки памперсов до книжки, развивающей игрушки и пакета сока. Фактически рынок предлагает современному родителю спектр идентичностей, позволяя артикулировать свой выбор в сфере философии родительства («естественное родительство», конвенциональная модель, «раннее развитие» и т. д.) на основе того или иного потребительского выбора. Часто отдельная вещь, товар или предмет становятся эмблемой определенной модели родительского поведения, как это случилось со слингом, с кубиками Зайцева и рядом других товаров.

Рынок услуг, являющийся частью индустрии детства, также демонстрирует черты, ассоциирующиеся сегодня именно с постфордистской экономикой, а именно рост так называемого нематериального и эмоционального труда. Концепция «нематериального труда» была выдвинута итальянским философом и социологом Маурицио Лазаратто, утверждавшего, что современный капитал требует таких трудовых затрат, которые прежде не считались «работой»: создание эстетических стандартов, вкусов, культурных норм, формирование общественного мнения. «Капитализм стремится втянуть саму личность рабочего, его субъективность в производство ценности», – пишет Лазаратто¹.

Как показывают исследования американского социолога Арли Хокчилд, постфордистская экономика порождает особый тип нематериального труда – эмоциональный труд. В своей работе «Организованное сердце: коммерциализация человеческих чувств»² Хокчилд говорит о появлении такого рынка труда в экономике постфордизма, где главным качеством работника являются не профессиональные навыки и компетенции, а черты личности и эмоции. Исследуя условия труда стюардесс, Хокчилд отмечает значительные трудовозатраты, требующиеся от работниц этой профессии и связанные с постоянной имитацией хорошего расположения к пассажирам, демонстрацией уверенности, позитивного настроения и т. д. Хокчилд говорит о появлении большого количества профессий в современной индустрии сервиса, которые требуют прежде всего эмоционального труда, при этом большинство подобных профессий гендерно маркированы. В этот не-

---

¹ Lazzarato M. Immaterial Labor. In Paolo Virno and Michael Hardt (eds). *Radical Thought in Italy: A Potential Politics (Theory out of Bounds)*. P. 135.

² Hochschild A. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press, 1983.

материальный, эмоциональный труд вовлечены няни, гувернантки, приходящие домработницы, продавщицы, портье в гостиницах и т. д.

Индустрия детства в России создает большой рынок занятий, требующих эмоционального труда: это рынок приходящих нянь, гувернанток, воспитательниц в яслях и детских садах. Разрушение системы институциональной поддержки работающей матери, которая была в СССР, вынуждает многие семьи искать помощи в уходе за детьми через относительно новый для постсоветской России институт нянь. Как показывает исследование рынка услуг нянь, проведенное Е. Здравомысловой, в 2005 году до 20 % семей занимались поиском няни¹. За последние годы эта цифра возросла. Требования родителей к няне лежат почти целиком в нематериальной сфере. Как демонстрирует Здравомыслова, в ходе договора между няней и семьей, который почти всегда носит неформальный характер, «покупается особая квалификация, связанная с личностными чертами человека, покупается его способность заботиться о ребенке, любить его, вызывать симпатию, а вовсе не труд в индустриальном понимании этого термина»². Нематериальный характер труда в условиях неотрегулированного рынка (большинство родителей предпочитает искать няню не через агентства, а через знакомых, и не заключают с ними юридического договора) приводит к возникновению сложной системы вознаграждений за труд няни: к монетарному вознаграждению, которое большинство семей предпочитает сохранять на минимально возможном уровне, добавляются немонетарные вознаграждения в виде подарков, знаков внимания, дружеского обращения с няней. Таким образом, возникает система сложно калькулируемого, но так или иначе регистрируемого участниками обмена в сфере эмоционального труда, которая пронизывает экономику родительства.

Интернет-сообщества родителей и коллективное генерирование параметров нормативного родительства

В 2013 году самый крупный книжный интернет-магазин в России www.ozon.com предлагал читателям около 1500 различных книг по темам воспитания ребенка и ухода за ним в семье. Беглый взгляд на названия книг обнаруживает одну важную черту рынка популярной литературы для родителей: невероятное тематическое разнообразие

---

¹ Здравомыслова Е. Няни: коммерциализация заботы // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб.: Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 2009. С. 96.

² Там же. С. 113.

литературы и разнообразие предлагаемых методик ухода и воспитания. Кажется, что нет такого аспекта, такой проблемы в сфере воспитания ребенка, которую бы так или иначе не затронули авторы. Хотя большинство изданий, присутствующих на рынке, – это издания энциклопедического типа с заголовками «Мать и дитя», «Ваш ребенок» и т. д., узкоспециализированные издания также не редкость, такие как, например, «Книга от кашля: о детском кашле для мам и пап»¹, «36 и 6 вопросов о температуре»², книги о том, как правильно выбрать имя ребенку, или о том, как правильно использовать одноразовые подгузники. Тематическое разнообразие дополняется вариативностью подходов и методов, поскольку предлагаемые сегодня издательствами книги принадлежат к радикально разным периодам в истории экспертного знания. Знаменитая книга доктора Спока «Ребенок и уход за ним», впервые увидевшая свет в 1949 году, соседствует с американским бестселлером 1990-х годов – книгой Уильяма и Марты Сирз «Ваш ребенок от рождения до двух лет», изданиями для православных родителей, для родителей-мусульман, для родителей, придерживающихся «альтернативного» жизненного стиля, предполагающего минимальный контакт с институциональной медициной, и т. д. Это тематическое и методическое разнообразие маркирует резкий разрыв с системой экспертного знания советского времени, отмеченной единообразием модели нормативного родительства, формулируемой экспертами.

Как обилие изданий, так и одновременное существование десятков альтернативных моделей родительства, предлагаемых экспертами, свидетельствуют об экспоненциальном, по сравнению с советскими временами, росте объема информации о ребенке, о появлении и развитии экономики знания в этой сфере. Как и все другие потребительские рынки, рынок знания и информации предлагает современным родителям практически неограниченный выбор, позволяя конструировать собственную идентичность как родителей в ответ на вызовы разных идеологий и моделей нормативного родительства.

Иерархическое отношение между экспертом и родителем-непрофессионалом также подвергается глубокому переосмыслению. Перевооруживание иерархии между экспертами и родителями, начатое Никитиными, сегодня доводится до своего логического предела. Хотя производство знания о ребенке по-прежнему остается под контролем медицинских, педагогических и других институций, важную

---

¹ Комаровский Е. Книга от кашля. О детском кашле для мам и пап. М.: Эксмо, 2010.

² Комаровский Е. 36 и 6 вопросов о температуре. Как помочь ребенку при повышении температуры тела. М.: Эксмо, 2009.

роль в экспертировании этого знания и выработке своего отношения к нему начинают играть сообщества родителей как реальные, так и виртуальные. Интернет-сообщества родителей представляют собой относительно недавнее явление не только в России, но и на Западе. Первые форумы родителей появились в России в конце 1990-х – начале 2000-х годов, что совпало по времени с возникновением и развитием «индустрии детства» в России. Как показывают исследования О. Свешниковой, И. Шевченко, О. Мельниковой, одной из главных линий коммуникации на интернет-форумах, в различных сообществах становится коллективное генерирование знания о ребенке и адекватном воспитании. Участниками интернет-сообществ родителей чаще всего становятся молодые матери, что обусловлено резким сужением реальных социальных контактов в их жизни в связи с рождением ребенка. Интернет-сообщество дает возможность компенсировать этот дефицит через максимально гибкие и ненавязчивые форматы общения, позволяющие матерям выбирать и количество времени, которое они могут потратить на общение, и степень своего участия (чтение материалов – комментирование – создание собственных записей и т. д.).

Как показывает анализ Ж. Черновой, родительские онлайн-сообщества представляют собой институционализированные структуры, «способствующие производству и накоплению социального капитала»¹. Как уже было показано ранее, современное родительство является сложным информационным полем, требующим от отцов и матерей разнообразных типов знания и компетенций, а также рефлексии по поводу своего выбора как в сфере товаров и услуг, так и моделей родительства. Как следствие, онлайн-сообщества предлагают в основном два типа поддержки: информационную и эмоциональную. Информационная поддержка осуществляется через получение практического знания и советов в разных сферах воспитания ребенка и жизни семьи, через коллективное экспертирование товаров и услуг, через составление рейтингов, черных списков, через написание отзывов о работе врачей, школ, нянь, домработниц, медицинских институций. Эмоциональная поддержка осуществляется через нормализацию проблемных ситуаций с детьми, когда общение на форуме позволяет родителям убедиться, что сложности, с которыми они сталкиваются, являются широко распространенными, а также через валидацию индивидуального опыта путем рассказа о нем в сообществе и получения положительной обратной связи². Реципрокные

---

¹ Чернова Ж. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Издательство Европейского университета, 2013. С. 204.

² Там же. С. 222–234.

обмены информацией, ценностями, эмоциями внутри сетевых сообществ лучше всего описываются, по мнению Черновой, в категориях «дара», то есть такого обмена, который хотя и незримо калькулируется, все же не приобретает форму обмена товарами или деньгами. Главным дивидендом такого обмена становится увеличение социального капитала участника – его репутация, уважение к нему со стороны других членов сообщества, что в некоторых случаях может стать основой субстантивного, то есть материального капитала, особенно если речь идет об организации коллективной помощи¹.

Анализ Черновой демонстрирует, что экономика знаний является важной частью экономики современного родительства и что обмен знаниями, информацией, осуществляемый в родительских сообществах, действительно помогает многим семьям минимизировать финансовые издержки и другие затраты, связанные с детьми. Это тот аспект родительства, который вписывает его в логику постфордистской экономики, которая большинством авторов характеризуется как *knowledge-based economy* (экономика, основанная на знании)². Однако другая характеристика сетевых сообществ, выдвигаемая Черновой, – как реализующих модель «моральной» экономики дара, то есть экономики докапиталистического, архаического толка, не отражает, на мой взгляд, тех сложных трансформаций нематериального/немонетарного капитала в материальный/монетарный и обратно, которые характерны для современной индустрии детства в целом и интернет-объединений родителей в частности. Возможно, что обмен информацией, сведениями, эмоциональной поддержкой, мелкими услугами, детскими вещами и т. д., который происходит в онлайн- и офлайн-контактах родителей, потому и становится таким успешным, что он не выпадает из постфордистской логики нематериального обмена, в которую априори включен и эмоциональный труд, забота и поддержка.

Иными словами, маркетизация практик родительства, произошедшая в последние десятилетия в России и захватившая не только товары, обучающие пособия, гаджеты и приспособления, но также и прежде немонетизируемые вещи, такие как забота и внимание к ребенку, создала и пространство нового обмена – обмена эмоциями и заботой. Этот обмен не всегда монетарно выражен, но всегда существует возможность его перевода в монетарный план, поэтому он довольно тщательно калькулируется. Таким образом, в частной

---

¹ Там же. С. 224.

² Buckel S. Post-Fordism. In Harrington A. and Barbara L. Marshall, (eds). *Encyclopedia of Social Theory*. Routledge, 2006. P. 449.

сфере родительства в России реализуются модели поведения, организации жизненных сценариев, субъективности, которые многие исследователи ассоциируют с постфордизмом: рост сегмента экономики знаний, увеличение доли нематериального труда и капитала, который монетизируется в повседневных транзакциях семей, конструирование родительской субъективности через потребительский выбор в условиях сегментированного рынка товаров и услуг, а также перенос принципов планирования и управления временем из сферы бизнеса в сферу семейной жизни и воспитания детей.

Глава 10. ПОЗДНИЙ КАПИТАЛИЗМ И ФЕНОМЕН КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕАКЦИИ В РОССИЙСКОМ ИСКУССТВЕ

Проблемное поле этого исследования сформировалось как реакция на общую неудовлетворенность тем процессом, которое довольно неопределенно называется «современное российское искусство». Понятие «современности» – одно из самых дискуссионных в гуманитарных науках, но так или иначе, большинство авторов помещают его содержательную разработку в логику развития модернизационного проекта. Трудность решения поставленной проблемы осложняется тем, что текущая российская действительность, следуя советскому опыту вхождения в современность, не в состоянии квалифицировать себя в тех же терминах, что и Запад: будь это «поздний капитализм», «постфордизм», «постиндустриализм». Поскольку до сих пор в обществе не достигнут консенсус по поводу основных итогов и результатов социалистического проекта, даже неясно, был ли социализм реальностью, отсутствует и теоретическая калька анализа исторических стадий динамики искусства. Западная философия искусства описывала художественный процесс современности как смену парадигм: ранний модернизм, соответствующий началу осуществления проекта «модерн» и классическим формам капитализма; авангард, возникший как реакция на внутреннюю компромиссность модерна, интенционально совпадающий с глубоким внедрением в социальную и культурную ткань процессов индустриализации фордистского толка; постмодернизм, критически осмысляющий результаты осуществления проекта «модерн» и отвечающий стадии постиндустриального капитализма (постфордизма). Отступления от этой схемы, например, искусство тоталитарных стран (в том числе соцреализм), трактовались как «несовременные», а источник этих несправившихся с вызовами современности культур виделся в их недостаточной модернизированности либо в ее имитации. Так или иначе, но внутри этой схемы типы искусства, возникшие в недрах социалистической (антизападной, антикапиталистической, антилиберальной) экономики, не получают объяснения, несмотря на то что на про-

тяжении всего XX века были чрезвычайно влиятельными игроками на поле мировой культуры.

В этом отношении противопоставление теорий капитализма и социализма не очень продуктивно, так как не предполагает общих оснований для сравнения и выводит социалистический проект за пределы современности как изначально неадекватный ее вызовам. Кроме того, многими исследователями ставится под сомнение сама возможность сравнивать капитализм и социализм как явления разной природы, что означает путаницу риторик и практик, как считает А. Эткинд, который называет советскую субъективность «провалившимся проектом», в то время как «либеральный субъект есть повседневная реальность»¹.

Гораздо эффективнее взглянуть на *советско-постсоветский период* сквозь призму разнообразных реакций на модернизацию, воспринять проект «модерн» как набор вызовов, а ответы на них – как поиск альтернативных путей. В этой оптике важным окажется не ответ на вопрос, состоялся ли социалистический вариант модерна или был ли он успешен, а обнаружение конструирующей логики «иной современности», «другого модерна».

В связи с этим необходимо обратить внимание на *циклическую логику модерна*, в которой революционные новации чередуются с процессами реставрации². Наша позиция заключается в том, чтобы увидеть консервативные, реставраторские, архаические, фундаменталистские элементы не как проявления отказа от модернизации, а как обратную сторону проекта модерна. Для модерна характерна сложная диалектика консервативного и неконсервативного. Лежащий в глубине модерна миф о «вечном возвращении» программирует в качестве выхода из кризиса челночное движение вспять, в нулевую точку генезиса, в архаику или, что более реалистично, в химерический образ прошлой гармонии. Искусство, порожденное фордистской индустриализацией с ее дисциплинирующим господством, выполняло по отношению к безудержному техническому прогрессу и ускоренной модернизации общества амбивалентную роль. Отличие авангарда от традиционализма, по Гройсу, состоит вовсе не в том, что он радуется разрушительному воздействию современной техники, а в том, что он

---

¹ Эткинд А. Советская субъективность: попытка во спасение? // Эткинд А. Non-fiction по-русски правда. Книга отзывов. М.: Новое литературное обозрение. 2007. С. 142.

² См. об этом: Круглова Т. А. Художественный консерватизм: исторический генезис, типология, социокультурные основания // Границы искусства и территории культуры. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2013.

убежден в невозможности противостоять этому «опустошению» традиционалистскими методами¹.

Концепция циклов, позволяющая вписать реставрационные процессы в логику модернизма, подтверждается и трактовкой А. Рыковым *постмодернизма как радикального консерватизма*. Если фордизм сопровождается амбивалентными репрезентациями авангарда и соцреализма, то постфордизм может быть сопоставлен с аналогичной амбивалентностью постмодернизма. А. Рыков обосновывает правомерность использования понятия консерватизма в теории современного искусства. Понятие художественно-теоретического консерватизма в его трактовке имеет отношение к самой сути модернизационного художественного процесса. Основополагающим признаком консервативной теории искусства он считает «исчезновение субъекта как единственно возможной точки схода... таких изолированных самовоспроизводящихся систем, как Жизнь, История, Природа, Искусство и т. д.», «отказ от репрезентации, разрывающий цепочку искусство – субъект – социальная действительность»². Неоконсерватизм, по классификации А. Рыкова, менее радикален: он возрождает старые эстетические категории, культ эмоциональности и критерии качества. «Он словно бы восстанавливает в правах «нормальное» искусство после перверсий модернизма»³.

Консерватизм в этом интеллектуальном повороте – «идеология замкнутости, накладывающая ограничения на свободную деятельность человека, сдерживающая его познавательные способности». Нам видится чрезвычайно важной мысль А. Рыкова о том, *консерватизм модерна – это всегда претензия на версию современности как более «подлинную», «здоровую», «традиционность»* неоконсерватизма, его риторика «сохранения старого» обманчива⁴.

Представленные выше трактовки художественного консерватизма модерна и постмодерна были сделаны на материале западных теорий и художественных процессов. Наша задача заключается в том, чтобы понять, насколько эти трактовки помогут нам интерпретировать новые художественные смыслы, возникающие в искусстве в период, квалифицируемый как «российский капитализм». Нам

---

¹ Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин // Гройс Б. Искусство утопии. М.: Художественный журнал, 2003. С. 34.

² Рыков А. В. Постмодернизм как «радикальный консерватизм»: Проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960–1990-х гг. СПб.: Алетейя, 2007. С. 6.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же.

предстоит ответить на вопросы о том, какова диалектика консервативного и новационного, модерна и постмодерна в российском искусстве.

Для ответа на этот вопрос сопоставим два периода российской модернизации – «сталинскую» (рубеж 1920-х – конец 1940-х годов) и «путинскую» (начало 2000-х годов), чтобы обнаружить общие закономерности их репрезентации в искусстве.

Сталинская модернизация была определена А. Вишневым как «консервативная», так как он выявил в доминирующих социально-антропологических трансформациях актуализацию патриархальных форм совместности. Л. Гудков, определяя советскую модернизацию как «мобилизационную», пишет о том, что неизменным условием мобилизационной солидарности становится апелляция к архаическим слоям коллективного опыта, что неизбежно влечет деиндивидуализацию личности. О. Хархордин, исследуя генеалогию советской личности, доказывает, что модернизированная личность возникала в результате инвестирования в нее коллективного надзора и контроля. Н. Козлова, опираясь на методологию П. Бурдьё, показывает, как в практиках «переделки» себя, стремлении освободиться от влияния прошлого агенты совместно с властью изобретают новый мир по калькам старого.

Список авторов, внесших свой вклад в представление о советском человеке как специфическом антропологическом типе, возникшем в результате модернизации, можно продолжать, но следует обратить внимание на существенный момент, ставящий под сомнение инновационность этого типа. О симулятивных результатах социалистической модернизации писал М. Эпштейн, концепцию социализма как чисто репрезентативного проекта, не имеющего референции в социальной действительности разработал Е. Добренко, выше мы приводили мнение А. Эткинды на эту же тему. Инновационность советского социального проекта обеспечивается художественным проектом «соцреализм», базирующемся на реставрации домодернистской картины мира, но оправленной в рамках технологических достижений фордистской культуры¹.

И авангард, и модернизм в соцреалистическом дискурсе получают ярлык устаревших типов искусства, мнимо новаторских, имитирующих новизну, неподлинно новых и т. п. Но в последнее время доказано, что природа соцреализма – компилятивна, эклектична, он по-

---

¹ См.: Круглова Т. А. Советская художественность, или Нескромное обаяние соцреализма. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2005.

строен на некритическом заимствовании элементов из самых разных культур. Классическое советское искусство этого периода несет в себе гетерогенную связь между скрытой авангардистской установкой на переделку мира и требованием классичности, традиционности, «народности», сопровождается разнообразными формами конформизма в поведении художников и формированием поэтики компромисса. Критикуемый советскими идеологами тейлоризм и фордизм как явления капиталистического способа производства также были скрыто адаптированы и использованы в сталинской индустриализации. «Социалистической» индустриализацию делала ее репрезентация в соцреалистическом дискурсе и художественной практике: «эстетизации в сталинизме подлежал не индустриализм сам по себе, а его социалистическое содержание»¹.

Таким образом, можно зафиксировать *компромиссные формы советского модерна и неосознаваемую постмодернистскую природу сталинского искусства*, на что обращали внимание Б. Гройс и М. Эпштейн. Б. Гройс назвал эту особенность соцреализма «полуторным стилем»².

Обладает ли «путинская» модернизация, осуществляющаяся в другом мировом социальном контексте, чаще всего номинируемым как «постиндустриальный», сходными признаками? Иначе говоря, можно ли разглядеть в российском постмодерне аналогичную симулятивную природу, подмену практик риториками, репрезентацию вместо презентации или своего рода вариант «полуторного стиля»?

С одной стороны, довольно много свидетельств того, что наступило время нового цикла Культуры-2, реставрационной модели, проходящей под знаком ностальгии по советскому. Само «советское» предстает как монолитный и вневременной концепт, репрезентирующий единство и преемственность всей русской истории, принимающей образ мифа. Казалось бы, здесь уместно говорить о консервативном постмодернизме в том смысле, как это было представлено в концепции А. Рыкова, особенно если учесть популярность риторики о советском как «добром», «положительном», «здоровом» и критику современности как продукта действия либеральных субъектов, внесших «порчу», «распад», «неестественность» базовых (гендерных, сексуальных, семейных) ценностей.

С другой стороны, то, как определяется консервативная составляющая западного модерна и постмодерна, не дает ключа к постсо-

---

¹ Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 230.

² Гройс Б. Полуторный стиль: соцреализм между модернизмом и постмодернизмом // Соцреалистический канон. СПб.: Академический проект, 2000. С. 114.

ветской специфике, притом что общим основанием необходимо признать представление «о работающих автономно (без вмешательства человека) системах, для которых влияние “антропогенного фактора” признается несущественным»¹ – пресловутая «смерть субъекта», – существенное отличие находится в способе отношения к этому установленному факту. На наш взгляд, необходимо внимательнее отнестись к предикатам «неосознаваемый постмодернизм», «скрытый компромисс», так как именно рефлексивный способ выявления новых правил жизни при позднем капитализме, их деконструкция, и делает постмодерн равным самому себе, даже с формулировкой «консервативный». И еще одно важное замечание: постмодернистский дискурс трактует обнаруженную анонимность новых влиятельных сил и автономность их работы «без человека» («тело без органов», например) как враждебную, пытаясь выстроить систему ускользания, защиты от них, стремясь, так сказать, переиграть их на собственном поле. В постсоветском капитализме мы наблюдаем обратную стратегию как культурную, так и подхваченную искусством: эмоционально-отзывчивую позу приятия, подвластности этим силам, некритическое согласия с ними.

Мы предлагаем определить эту *советскую/российскую разновидность общей консервативной составляющей модерна/постмодерна как фундаменталистскую*. На это уточнение нас навели наблюдения авторов, анализирующих природу консерватизма на материале классического советского искусства: В. Тупицына и А. Гольдштейна. В. Тупицын связывает понятие неоконсерватизма с деполитизацией искусства, отсутствием критического отношения к социальной действительности, социальной и политической безответственностью художника, своего рода инфантильностью восприятия мира². *Модель субъективности ребенка основывается на вере в единство мира, тотальность и непрерывность бытия и является примером крайнего эгоцентризма. Эстетический фундаментализм – термин достаточно новый для философии искусства. Мы обнаружили его у А. Гольдштейна. Этот концепт появляется у него в итоге описания болезненного процесса, который прошли художественные группировки в СССР накануне их добровольно-насильственного объединения в творческие союзы. Позволим себе длинную цитату: «Официальный запрет на альтернативные (параллельные) платфор-*

---

¹ Рыков А. В. Постмодернизм как «радикальный консерватизм»: Проблема художественно-теоретического консерватизма и американская теория современного искусства 1960–1990-х гг. С. 349.

² Тупицын В. «Другое» искусства. М.: Ad Marginem, 1997. С. 21.

мы, идеологии и группы привел к болезненным трансформациям в сознании тех людей, которые не желали подчиняться господствующему порядку речи и зафиксированному в нем порядку надзора и наказания. Неприязнь к официозной идеологии (будь то политическая или эстетическая в самых вульгарных проявлениях последней) и к официозным формам групповых объединений вызвала к жизни тот характерный феномен, когда любая идеология, в том числе отчетливо сформулированная художественная программа, и любое основанное на общности концепций артистическое содружество с неизбежной для последнего цеховой семантикой стали восприниматься как нечто в фундаментальном смысле неподлинное, противопоставленное настоящему творцу... Как правило, такой позиции сопутствовал тяжелый эстетический консерватизм и даже фундаментализм»¹.

Очевидно, что в данном фрагменте А. Гольдштейн точно уловил следующую закономерность: угроза свободе творческого выражения влечет игнорирование трудной работы выстраивания солидарности в ситуации социальных различий, отказ от рефлексии, при этом отдача художественной воли в пользу анонимной внесубъектной силы облекается в форму «защиты от политики, идеологии» под знаком «единства» против «разобщенности».

Так как *концепт «эстетического фундаментализма» не имеет исследовательской традиции, попробуем опереться на разработку понятия «православный фундаментализм»*, которое возникло в сфере религиозных исследований, и найти общие мировоззренческие и исторические основания со сферой художественной культуры. Наиболее подходящим для наших целей определение православного фундаментализма мы обнаружили у К. Костюка. Он солидарен с исследователями, помещающими генезис всех разновидностей религиозного фундаментализма в период, переходный от традиционных к современным секулярным формам: «Происхождение понятия “фундаментализм” относится к событиям начала XX века... обозначая целый комплекс феноменов религиозного и идеологического порядка, выражающих протест традиционной культуры против процессов модернизации»². Его позиция близка нам еще и потому, что он доказывает, что, несмотря на государственный атеизм, *«сами основания советской культуры и идеологии были по своей природе чисто*

---

¹ Гольдштейн А. Расставание с Нарциссом. Опыт поминальной риторики. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 93.

² Костюк К. Православный фундаментализм: социальный портрет и истоки. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2000/5/12.htm>

*фундаменталистскими»*¹. Общим же для всех видов фундаментализма, считает Костюк, оказывается то, что они *«перепрыгивают» традицию, воспроизводя архаические структуры и идеологии.*

На основании анализа К. Костюка выделим основные черты православного фундаментализма, которые ближе всего к объяснению аналогичных художественных процессов. Наша гипотеза заключается в том, что концентрированные черты эстетического фундаментализма, изоморфные той структуре признаков православного фундаментализма, которые мы выделили из концепции Костюка, присутствуют в кинематографической дилогии одного из самых влиятельных художников нашего времени, имеющего масштабную государственную поддержку и существенный символический капитал, – «Утомленные солнцем – 2» Никиты Михалкова, «Предстояние» и «Цитадель». Докажем это, построив свое повествование на параллельном чередовании признаков православного фундаментализма и иллюстрирующих интерпретаций кинематографических мотивов.

1. Тенденция *«архаического воспоминания»*, воскресающая в памяти дореволюционную традицию и порождающая традиционализм. Исторические факты и события подстраиваются под исходные основные метафизически-мифологические основания.

Архаическое первенствует в одной из самых важных сцен, где два снайпера – наш и немецкий, ведут долгий поединок. У немца оберегом выступает пластинка с Вагнером, которая вращается вместе с мышкой («мышьяная возня»), а у советского снайпера на груди висит языческий амулет. Вагнер играет на стороне врага, олицетворяя «немецкий дух», на нашей стороне – комарики, паучки и мошки, все это примитивное копошение жизни, слепое проявление ее основного инстинкта. Но именно паучок, повисший на мушке немецкого снайпера, был пусковой точкой взрыва целой цитадели, набитой техникой убийства.

Среди тех, кто должен брать цитадель, есть и открытые враги советской власти, но все они образуют общую и единую массу вместе с солдатами-штрафниками, офицерами СМЕРШа и заградотряда. Что двигает этими людьми? Совершенно ясно, что это – не патриотизм, неважно, русского или советского толка. Их объединяет общая судьба тех, кому нечего терять, лиминальное состояние между жизнью и смертью. По В. Тэрнеру, человек в этом состоянии обладает одновременно признаками трупа и младенца, не-рожденности и после-жизненности. Пройдя границу лиминального порога, человек рождается

---

¹ Костюк К. Православный фундаментализм: социальный портрет и истоки. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2000/5/12.htm>

заново, но в самом мире не происходит никаких качественных трансформаций, в нем царит вечный круговорот рождений и смертей.

Фабула фильма нанизана на структуру обряда инициации, но универсальная архетипическая модель не выходит за рамки архаики. Котов совершает свое «хождение по мукам», добровольно оставаясь в лиминальном состоянии: не переводится из штрафбата, идет под пули. Казалось, здесь амечается выход за пределы первобытной инициации, возникают аллюзии с ветхозаветным Иовом. Но Иов получил свое идиллическое благополучие, признав свою метафизическую вину перед Богом. Но Котов-то ни в чем не раскаивается, никаких своих поступков не пересматривает. Он не истины жаждет, а счастья соединения с самым близким человеком – дочерью. Поэтому он не дотягивает ни до трагического прозрения Эдипа или Гамлета, ни до возвышения Иова, обретшего более прочную опору своей нравственности, чем слепое следование авторитету традиции.

2. Синкретическое и даже мистическое переживание *тотальности* бытия и всевластия Божьего Провидения. Все сущее находится в прямой власти Божьей, а все не-сущее подпадает под власть зла. Сущее здесь иерархично и наполнено энергиями тайных ангельских сил. Добро же субстанциальное и абсолютное, уже готовое и завершенное, которому остается лишь воплотиться в бытии.

Основной пафос диалогии держится на единственной молитве, которую бывшая атеистка – пионерка Надя Котова, повторяет и передает другим персонажам: *«Господи, сделай так, чтобы твоя воля перебила мою»*. Красноармеец, бывший священник, учит этой молитве Надю, когда крестит ее в реке, утверждая, что это и есть самая главная молитва, других можно и не знать. В тотальном замкнутом мире больше не о чем молить, так как он не предполагает качественных трансформаций. На протяжении фильма часто возникало чувство дежавю, присутствие дурных повторов, ритм кружения на месте. Нет ни одного героя, с которым бы связывались надежды на перемены. Более того, пример Котова, идущего обреченно на штурм цитадели с палкой в руке, оказывается и заразителен, и соблазнителен для остальных, на наших глазах чувство обреченности сменяется предчувствием спасения, очевидная насильственность и вынужденность действий людей обретает модус добровольного выбора. Эти люди, идущие на цитадель безоружными, с гармошкой и песнями, только в этот момент и обретают смысл. Но этот смысл – свобода от ответственности, полная отдача себя слепой силе войны. По-другому эти люди уже жить не сумеют.

Все хорошее здесь происходит не потому, что действует закон справедливости или воздаяния. Злая воля гибнет от самой себя: мина, не тронувшая Надю, взрывает катер, который не отозвался на

ее крики о помощи, немецкий самолет, пытаясь убить Надю, сам гибнет в результате неудачного маневра. Гибнут от собственной агрессии, бумерангом возвращающейся к источнику субъективной воли. Апофеоз логики, когда зло наказывает себя само, – взрыв цитадели.

3. В своей интенции это мировоззрение строго монично, но чем прямолинейнее этот монизм, тем радикальнее вытекает из него *манихейский дуализм*. «Этот мир полностью закончен: ему не свойственно становление, он уже есть; не требуется его поиска, он уже известен. В этом гностическом мире и гностик преобразуется в своего двойника: он знает зло и поэтому причастен злу. Отныне его жизненная задача – бороться со Злом и во имя Добра его разоблачать. На жизнь в добре не остается времени»¹.

Это очень близко по смыслу к описанию устройства художественного мира «Утомленных солнцем – 2». Из этого мира нет выхода, возможно только преобразование в своего гностического двойника. Сергей Котов и Митя Арсентьев – две стороны одной медали, двойники, гарантирующие Марусе и ее семье попеременно «безопасность, власть и паек». Они зеркально выполняют функции: поочередно становятся проводниками судьбы друг для друга, каждый оказывается в роли то палача, то жертвы, оба переживают вознесения на вершину власти и падение оттуда в ад, любят одну женщину и оба ее теряют. Они похожи тем, что причастны к миру зла, слишком хорошо его знают, нигде не обнаруживая умение жить в мире добра. Автор нигде не предоставляет возможности понять, чем Котов и Арсентьев отличаются от Сталина этически, что для них добро и зло и чем они при выборе своих действий руководствуются. Единственный мотив, который они озвучивают, – постоянное влечение к смерти. Скорее всего, это главная причина, почему Котов не хочет расставаться со штрафбатом, – там большая вероятность погибнуть. Он не зря боится встречи с мирной жизнью и женой Марусей, ведь Маруся и есть воплощение этой мирной жизни. Арсентьев и Котов двойники и в том, что «всегда исполняют приказы».

4. Все событийные линии здесь заранее мифологизированы, и требуется немного усилий, чтобы включить конкретный факт в эту линию. В православном фундаментализме первостепенное значение играет *апокалиптическая и демонологическая мифология*.

Драматургия каждой сцены организуется столкновениями противонаправленных человеческих волей. Ярче всего это видно в од-

---

¹ Костюк К. Православный фундаментализм: социальный портрет и истоки. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2000/5/12.htm>.

ном из первых эпизодов – переправа через мост в начале войны. Один офицер получил приказ оборонять мост до последнего, другой – уничтожить его, один начальник должен переправить раненых, другой – вывезти документы. В результате мост взрывается в самый неподходящий момент, с множеством неоправданных жертв, и причиной этого является не чья-то доминирующая воля, а водоворот намерений людей, любой ценой стремящихся выполнить приказ. На первый взгляд смысл этой сцены – показать неразбериху и хаос начала войны, но если трактовать этот эпизод в контексте повторяющихся мотивов других ключевых сцен, хаос обретает статус метафизического события саморазрушения. На протяжении фильма судьба в виде слепой случайности карает всех, кто пытается сохранить свою автономию, повлиять на ход событий, исходя из собственного разума, спастись, избежать опасности.

5. Иррационалистическая и *антиинтеллектуалистская установка*, заведомо исключая возможность рефлексии оснований. Живя в сакрализованном мире, фундаменталист тем не менее не мистичен и не созерцателен. Фундаменталист хочет быть не более чем «солдатом Церкви». Он живет чувством долга и настроен на действие.

Главные герои – прежде всего Котов и его дочь – отказываются от любых оценочных суждений по поводу того, что творится в мире, отказываются даже от надеяния. И Котов, и его протагонист Арсентьев едины в одном – они выполняют приказы («Как всегда», – констатирует Маруся). Получается, что приказ начальника, даже самого сумасбродного, даже очевидно вредный и неэффективный, должен быть исполнен так, как если бы устами власти говорило само Провидение.

6. Архаизм и *антиисторизм*. В иррациональном мифолого-метафизическом мышлении, в отсутствии чувства самокритики и творчества можно открыть очень серьезное явление – дисфункцию современной культуры и проявление ее ориентированных на статику архаических форм.

В ткани фильма явно присутствует Бог, но какой именно? Христианский или языческий? Про него можно с определенностью сказать только то, что он карает всех, кто «перебил его волю». В фильме есть библейские аллюзии к ветхозаветному Богу: потоп и пожар как проявления наказания и кары. Котов случайно (хотя в этом мире случайность всегда есть проявление божественной воли, а, может быть, слепой судьбы, это-то как раз и неясно) попадает в церковь, но пережитое напряжение в очередной раз ничему его не учит, ни на что не открывает глаза. Чему учит этот Бог? Терпению к злу? Сомнения в Боге не возникает, но не возникает и богопознания. Образ Бога не

меняется, но не меняется и образ человека. Не возникает истории, не возникает развития, не совершается, по большому счету, познания. Факты накапливаются, ставясь в связь с первоначалами и ценностями, но они не меняют и не влияют на углубление познания самих первоначал. неподготовленный к рефлексии культурный мир разрушается как картонный домик: многочисленные факты не могут быть объяснены из собственных оснований. Впечатление замкнутости подтверждается повторениями. Провозглашение некоей конечной великой гармонии, в которой культура и природа, субъект и объект, человек и творение связаны неким всеобъемлющим единством. Не надежда на собственное развитие и возможности, а *вера во встроенность во взаимосвязанный, беспроблемный космос* помогают... компенсировать потерю доверия в будущее.

В этом беспроблемном космосе наложено табу на неудобные вопросы не только социально-исторического порядка, но и метафизического. Автор то тут, то там сталкивает Котова с метафизическим уровнем измерения мира, но Котов не в состоянии к нему приблизиться. В сцене объяснения с Митей, когда смерть совсем рядом, он рассказывает о том, как зарубил священника, но нам неясно, как он теперь относится к этому своему поступку: раскаивается или нет, понимает, в чем смысл последнего слова священника о том, что ему не страшно умирать, сомневается ли в том, что правильно прожил свою жизнь, и т. п. Нам словно дают понять многочисленными знаками, что перед нами – мир, который можно спасти только православием, только абсолютно иррациональной верой, но это не убеждает, так как нет ни одного преображенного верой героя, нет раскаявшихся или усомнившихся в своей правоте, ни у кого нет признания своей вины или чувства греховности. Даже сцена между Котовым и Марусей, когда они вроде бы просят друг у друга прощения, не дает катарсического или очистительного эффекта, так как и они сами не верят в преобразующую силу прощения. Котов спасен просто потому, что так бывает, или потому, что так зачем-то было угодно, и только потому, что крепче других привязан к жизни основными инстинктами.

7. Психологически-нравственные перегрузки многократно увеличиваются. Фундаментализм защищает ценности, которые уже не свойственны обществу. Человек не может на это общество опереться. Возникает *эффект психологического кризиса и искажения психической структуры личности*. В индивидуальном развитии фундаменталиста не происходит полноценного возрастного перехода от этапа безопасности, коренящегося в инфантильном чувстве единства ребенка с матерью, к этапу безопасности, опирающемуся на чувство собственной автономии.

Эмоционально архаический хаос и перегрузка культуры переживаются как перманентный ужас, выливающийся в истерические формы выражения. В диалогии, как обращают внимание многие зрители, истерическая интонация свойственна практически всем персонажам, кроме трех основных – Сталина, Котова и Арсентьева. Это отличает так называемых нормальных людей от посвященных. Для вышеназванных архаический хаос, апокалипсис и есть нормальное состояние, которое изнутри ими переживается как понятное. Котов и Арсентьев уже ничего не боятся, они перешли рубеж страха. Собственно, они даже не слишком удивляются абсурду: они давно живут в мире, где все возможно, где нет никаких правил, более того, они сами способствовали тому, чтобы этот мир стал таковым.

8. Культурная критика фундаментализма концентрируется лишь на некоторых избранных явлениях морального упадка, игнорируя множество других. Их можно свести к одному кругу проблем – *проблем брачно-семейного общежития и биологической безопасности (естественности, здоровья) жизни*. Именно они затрагивают присущую архаическому родовому строю проблематику биологически-социальных или сексуально-родовых отношений, которая хорошо знакома архаической традиции и на язык которой переводятся все новые этические проблемы.

Машина, везущая роженицу под бомбежками, единственная уцелела, все, кто в ней находился, спаслись, потому что помогли рожать. Ценность рода, продолжения жизни и есть главная и единственная подлинная ценность в мире «Утомленных солнцем». В этом заключается, на мой взгляд, основная смысловая ловушка фильма. Архаика – вещь универсальная, так как держится на архетипах, которые гораздо основательнее укоренены в человеке, чем любые другие более поздние культурные формы, легко сметаемые социальными катастрофами. С другой стороны, ставя архаические ценности продолжения рода выше других, мы, как было сказано А. Звягинцевым по поводу его Елены, «выбираем кровь» (Елена из фильма Звягинцева убивает мужа – человека чужого по крови и, что не менее важно, социально, чтобы дать шанс своему внуку). Это звучит двусмысленно: кровь – основной носитель всего самого значимого, сакрального в архаическом мире, это символ, разделяющий своих и чужих: родовая кровь и кровь поверженного врага. И жизнь, и смерть.

В этом отношении значимыми у Михалкова становятся сексуальные сцены. Мужские герои-двойники сравниваются по шкале мужского доминирования. Котов два раза, в самые критические минуты, когда доверие его жены к нему оказывается на нуле, переламывает

ситуацию кардинально в ситуации сексуальной близости, и каждый раз ему проигрывает Митя Арсентьев, пианист, дворянин, интеллеktуал. Арсентьев предстает как полностью опустошенный и бесплодный человек, которому незачем дальше жить. К тому же это имеет буквальное прочтение: Митя, скорее всего, импотент (сцена с неудавшейся попыткой изнасилования Маруси в автомобиле), человек, лишенный сексуальной энергии, не могущий иметь детей.

9. Смысл общественности фундаментализм трактует в традиционных родовых категориях. Поэтому немислимы иные политические формы, кроме монархии. Государство – большая семья, а *«отец первый властитель»*.

Весь фильм Н. Михалкова построен на значимости возвращения к фигуре отца. В истории Нади мать ушла на второй план. Нада не вспоминает ее, живет поисками отца, в которого верит и с которым у нее мистическая связь. То же самое можно сказать и об отце, Котове. Силу жизни ему дает только воспоминание о совместном плавании по реке с маленькой дочкой в мирное и счастливое время. Любовь к женщине, своей жене в этом мире гораздо менее значима, а ее потеря лишена трагизма. Когда отец и дочь наконец находят друг друга, именно эти вера и связь спасают девочку от смерти на минном поле. Связь по отцовской линии – есть утверждение патриархатного начала как спасительного.

Спасаются те, кто уподобляется детям. Верные спутники Котова – штрафники – простодушны, свойственное детское неведение и полное доверие к Котову убергает их от смерти в самые опасные моменты, когда она совсем рядом. И в сцене с взятием цитадели, когда за Котовым следуют сначала штрафники, а затем и все остальное множество чужих людей, действует невидимая сила принуждения, проводником которой как раз и служит Котов. Этой власти нужно просто довериться, и все получится. На протяжении фильма выживают только штрафники – самые «низовые» люди на войне: «и последние станут первыми». Именно они идут в авангарде на цитадель и берут ее вместе с теми, кого Сталин уже зачислил в предатели.

10. Любую этическую проблему современного общества личностная этика способна постигнуть как укорененную в источнике человеческой свободы и с той или иной мерой эффективности решить. Родовая мораль, эффективная на протяжении тысячелетий, не может постигнуть именно этот корень свободы, потому что свобода для нее – ничто, хаос и грех. Корень решения любой проблемы для родовой морали – не в устранении морального конфликта, а в устранении свободы.

Интересно, что из всех христианских слов, из всех молитв Н. Михалков выбрал только про отказ от своей воли, то есть свобода – и есть главное зло. Откажись от свободы и спасешься. Многие персонажи периодически возмущаются своей участью, хотят ее изменить, но только не Котов. Его инстинкт жизни развивается за время действия невероятно: он буквально чувствует приближение опасности, что наглядно демонстрирует сцена, в которой Арсентьев в своих поисках Котова оказывается совсем близко к нему, в одном окопе.

11. Существует различие между формами фундаментализма, свойственного *модерну*, и формами, свойственными *постмодерну*. В эпоху модерна он более умерен, по сути дела, он сливается с консерватизмом. Постмодерн создает «системное» место для фундаментализма и, заполняя это место, фундаментализм лишь реализует «проект» постмодерна. Заполняя вакуум отчаянностью своего жеста, фундаментализм придает постмодерну полноту, но именно в его игровых, «несерьезных» формах. Ведь *фундаментализм постмодерна лишь профанирует голос традиции: он воскрешает ее в памяти, изгоняя из жизни*. Традиция для него целиком виртуальна: он берет ее не из реальности, а из текстов и обращает в тексты.

В фильмах Н. Михалкова обнаруживается сильное вторичное, опосредованное через плотность других текстов о войне, цитирование и аллюзии прежде всего на американский большой кинематографический стиль: в диалогах находят ответ Спилбергу («Спасти рядового Райана»), отсылку к «Титанику», к фильму «Мир входящему» Алова и Наумова и многое другое. Каждый фрагмент носит относительно законченный характер, конструируемый не вокруг исторического случая, прецедента, факта, ситуации, а вокруг некой мифологемы, типа притчи. Это не новеллы, а сильно семантически нагруженные единицы. Технологии постмодернистские, но работа с ними – сугубо идеологическая.

Есть прямые отсылки к модернистской эстетике: замедленные панорамы с мертвыми, искалеченными телами, руины, кровь, пепел напоминают картины Отто Дикса и других немецких экспрессионистов с одной, но существенной поправкой: над этим страшным пейзажем после битвы парит эпическая интонация, примиряющая с происходящим. Ближе всего по эстетическим амбициям Н. Михалкову оказывается Р. Вагнер с его идеей «тотального художественного произведения». Подспудное или сознательно принятое влияние немецкой постромантической и модернистской эстетики (Вагнер, символисты, экспрессионисты) скрыто втянуло в фильм соблазн подвластности ценностям крови и почвы, отчужденную красоту механики смерти,

недоверие к разуму и чарование темным и демоническим. Эффектнее всего эта гремучая смесь воплотилась в образе Мити Арсентьева в исполнении Олега Меншикова, мастерски умеющего сочетать бесплодную порочность, имитацию сексуальности, аристократическую породистость с моральной пустотой, ироническую дистанцию от грубой силы и поразительную гибкость в адаптации к любому приказу. Ему явно не достаёт демонической харизматичности Сталина, но в то же время он не дотягивает до котовской силы инстинкта продолжения рода. Будучи фигурой межеумочной, носитель разума, эстетического вкуса, культуры оказывается не нужным в той гармонии, которая наконец-то возникает в финале фильма. В мире замкнутого русского мифа нужны и Сталин, и Котов, и Надя-валькирия, но Маруся и Митя – фигуры преходящие, русская жизнь держится не на них.

В этом мире побеждает не разум, более того, перед нами апология чувства жизни и оправдания кровнородственных уз как единственно подлинных. К победе тоже ведет нерассуждающее поведение. Именно тогда, когда люди начинают выполнять бессмысленные и жестокие приказы, не пытаясь искать в них смысл, а весело, под гармошку идут под пули, судьба, рок или Бог становятся на их сторону. Все бы это вполне укладывалось в архаическую логику судьбы, но здесь источником воли, которая и карает, и распоряжается судьбами людей, и отдает жестокие приказы, является вполне конкретный человек – Сталин. Может быть, было бы сильной натяжкой ставить его на место Бога, но ясно одно: в этой вселенной, где правит закон отказа от воли, Сталин занимает важное и необходимое место. Он единственный, кому не нужна молитва «Господи, сделай так, чтобы моя воля не перебила твою!». В этой вселенной его воля всегда выполняется и достигает цели.

Художественно-идеологический мир Н. Михалкова – «полуторный стиль», застрявший между модернизмом и постмодернизмом, консерватизмом и фундаментализмом. Целостность его мира держится недоверием к действительности, человеку рефлексии и исторического творчества. Ценность будущего подменяется ретроспективным желанием вернуться в инфантильное состояние доисторического младенчества, в материнское лоно природы. Это заветная мысль одного из самых удачных фильмов Н. Михалкова – «Несколько дней из жизни Обломова». Котов тоже приходит к «обломовщине». Как Илья Ильич хотел бы стать листочком на дереве, не искать смысла своей человеческой и социальной жизни, а отдаться на волю природной целесообразности, так и автор-режиссер, он же – исполнитель роли Котова заворуженно следит за порханием бабочки, рождением

кузнечика, полетом комара. Трудно выработанные в истории понятия свободы, ответственности, долга, стремление к совершенству – все это в мире фундаментализма нерелевантно, так как там господствует закон вечного возвращения. История растворяется в природе, в ней все происходит как бы само собой, здесь не нужен даже христианский Бог, требующий от человека преодоления самого себя ради преобразования. В мире, созданным Михалковым, невозможно не только трагическое измерение, как в классической художественной парадигме, но и ироническое постмодернистское дистанцирование. *В итоге возникает ощущение замкнутого круга русской истории*, которая есть одновременно и проклятие, и благодать. Это тотальное, вне рефлексии, вне процедур различения, приятие/слияние с русским историческим мифом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гартман Дэвид, профессор социологии в Университете Южной Алабамы, США

Гилен Паскаль, преподаватель Университета Гронингена, Нидерланды

Ильченко Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, доцент кафедры журналистики в области культуры Екатеринбургской академии современного искусства

Каминер Тал, преподаватель Эдинбургского колледжа искусств, Эдинбургский университет, Великобритания

Кропотов Сергей Леонидович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уральского государственного экономического университета

Круглова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор кафедры эстетики, этики, истории и теории культуры Уральского федерального университета

Мартьянов Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, заместитель директора Института философии и права УрО РАН по научным вопросам

Меерович Марк Григорьевич, доктор исторических наук, кандидат архитектуры, профессор, член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, Иркутский государственный технический университет

Сассен Саския, профессор социологии кафедры Роберта Линда и сопредседатель Комитета глобальной мысли Колумбийского университета, Нью-Йорк, США

Черняева Наталья Анатольевна, кандидат философских наук, PhD (Университет Айовы), доцент кафедры философской антропологии Уральского федерального университета

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ ГОРОДА
ЕКАТЕРИНБУРГА

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение высшего
профессионального образования

**МБОУ ВПО ЕАСИ «ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ
СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА (институт)»**

Ekaterinburg Academy of Contemporary Art (EACA) was founded in 2006 for organization of study in the cultural scientific field. Academy puts into practice 5 directions such as visual communication, management in cultural sphere, cultural journalism, applied informatics in social and cultural sphere, dance and contemporary plastic arts. As a basis EACA uses modern technologies in studying and science researching. Students of Academy learn to create actual projects and realize them in contemporary urban environment. The courses are conducted by professors of Academy as well as successful experts of cultural organizations, art-managers. Graduating students of EACA work as managers in cultural sphere, art journalists, art critics, designers and specialists in mass media, advertising, art market.

In 2014 Academy of Contemporary Art celebrated 8 years anniversary and moved in a historic edifice, upbuilt in avant-garde style. New space gave new opportunities. Now here are situated Art Gallery, Child Art Academy, Centre of professional and art development, laboratories and studios for creative perfection.

Екатеринбургская академия современного искусства (ЕАСИ) основана в 2006 году с целью профессиональной подготовки специалистов для муниципальной сферы культуры. Академия осуществляет несколько направлений образовательной деятельности, в том числе визуальные коммуникации, управление в сфере культуры, журналистика в области культуры, прикладная информатика в социально-культурной сфере, танец и современная пластическая культура. В образовательной деятельности академия использует современные технологии обучения и результаты научных исследований. Занятия проводят как профессорский состав академии, так и успешные специ-

алисты учреждений культуры, арт-менеджеры. Студенты академии учатся создавать актуальные проекты и воплощать их в современной городской среде. Выпускники академии работают менеджерами в культурной сфере, журналистами в искусстве, арт-критиками, дизайнерами и специалистами в масс-медиа, рекламе, арт-рынке.

В 2014 году Академия современного искусства отметила 8-летие и переехала в историческое здание, построенное в стиле авангарда. В новом пространстве раскрылись дополнительные возможности: созданы художественная галерея, малая академия искусств, центр профессионального и художественного развития, лаборатории и студии творческого роста.

Adress: 620012, Ekaterinburg
Krasnih partisan st., 9/ blvd Cultura, 3
Адрес: 620012, Екатеринбург
Кр. Партизан, 9 / Бульвар Культуры, 3
www.eaca.ru

Научное издание

**Постфордизм:
концепции, институты, практики**

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*

Редактор *Е. А. Кочанова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*

Корректор *Т. Г. Суворова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 16.10.2015
Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,5.
Тираж 300 экз. Заказ

Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8 (499) 685-15-75 (общий, факс),
8 (499) 709-72-95 (отдел реализации)